

**Отраденское районное общество
историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца**

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПОУРУПЬЯ

Выпуск I

**Ильичёвское городище
как памятник средневековой археологии
и церковной архитектуры**

**Материалы краевой научной конференции,
посвящённой 50-летию открытия и изучения
Ильичёвского городища
(Станица Отрадная, 9-10 августа 2012 г.)**

**Отрадная
2012**

ББК 63.3
УДК 9(С4)
В 74

Редколлегия:

Малахов С.Н. - кандидат исторических наук, доцент культурологии
(отв. редактор)

Немченко С.Г. - краевед, председатель Отрадненского районного общества историков-архивистов (составитель)

Плотникова В.А. - начальник Архивного отдела Администрации Отрадненского района

Рецензенты:

Голованова С.А. - доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии

Лоба В.Е. - кандидат юридических наук, начальник Управления научно-исследовательской деятельностью Армавирской государственной педагогической академии

Вопросы истории Поурупья. Вып. I. Ильичёвское городище как памятник средневековой археологии и церковной архитектуры. Материалы краевой научной конференции, посвящённой 50-летию открытия и изучения Ильичёвского городища (Станица Отрадная, 9-10 августа 2012 г.) / под. ред. С.Н. Малахова, С.Г. Немченко. - Армавир: издатель Шурыгин В.Е., 2012. – 300 с.

В сборнике, издаваемом Отрадненским обществом историков-архивистов, публикуются статьи, выступления, тезисы и эссе, связанные с историей открытия и изучения средневекового Ильичёвского городища, расположенного в верховьях Урупа, а также различные материалы и исследования, посвящённые малоизученным страницам казачьей истории Поурупья и Кубани, Русской Православной Церкви, биографиям известных отрадненцев, внёсших большой вклад в историю и развитие культуры Отрадненского района Краснодарского края в XIX – XX веках.

Издание представляет интерес для историков, краеведов, учителей «Кубановедения», студентов, учащихся и всех, интересующихся историей Кубани и Отрадненского района.

*Издание осуществлено за счет средств
казака станицы Отрадной Сергея Гариевича Немченко*

ISBN 978-5-91153-076-1

© Авторы статей, 2012

Содержание

От редактора.....	6
-------------------	---

І. Михаил Николаевич Ложкин – учитель, краевед, исследователь

Филиппов С.К. М.Н. Ложкин и Н.В. Анфимов первоот-крыватели и исследователи Ильичёвского городища.....	10
Акулич Н.Е., Андруха С.И., Науменко Т.А., Петров В.Н., Петрова-Хорина Н.Н., Поверенная О.И. Ильичёвское городище – 1968. Археологическая экспедиция в воспоминаниях её участников.....	18
Кукуян В.Г. Чудаки украшают мир!	28
Коровин А.А. Слово о М. Н. Ложкине.....	32
Гамиев А.И. Просто Учитель.....	33
Тёр Е.В. Продолжая традиции М.Н. Ложкина: некоторые страницы истории краеведения в Отрадненском районе.....	34
Слащев В.С. Перспектива и польза создания Передовско-Ильичёвского туристического кластера.....	38

ІІ. Ильичёвское городище как памятник археологии и средневековой церковной архитектуры

Кузнецов В.А. М.Н.Ложкин и интерпретация церкви №1 Ильичёвского городища.....	43
Романова Г.Б. Уруп и Приурупье в осетинском нарттовском эпосе.....	45
Евсеева О.Н. Ильичёвское городище – памятник истории и культуры федерального значения.....	46
Лысенко Н.Ф. Древнее христианство Западного Кавказа.....	50
Лопатин А.П., Лопатина Т.Е. Раскопки кургана у ст. Спокойной в 1993 г.....	58
Голубев Л.Э. Новая находка позднесредневекового наконечника копья с треугольными выступами.....	71
Тёр Е.В. Случайные археологические находки в Отрадненском Приурупье.....	74
Малахов С.Н. Гидронимы Поурупья как исторический источник.....	76
Спиридонова Е.С. Ильичёвское городище как археологический памятник.....	81
Атаев А.В. «Концепции аланского наследия» как фактор межконфессиональной и внутривластной конфронтации.....	84

ІІІ. Биографии как исторический источник

Гамиев А.И. Судьба казака Кияшко.....	91
Тёр В.В. Штрихи к портретам отрадненских земляков.....	94
Мастепанов С.Д. Страницы из автобиографии.....	99
Подготовил к публикации С.Г. Немченко.....	99
Орёл Л.Г. Василий Николаевич Орёл – педагог, учёный, гражданин.....	107
Немченко С.Г. Послесловие к статье Л.Г. Орёл.....	118

IV. Казачество Поурупья в исторических событиях XIX – XX веков

Лукаш С.Н. «Двадцать лет назад проезжал я уже по Кавказской линии...».....	123
Хлудова Л.Н. Изобразительное искусство как источник по военной повседневности линейного казачества.....	131
Емельянов О.Б. Несколько свидетельств об участии казачества Терского левого бережья в ратных делах на Северо-Западном Кавказе в начале 60-х гг. XIX века.....	135
Зинеева З.З., Теленев С.В. Варшавский дивизион: Из истории службы линейцев в Царстве Польском.....	138
Немченко С.Г. К истории Рождество-Богородицкой церкви в станице Отрадной.....	143
Ложкина О.А. Историческое описание храмов Отраденского благочиния.....	151
Матвеев О.В. Из жизни и наследия офицера Урупской бригады.....	158
Якубов В.В. Общественная жизнь дореволюционной Лабинской: благотворительность, меценатство, попечительство и христианское милосердие.....	165
Яковлев С.Ю. Кубанское казачество на фронтах Первой мировой войны.....	172
Савельев В.А. О поземельных отношениях крестьянства и казачества на Дону и Кубани в начале XX века.....	177
Бровко А.М., Казанков В.И. Атаман С.К. Яценко и основание Бесскорбненской учительской семинарии.....	182
Мультиатули П.В. Свержение монархии в России. Духовно-нравственные причины и последствия.....	197
Коровин А.А. Казачье самоуправление на Дону, Кубани и Тереке в революционный период (февраль 1917 – февраль 1918 года).....	202
Корсакова Н.А. Фаберже в коллекции Регалий Кубанского казачьего войска.....	210
Берендюков Б.Н. Газеты Белого движения на Кубани как исторический источник.....	213
Семёнов А.А. Казачество и горцы в событиях Гражданской войны на Юге России.....	219
Берендюков Б.Н., Пучин В.К. О восстании казаков-линейцев в 1920 г. под командованием генерала М.А. Фостикова.....	226
Засухин Р.В. Специфика участия казачества в Гражданской войне на Юге России.....	229
Лопатина Н.А., Лопатин А.П. Свадебно-обрядовые песни Лабинского отдела.....	234
Тёр Е.В. «Эстонское дело» 1938 г. Сколько было репрессированных?.....	245
Бамбурина И.В. Казаки-кубанцы в годы Великой Отечественной войны.....	248
Ерёмичев Н.Е. Один бой 4-го эскадрона.....	257
Санеев С.А. Церкви Новороссийска в годы Великой Отечественной войны.....	268
Громов В.П. К вопросу о вкладе современного кубанского казачества в межнациональное согласие на Северо-Западном Кавказе.....	283

Список сокращений.....	296
Сведения об авторах.....	297

От редактора

Настоящий сборник содержит материалы научной конференции, посвящённой 50-летию открытия и изучения Ильичёвского средневекового городища в междуречье Урупа и Кувы, и включает не только статьи, сообщения и тезисы, связанные с археологической тематикой, но и воспоминания участников археологических экспедиций, которые работали и хорошо знали первоисследователей этого памятника – Михаила Николаевича Ложкина и Никиту Владимировича Анфимова, а также статьи по проблемам казачьей истории, неизменно входившей в круг краеведческих интересов М.Н. Ложкина.

Учитель истории М.Н. Ложкин, с августа 1942 г. оказавшийся в хут. Ильич и оставшийся там жить и работать, в послевоенные годы активно и пытливо исследует ближние и дальние окрестности, пробуждает интерес к родной земле у своих учеников, что неизбежно привело к созданию в школе небольшого музея. В 1949 – 1950 гг. археолог Н.В. Анфимов проводит разведки по берегам р. Уруп, выявляя памятники меотской культуры. Детальное обследование Поурупья в 1950 – 1960-х гг. позволило Н.В. Анфимову не только обнаружить ранее неизвестные меотские городища, но и выделить границы западного варианта кобанской археологической культуры. С этого времени начинается плодотворное сотрудничество сельского учителя из отдалённого кубанского хутора и музейного археолога из Краснодара, позднее ставшего доцентом Краснодарского педагогического института, а затем профессором КубГУ.

В 1954 г. экспедиция Краснодарского краеведческого музея под руководством Н.В. Анфимова проводит раскопки скальных погребений в Гамовском ущелье, которые были обнаружены учителем-краеведом М.Н. Ложкиным. В небольших пещерах-нишах, разбросанных на разной высоте по крутым склонам Гамовской Балки были найдены погребения V – VI и XI – XII вв., сделанные прямо на поверхности пола пещер, вход в которые затем закладывался камнем. Подобные погребения, в большей части разграбленные, тогда были известны в Мощевой Балке на р. Большая Лаба, в Нижнем Архызе (обследованы В.А. Кузнецовым в 1952 – 1953 гг.), в Даховской пещере на р. Белой и других местах, но этническая принадлежность подобных погребений оставалась спорной, поскольку отличия культуры средневековых адыгов от культуры алан тогда ещё не были чётко установлены.

В 1959 г. с хуторским музеем древностей ознакомился будущий известный археолог и историограф археологической науки А.А. Формозов, который, вероятно, нашёл много общих тем для разговоров с Михаилом Николаевичем, поскольку оба они были родом из Вятки. Обмен информацией с археологами и целенаправленное чтение научной литературы позволили учителю-краеведу сделать собственное открытие – многочисленные вещественные находки из разрушаемых культурных слоёв в окрестностях хут. Ильич относятся к аланской археологической культуре. В этом окончательно М.Н. Ложкин убедился после встречи с археологом В.А. Кузнецовым, которого пригласил осмотреть в начале 1960-х гг. Ильичёвское городище. С тех пор, с следовавшими затем экспедициями, раскопками, реставрационными работами, с многочисленными экскурсиями к открытым для обозрения фундаментам средневековых христианских церквей, газетными публикациями и документальными фильмами начинается самостоятельная жизнь Ильичёвского городища, как памятника, не только археологии и средневековой архитектуры, но и неутомимого исследовательского человеческого духа, а Михаил Николаевич превратился в своеобразного «гения места», *genius loci*, как выражались некогда древние римляне. Теперь уже, в ином столетии, невозможно представить историю кубанской региональной культуры второй половины XX века без имени Ложкина. А главная заслуга сельского учителя, пожалуй, состояла в том, что хотя Судьба и забросила его в отдалённый уголок огромной страны, тем не менее, невзирая на духовную несвободу и ограниченность материальных средств, он смог не только выжить, но и создать свой мир, свой культурный о́коём, попадая в который, в то время многие люди, особенно молодые,

обретали Смысл бытия, интерес к прошлому своей Родины и жизненные силы для достижения поставленных целей.

Именно роли человеческого характера в научном исследовании, предыстории и значению открытия Ильичёвского городища посвящён первый раздел сборника.

Во втором разделе «Ильичёвское городище как памятник археологии и средневековой церковной архитектуры» представлены статьи и выступления, связанные с вопросами истории христианства на Северном Кавказе, этническими процессами в Поурупье в древности и средние века, получившими отражение в топонимии региона, а также итогами археологических раскопок и фиксацией отдельных случайных находок древних артефактов в Приурупье. Особую обеспокоенность вызывает дальнейшая судьба городища как археологического и историко-архитектурного памятника, что нашло отражение в ряде выступлений; рассматривается и такой аспект присутствия прошлого в современной политике, как влияние «аланского наследия» на ситуацию межконфессионального и межэтнического взаимодействия в республиках Северного Кавказа.

В круг научных и краеведческих интересов М.Н. Ложкина входили также проблемы истории казачества, поэтому редколлегия посчитала возможным и логичным поместить в сборнике исследования и материалы, связанные с историческими процессами в Поурупье в XIX – XX веках. В третьем разделе «Биографии как исторический источник» содержатся опыты восстановления биографий как по устным рассказам и воспоминаниям родственников, так и автобиографии, написанные осознанно авторами на склоне лет и подводящие итоги жизненного пути, дающие оценку политического и социального прошлого нашей страны, в них осмысливается персональный опыт выживания в условиях советской повседневности. Факты персональной истории жизни казаков Приурупья широко представлены и в четвёртом разделе сборника «Казачество Поурупья в исторических событиях XIX – XX веков». Основное внимание авторов статей и сообщений в этом разделе сконцентрировано на проблемах военной истории линейного казачества периода Кавказской войны, церковно-приходской, социальной и культурной жизни станичных обществ в дореволюционный период. Не ослабевает, и даже нарастает, интерес учёных-профессионалов и краеведов к истории Гражданской войны, её событиям на Северном Кавказе, причинам (от социально-экономических до ментальных) и последствиям для казачества. Подвиги кубанских казаков в годы Великой Отечественной войны получают дополнительное освещение в сборнике на основании недавно выявленных архивных источников и проведённой изыскательской работы. В статье В.П. Громова характеризуется сложный период возрождения казачества, даётся анализ роли современного кубанского казачества в формировании межнационального согласия на Северо-Западном Кавказе на рубеже столетий.

Несмотря на то что представленные работы зачастую выполнены в различных жанрах, а их авторы подчас придерживаются различных методологических стратегий и исследовательских процедур, да и изложение результатов исследования иногда оказывается несколько эмоциональным – героическая и одновременно трагическая история России не может никого оставить равнодушным! – все исследования объединяет одно: искренняя любовь к родной истории, стремление приблизиться к истине и донести *правду русской истории* до сознания своих соотечественников.

**І. Михаил Николаевич Ложкин – учитель,
краевед, исследователь**

С. К. Филиппов

**М. Н. Ложкин и Н.В. Анфимов – первооткрыватели
и исследователи Ильичёвского городища**

Казаки, православные христиане пришли осваивать земли по берегам верховий реки Уруп, на территории нынешнего Отрадненского района, 150 лет назад. А вот если мы будем отталкиваться от результатов современных археологических исследований, сделанных в предгорьях, оказывается, что ещё тысячу лет назад на Урупе уже был белокаменный, многолюдный по тем временам христианский город, представлявший собой мощную, опоясанную каменными стенами крепость. Сейчас то место, где была эта твердыня, мы называем Ильичёвским средневековым городищем.

Как и многое в нашей жизни, открыто оно было случайно. В начале шестидесятых годов (1961 – 1962 гг.) правление колхоза им. Мичурина, что находилось в станице Передовой, решило часть территории одного из своих отгонных пастбищ (поляну летней МТФ) вспахать, чтобы посеять там кукурузу. Но, когда тракторные плуги стали переворачивать почву, механизаторы увидели, что в пахоте появляется много различных предметов старины: черепки глиняной посуды, наконечники стрел, кованые гвозди, отёсанные камни.

Впрочем, и раньше, пастухи, охотники, туристы (а последних в этих живописных местах всегда было немало) в промоинах, каньонах, осыпях, под многочисленными скальными навесами, окаймляющими городище, нередко находили различные предметы старины, но часто в качестве сувениров увозили их с собой, не догадываясь об истинной исторической ценности находок.

Ситуация изменилась, когда в хуторе Ильич, что расположен в излучине реки Уруп, растянувшись вдоль берега небольшой речки Кувы, стал жить и работать директором местной школы историк Михаил Николаевич Ложкин. В силу своей профессии и в свободное от занятий время, он вместе с молодыми коллегами и учениками не раз совершал походы по окрестностям хутора, где они тоже находили много любопытных предметов, явно свидетельствующих о неизвестном народе, ранее жившем в этих местах. Поэтому когда найденные на вспаханном участке поля летней МТФ предметы механизаторы принесли Ложкину, он тут же связался с председателем колхоза и попросил его немедленно прекратить там все работы. И вспашка поля была в тот же день остановлена.

Кто-то, возможно, удивится, как мог колхозный председатель в своем производственном деле подчиниться директору хуторской школы.

А дело в том, что в те годы ильичёвская школа, благодаря именно своему директору, выгодно отличалась от многих ей подобных хуторских школ Кубани, выделяясь, прежде всего, дружным творческим педагогическим коллективом. Между школой и хозяйством был тесный деловой контакт. Школа считала колхоз своим опытным полем, а колхоз школу – своей бригадой. Такая организация жизни хуторян была, по тем временам, явлением редким.

Помимо этого, в школе была создана производственная ученическая бригада, которая была участником ВДНХ, а наиболее отличившиеся школьники за достигнутые успехи были удостоены медалей и премий.

Но как педагог и историк, Михаил Николаевич, решив приобщить своих воспитанников к «большой» жизни, предложил организовать переписку учащихся хутора Ильич с известными людьми, причём не только нашей страны, но и коммунистическими деятелями Запада. На трогательные письма детей из хут. Ильич откликнулись многие знаменитости. Одна за другой в хуторскую школу стали приходить посылки. В то время самыми ценными подарками были книги о В.И. Ленине, тем более для маленьких хуторян-«ильчѳвцев». Приходили книги на многих языках народов СССР, много было зарубежных изданий – из ГДР, Франции, Румынии и других европейских стран. И вот тогда в школе, по инициативе Ложкина, был создан музей имени В.И. Ленина. Сюда, в крошечный, далѳкий хутор, стали поступать экспонаты из Центрального музея В.И. Ленина в Москве, из Шушенского, Ленинграда, Тампере. Ребятам пришли письма из Польши, Ирака, Израиля.

Этот хуторской музей был знаменит на всю страну ещѳ и тем, что там были собраны произведения коммунистических лидеров многих зарубежных стран с их личными автографами. Было даже личное письмо Генерального секретаря Компартии Чили Луиса Корвалана. Сам этот факт поражал многих посетителей этого удалѳнного и крохотного населѳнного пункта. Музей был открыт круглый год, на нѳм никогда не было замка, а его организатор и директор школы М. Н. Ложкин стал человеком авторитетным даже в крае.

Однако с особым энтузиазмом ильчѳвские школьники и молодые учителя участвовали не только в походах по местам революционной, боевой и трудовой славы, более всего они любили путешествовать по родному Приуропью.

Именно в одном из таких походов ребятами вместе с Ложкиным в ущелье Балабанка обнаружили захоронения VIII – X веков. А позже и во многих других местах были найдены ценнейшие предметы тысячелетней давности. Вскоре при хуторской школе была открыта экспозиция старинных раритетов, найденных по берегам Урупа, Кувы и впадающих в них притоков.

Естественно, что именно Ложкину люди несли теперь всѳ, что находили в своих огородах, на речных отмелях и пастбищах.

Обследовав поле летней МТФ, Ложкин о находках тут же сообщил в Краснодарский краевой музей, попросив приехать из Краснодара для консультаций своего давнего знакомого, большого знатока древней истории Кубани и Кавказа, Никиту Владимировича Анфимова (1909 – 1998). Вскоре под его руководством профессора Н.В. Анфимова силами студентов на поляне летней МТФ, начались археологические раскопки.

Разведочные шурфы, сделанные на небольших чуть продолговатых «курганах», ориентированных с востока на запад, показали, что под слоем земли находятся фундаменты каких-то строений.

Впоследствии ими оказались остатки стен древнейших в нашей стране (тогда СССР) христианских храмов. По мнению многих ученых-кавказоведов, это был один из центров Западной Алании, важная пограничная крепость, которая, обеспечивала функционирование и безопасность один из участков Великого шелкового пути.

В 60 – 70-х годах об этой находке в районе хутора Ильич много писали как в кубанской, так и в центральной прессе. Шутка ли, хуторской учитель нашел в горах древний христианский город, который был на полвека старше Киевской Руси! Проведѳнные специальной экспедицией под руководством Н.В. Анфимова археологические раскопки дали ученым основание утверждать, что в XI – XIII веках здесь был один из крупных и хорошо укреплѳнных населѳнных пунктов, возможно, один из христианских центров государства Алания. Археологи назвали это древнее городище Ильчѳвским, по наименованию ближайшего к нему современного населѳнного пункта. Потом уже из лекций Михаила Николаевича, из его заметок и статей в газетах (а он, надо сказать, постоянно выступал с публикациями в местной и краевой печати, в специальных научных изданиях) все, кто интересовался историей России и Северного Кавказа, узнали, что на Кубани сделано важное научное открытие. Ведь о найденной в Отраденском районе, вблизи хут. Ильич, крепости есть упоминания даже в осетинском Нартском эпосе! Правда, там река Уруп называют Уарпом, а крепость «Уарп-фидар». Правил крепостью Уарп-алдар (князь по имени Сайнаг) со своей женой Уарп-ахсин (имя не приводится).

В ходе дальнейшей, более тщательной разведки, которую проводила археологическая группа во главе с Ложкиным по берегам Урупа и Кувы, было обнаружено, что с двух сторон, в самых узких местах городища, находятся остатки каменных крепостных стен. В некоторых местах толщина их доходит до полутора метров. Сохранились фундаменты помещений для стражи,

охранявшей въезды в город. По длинным же сторонам городище имеет естественную преграду: к Уруп и балке Гамовской уходят вниз неприступные скалы высотой не один десяток метров, преодолеть которые могут только опытные скалолазы при полной современной экипировке. В средние века, когда главной военной ударной силой были пехота, да конница, проникнуть в город было практически невозможно. Разве что в некоторых местах до скал могли долететь стрелы с противоположного берега.

И все же, однажды после длительной осады город пал. Произошло это, видимо, во время татаро-монгольского нашествия. Крепостные стены были разрушены, сожжены жилища горожан, осквернены христианские храмы, большая часть населения погибла, защищая город. Кто-то был, конечно, угнан в плен, а кому-то, возможно, удалось уйти потайными тропами из города и отсидеться в неприступных скальных пещерах, которых здесь великое множество. Но после той трагедии город больше не смог возродиться.

И вот, спустя шестьсот с лишним лет, раскапывая город, наша группа археологов-любителей, руководимая М.Н. Ложкиным (в ней были работники культуры, учителя и художники, музыканты и колхозники, учащиеся и журналисты, в том числе и автор этих строк), увидела этот разгром и запустение, оставленные завоевателями: вокруг храмов валялись груды камней от рухнувших стен (большую часть из них, возможно, разобрали и увезли жители этих мест для своих строительных нужд), внутри на каменном полу слой пепла от сгоревшей кровли, разбросанные кованые железные кресты, осколки каменной резьбы, украшавшей много веков назад алтарную преграду.

В центре города были раскопаны и частично восстановлены остатки стен четырёх храмов, сложенных из белого тесаного известняка, а всего их, вероятно, по характерным «курганам», было с десяток, а то и более. Судя по находкам, жили здесь люди мастеровые, кузнецы и оружейники, строители и каменотёсы. О чем свидетельствовала изящная каменная алтарная преграда.

Один из раскопанных храмов уникален. Это базилика начала XIII века. Архитектурные аналоги её есть лишь среди византийских памятников Крыма и Болгарии. Нашли мы основания её стен тоже случайно. Поставили палатки, стали копать углубление для кострища, и наши лопаты вдруг наткнулись на какую-то кладку. Это оказалась часть стены очередного памятника – базилики, которую мы начали раскапывать уже на следующее утро. Внутри одного из помещений был обнаружен каменный склеп, в котором, видимо, был похоронен кто-то из знатных лиц города, возможно, князь, настоятель монастыря или даже епископ, присутствие которого здесь тоже можно предполагать, имея в виду большое количество храмов, сосредоточенных в одном месте. В склепе кроме фрагментов человеческих костей ничего не было найдено. В этих местах ещё задолго до нас поработали «гробокопатели» в поисках церковных ценностей. Нами же вокруг стен первого храма были обнаружены более скромные каменные склепы, а в них христианские погребения. Среди находок были нательные крестики X – XII веков. Внутри первой церкви была найдена небольшая монета с изображением Иисуса Христа с одной стороны и императора византийского Никифора III Вотаниата (1078 – 1081) с другой, а ещё захоронение ребёнка, среди останков которого мы нашли небольшой ножичек.

Как свидетельствуют ильичёвские раскопки, христианство пришло в эти глухие места, державшие оборону от нападения внешних врагов, значительно раньше, чем в Киевскую Русь. А потому фантазия позволяет нам предположить, что на заре возникновения новой религии о крепости Уарп-Фидар, возможно, могли знать легендарный апостол Андрей Первозванный и славянские братья-просветители Кирилл и Мефодий.

Мы все, кто тогда работал с Ложкиным, удивлялись его безудержной энергии, работоспособности и тщательности, с которой он трудился на раскопках, а потом и восстанавливал разрушенные стены храмов. Кроме общей тяжелой работы по раскапыванию храмов, иные, частные, обязанности между нами были распределены так: я занимался фотофиксацией, художники Роман Пименов, Анатолий Коробков и Борис Пивкин зарисовывали и вычерчивали всё, что требовал Михаил Николаевич. А требования у него были всегда высокими, речь шла чуть ли не о микроскопической тщательности в измерении размеров находок, фиксации того, где и как они располагались по отношению друг к другу, а также к оси координат.

Сам же Михаил Николаевич взял на себя самую сложную работу. Это описательная часть, научное сопровождение и составление отчётов об археологических раскопках, с тем, чтобы получить Открытый лист на продолжение работ в будущем. Консультации он получал часто по телефону из Краснодара от Н.В. Анфимова, или из Северной Осетии от В.А. Кузнецова. Несмотря на проблемы со зрением и сердцем, Михаил Николаевич старался помочь нам даже в самых

тяжелых работах. А во время археологических разведок вместе с нами проходил пешком по сложной пересечённой местности по несколько километров в день, взбирался на скалы, к пещерам, где, по его мнению, тоже могли быть захоронения. И мы действительно находили их. И снова там, в горах, в пещерах проводили раскопки. Михаил Николаевич стремился обязательно везде побывать лично, увидеть и поддержать в своих руках всё, что мы находили. Для него это было своеобразным ритуалом, в результате которого он как бы заряжался энергией и верой, что впереди будут и ещё более интересные находки. Рабочий день у нас был, конечно, не нормированный, копали, можно сказать, от рассвета до заката, а после захода солнца пели песни под гитару, или слушали рассказы Михаила Николаевича из его жизни, хуторские истории.

После распада СССР Ильичёвское городище, датируемое специалистами X – XIII вв., становится на территории России самым древним, наряду с Нижним Архызом, христианским храмовым комплексом. С завершением археологических раскопок были взяты на цементный раствор остатки стен малых церквей, приведены в порядок прилегающие к церковным фундаментам территории – и эти уникальные памятники начинают вызывать интерес не только историков, археологов, туристов, но и людей верующих. По инициативе М.Н. Ложкина, чтобы привлечь внимание Церкви к городищу, этому уникальному объекту старины, как-то «узаконить» его среди православных объектов, имеющих историческое значение, было принято решение обратиться к местному священнику, чтобы освятить городище и первую открытую церковь.

В девяностых годах благочинный Отрадненского округа протоиерей о. Виктор Райш, впервые узнав о средневековом городище, что там сохранились стены древних христианских храмов, попросил показать ему этот город. Вскоре поездка такая состоялась. А потом, по благословению епископа Майкопского и Армавирского Филарета, решено было после престольного праздника Отрадненской церкви Рождества Пресвятой Богородицы – 22 сентября – провести на городище крестный ход.

В назначенный день он состоялся. Пожалуй, за минувшее несколько веков, это был первый крестный ход к древним святыням. Возглавил его сам благочинный, отец Виктор. В нем приняли участие около ста прихожан из станиц Отрадной, Удобной, Передовой и хутора Ильич, казачество района. Тогдашний атаман Отрадненского казачества Александр Иващенко нёс икону Святителя Николая Чудотворца. Значимым моментом крестного хода стало воздвижение поклонного креста у стен первого храма. У основания его в бетон была вмонтирована каменная плита с выбитой на ней надписью: «Сей поклонный крест, сооружен в честь и в память 2000-летия Рождества Христова тщанием прихода церкви Рождества Пресвятой Богородицы станицы Отрадной 22 сентября 1999 года». Выступая перед собравшимися, отец Виктор сказал: «С сего дня, в свой престольный праздник мы будем совершать сюда крестный ход, чтобы у этих древних храмов помолиться Господу нашему. Ну, а каждый из вас в любое время может и сам подняться на эту гору, побыть среди этого великолепия природы, набрать воды в этом удивительном источнике.

Хочу сказать больше: теперь нам, верующим, православным христианам, не обязательно ехать куда-то в далекие заморские страны, чтобы посетить святыне места. Такое место есть и в России, у нас на Кубани, в нашем районе. Вот оно! На этой живописной горе. Надеюсь, что в этом богоугодном деле поддержат нас все, кому дорога подлинная история нашей страны, нашего края, кто искренне чтит традиции христианства и Православия». Есть много идей и практических предложений по использованию этого интереснейшего объекта в научных и туристских целях. Эту идею поддерживают Общество охраны памятников истории и культуры, Русская Православная Церковь некоторые предприниматели и бизнесмены, считающие себя верующими. Только все вместе, как сказали бы в старину, «соборно», мы сможем поднять это дело на должный уровень.

Это, на взгляд многих, кто был на крестных ходах на городище, может быть одной из тех объединительных целей, при достижении которых, как говорят мудрецы: «Можно и горы свернуть». Эту мысль постоянно высказывал и Михаил Николаевич. С его мнением считались не только учителя, но и ученые – кавказоведы, работники музеев и архивов. Но пока, как говорится, «воз и ныне там». Правда, М.Н. Ложкин за вклад, который он внёс в исследование Ильичёвского средневекового городища и развитие музейного дела в нашем районе, был удостоен звания «Заслуженный работник культуры Кубани».

В восьмидесятых годах Михаил Николаевич с женой Натальей Федоровной, тоже учителем, будучи уже на пенсии, переехали в Отрадную, где им дали дом неподалёку от районного музея. В этом доме они прожили несколько лет. Работая в музее научным сотрудником, Михаил Николаевич добровольно взял на себя обязанность вместе с местными энтузиастами организовывать ещё народные станичные и школьные музеи. И он свою задачу выполнил. Можно смело сказать, что все

музеи, которые были организованы в те годы в районе, создавались под непосредственным и настойчивым его патронажем. И вот в связи с этим такой запомнился мне факт. Если к нам приезжали экскурсии, то руководители коллективов всегда просили, чтобы по городищу экскурсию вёл непременно Михаил Николаевич. Эту просьбу мы всегда выполняли, ибо экскурсоводы нам говорили, что приезжали послушать именно Ложкина.

*Н.Г. Акулич, С.И. Андруха, Т.А. Науменко,
В.Н. Петров, Н.Н. Петрова-Хорина, О.И. Поверенная*

**Ильичевское городище – 1968.
Археологическая экспедиция в воспоминаниях
её участников**

Ниянила Николаевна Петрова-Хорина, ныне профессор кафедры журналистики и издательского дела Кубанского социально-экономического института (КСЭИ), участница археологической экспедиции 1966 года, была в отряде, производившем раскопки в хуторе Ильич на Заслонке:

– Лето 1968 года. Учебная практика по археологии на историческом факультете Кубанского государственного университета (КубГУ) в тот год осуществлялась на двух объектах. В июле первый отряд студентов копал курганы в зоне строительства Краснодарского моря под Усть-Лабой и Васюринской. Второму – в августе предстояло выехать в Отрадненский район (как тогда говорили, «к Ложкину») на раскопки древнего городища. Руководителем экспедиций был неизменный мэтр кубанской археологии профессор Никита Владимирович Анфимов, а в Ильиче и Михаил Николаевич Ложкин, тогда ещё не всем известный учитель истории и директор хуторской школы-интерната.

Наступил день отъезда второго отряда. Это было 14 августа 1968-го. Дата запомнилась, поскольку в этот день советские войска вошли в Чехословакию...

В назначенный час студенты собрались у здания своего факультета, на улице Октябрьской, 25. Они по-солдатски шутили: «На выход с вещами!» Всех предупреждали, что в Приурупье и летом ночи холодные, – поэтому в рюкзаках и сумках вчерашних первокурсников (а после июньской сессии они стали второкурсниками) были не только теплые куртки и шерстяные одеяла на случай дождей, но резиновые и кирзовые сапоги. Последние – у вчерашних солдат, ведь в то время практически каждый парень становился студентом после 2-3 летней службы в армии.

Подошли два грузовика. На один погрузили палатки и лопаты – главное орудие труда археологов, кухонный скарб. Второй грузовик был оборудован деревянными лавками, на которые уселись студентки, стройные и звонкие, согласно своему 20-летнему возрасту. Кому места на лавке не досталось, тот примостился на свой рюкзак, или на колени к «соплеменнику».

Нелли Евгеньевна Акулич (в то время **Роздина**), ныне учитель краснодарской гимназии № 93:

– Мне места на лавке не досталось, и я всю дорогу мучилась, сидя на худых, острых коленках у Петрова-Маленького. Толика звали «Маленький» потому, что на курсе был еще один Петров – Володя. В отличие от невысокого, хрупкого вчерашнего школьника Толи Петрова, Владимир, недавно демобилизованный из армии, был высоким и крепким парнем. Чтобы их не путать, мы и называли одного «Петров-Большой», другого «Петров-Маленький»...

Дорога длиною более 300 километров, поэтому грузовики в Ильич прибыли поздно вечером. Накануне прошумел ливень, и нам сразу же пригодились сапоги. Встречал отряд М.Н. Ложкин, он и разместил нас на ночлег в здании вверенной ему школы-интерната. Наутро Михаил Николаевич показал нам школьный музей с археологическими находками: в течение многих лет ученики и местные жители приносили их школу...

Татьяна Александровна Науменко, ныне преподаватель Краснодарской средней школы № 10, Заслуженный учитель России, кавалер ордена Дружбы народов:

– Музей маленького неизвестного хуторка, затерянного в горах, удивлял своими экспонатами: останки (скелеты) древних алан – жителей этих мест, их домашняя утварь, предметы хозяйственной деятельности. Запомнился хорошо сохранившийся деревянный гроб. Позже, при

раскопках городища, и мы находили такие. Захоронения были в нишах-пещерах, которые мы обнаруживали в обнажившихся отвесных берегах реки Уруп. Ниши были закрыты каменными плитами, но их нетрудно было отколупывать, хотя, помнится, я при этом занятии два ножа сломала...

Владимир Николаевич Петров, ныне доктор социологических наук, профессор кафедры социологии КубГУ:

– Наутро прибыл колхозный трактор с тележкой, в неё мы погрузили свое снаряжение и поехали в горы. На открытом склоне расположились лагерем. Поставили палатки, оборудовали кострище для приготовления пищи, пару дней спустя из камней и глины соорудили добротную печку, на которой сразу можно было одновременно готовить первое, второе и чайник примостить. Распределили обязанности: Юра Тамбулов вызвался быть снабженцем, Тамара Шелехова – заведовать нашим походным хозяйством. Витя Акулич, который и спал с фотоаппаратом, и шелкал объективом с утра до ночи, сразу вызвал такое доверие у Михаила Николаевича, что тот и не стал искать фотографа в районе. Раскопки на Ильичёвском городище и на Заслонке Акулич снимал и после августа 1968-го еще тринадцать лет подряд. У нас у всех осталась масса его фотоснимков, а отчёты Н.В.Анфимова и М.Н.Ложкина по археологическим находкам были всегда задокументированы его фотографиями.

Т.А. Науменко:

– Никита Владимирович просыпался всегда первым в 5 утра. И вскоре раздавался его напевный с картавинкой голос: «Довольно спать, довольно спать! Пора вставать, пора вставать!». Так он делал нам каждое утро подъём, мы шутили: «Вместо пионерского горна...»

Недалеко от лагеря была ферма и летнее пастбище. По трубе для рогатого скота бежала невероятно чистая, мягкая и вкусная холодная вода, ниже она наполняла углубления – естественные ванночки, в них мы даже купались. Росными утрами мы бежали на этот «Водохлеб»: умывались, плескались, несли в лагерь воду. Дежурные по кухне готовили еду. Классические макароны с тушёнкой, супы, иногда и борщи кому-то было под силу сварить, какао почему-то называли мулякой. Завтракали – и в раскопы!

С едой много случалось курьёзов, так как не все девочки умели готовить. Представить только – какими могли быть на вкус и цвет макароны, если Света Тивкова и Оля Поверенная засыпали их сразу в холодную воду! Или: мы с Неллей промывали-промывали макароны через дуршлаг, а потом перепутали, что надо оставить, а что швырнуть в заросли крапивы. Давай потом быстрее макароны в кустах собирать, пока никто не увидел...

В.Н. Петров:

– Палатки наши стояли на склоне. Никита Владимирович с Михаилом Николаевичем жили в одной палатке, а мы с фермы натащили соломы, постелили в палатках, чтоб было теплее и мягче спать. Но из-за уклона нашей поляны в течение ночи мы сползали вниз по скользкой соломе, и утром из палаток всегда торчали наши ноги. Ночи холодные, а одеяло одно на троих! Теплее всех было тому, кто спал в серединке, ведь спящие по краям старались общее одеяло перетянуть на себя.

Не обходилось и без приключений. Помню, первый день мне не давал покоя шум реки, и так хотелось увидеть этот Уруп! В конце дня, никому не сказав, я пошел к реке. Думаю: посмотрю – и назад. Оказалось, что это не так уж и близко! Дошел, наконец. Река после обильных дождей бурная, шумит как Ниагарский водопад.

Когда собрался в обратный путь, стемнело мгновенно. Пошел и вскоре понял: заблудился. Ночь, на мое счастье попало дерево, которое на высоте 2,5 метров раздваивалось, образовав естественное кресло. Снял туфли, взобрался, уселся, стал дремать. Вдруг, какой-то громкий шорох, зверь, наверное. «Медведь... сейчас сожрёт мои туфли!» – пронеслось в голове. А у меня это была единственная обувь, она-то 45-го размера, и вряд ли кто меня потом выручил бы своей запаской.

Н.Е. Акулич:

– Когда обнаружилось отсутствие Петрова-Большого, мы в лагере сильно переволновались. Парни приказали девчонкам сидеть, а сами пошли с факелами в лес, оглашая его криками. Но потерявшийся появился на рассвете сам.

Ольга Ивановна Поверенная, ныне доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики факультета управления КубГУ:

– Так случилось, что я опоздала к отходу грузовиков с моими однокурсниками и приехала в Ильич только через два дня. К счастью, в автобусе попутчиком до Ильича оказался местный парень, студент-физик из Ростова. Он оказался благородным человеком, вызвавшись «провести меня к археологам». Он, его девушка и я пробирались в ночи неведомой мне дорогой. Долго ли коротко шли, но вышли в лощину и заметили большой костёр. Вокруг него – люди. Они дружно распевали одну из студенческих песенок, по-моему, она – от Алика Будая: «Оля, ты ко мне приходишь каждую ночь. Хочется обнять тебя, но сил нет, невмочь. И сквозь туман, сквозь ураган вижу я улыбку твою...» И когда мои однокурсники самозабвенно пели: «Снова зову, снова грущу, снова я тебя забвения ищу, Оля! Оля!..», я, проехавшая от Краснодара до Ильича и уставшая от 7-километрового ночного пути, в секундной паузе этого хора успела пропищать: «Я зд-е-е-сь!» – народ обалдел. А потом раздался гомерический хохот и – «...Ура! Оля нашлась!..»

В.Н. Петров:

– Самым памятным событием для нас было посвящение в археологи. Готовились заранее. Люся Жогина (Пономарева) писала сценарий, добровольцы отправились на хутор в магазинчик за сухим вином, из которого Никита Владимирович потом варил известное студентам всех поколений «Чики-чики». Кажется, в этом ему тогда помогал Варган Кукуян. Колдовали под звёздами: вино разбавляли водой, добавляли сахар и всё это варили на костре. Этакое археологическое причащение. Для этого, по сценарию Люси, нужен был ковш. Я и Николай Триполец завалили дерево, отпилили от него метровой длины бревнышко и вырезали для «Чики-чики» ковш.

И вот пришла ночь. В небе яркие звезды, за палатками – костер, у нас в руках – факелы. Кругом густые заросли крапивы, а мы спускаемся в раскоп храма. На девушках облачения из простыней, у всех на головах папоротниковые венки... Днем с Заслонки принесли выкопанный череп. Чистенький, свеженький, желтенький такой. Никита в центре у апсиды с этим черепом в руках, и все произносили клятву верности истории и археологии, и пели «Студенческую археологическую». Потом возвратились, пили из ковша по кругу «Чики-чики», самые резвые через костер прыгали...

Н.Н. Петрова-Хорина:

– Собираательницей и хранительницей песенного студенческого фольклора на вашем курсе стала Валя Иванченко (Покотило). Ею составлен рукописный песенник. Есть и та «Студенческая археологическая»:

Я специальность себе выбирал по-наследству, / Стать археологом с пеленок мечтал, / О всяких ужасах я бредил прямо с детства, / И вот теперь все тайны я узнал.

Припев: Отвечу, коль спросят о том, как тружусь, / Специальность избрав такую, / Немножко люблю, немножко боюсь, / Немножко хочу другую.

Я отыскал ее в меотском погребении, / Она на столике лежала, как в гробу. / И замер я в немоном оцепенении, / Когда фалангой щелкнула по лбу. (*Припев*).

Пусть старики помогут новичкам, / Которым стукнуло едва по 18-ть, / Идти навстречу зною, комарам, / И ничего на свете не бояться. (*Припев*).

Раз уж речь зашла о студенческом фольклоре, наверное, на зависть нынешним поколениям молодых археологов, стоит из той поры показать ещё одну шуточную песенку. Прошло более сорока лет, но «Мезозойскую культуру» однокурсники 1960-х и сегодня поют на своих встречах:

Помнишь мезозойскую культуру, / Хилую пещеру над рекой, / Ты мою изодранную шкуру / Зашивала каменной иглой.

Припев: Жрать захочешь – придёшь / И пещеру найдёшь. / Хобот мамонта вместе сжуём. / Наши зубы остры и желудки пусты, / Эту ночь проведем мы вдвоём.

Ты иглой орудовала рьяно, / Глядя на меня из-под бровей, / Ты была уже не обезьяна, / Но, увы, ещё не человек. (*Припев*).

Помнишь питекантропа-соседа, Тот что у меня тебя отбил / Только потому что он к обеду / Кости динозавра приносил. (*Припев*).

Н.Е. Акулич:

– А помните, как на раскопках мы ещё отмечали день рождения, 20-летие Сережи Давиденко. Из глины слепили горшок в подарок, на него надели венок из папоротника. Виктор и я

«сгоняли» в Ильич, Михаил Николаевич разрешил в фотолаборатории школы-интерната напечатать фотографии для именинника и сокурсников. Потом всё происходило вечером у костра, много пели, веселились. Михаилу Николаевичу, из всего нашего дурашливого и юморного репертуара, больше всего нравилась песня про лежавший на полочке чемоданчик. Так задорно мы ее горланили: «...Товарищ, убери свой чемоданчик!.. а я не уберу, а я не уберу..., а я его выбросил в окошко..., а в нём было свиде..., а в нём было свиде-те-льство о браке... и вот теперь я холостой и не женатый!»

В.Н. Петров:

– Рабочие будни и праздники. Здесь всё было и серьёзно, и романтично, и весело, и ответственно. Организацией работ в руководил М.Н. Ложкин и Н.В. Анфимов. Они давали распоряжения – кто, куда, с кем идет на работы, в курганах городище копать или Заслонку.

Ильичёвское городище, как утверждали наши ученые-руководители и подтверждали наши находки в раскопах, в древности было крупным аланским городом, в центральной части которого были сосредоточены культовые здания, православные храмы. Эти места, сильно поросшие борщевиком, доставляли нам массу неприятностей; так, Володя Пономарёв неосторожно его выкорчевывал, и сок борщевика обжёг ему кожу, образовались огромные волдыри.

Мы раскапывали храм за храмом. Внутри высоких стен чётко вырисовывались апсида, алтари, вокруг храмов были захоронения. Одно захоронение поставило всех в тупик: впечатление, будто бы человеческие трупы просто сбрасывали в одну большую яму. Честно говоря, надоедало их раскапывать. Но хорошее настроение присутствовало всегда, или его нам всегда кто-то «подогревал». Например, был у нас однокурсник Женя Мелентьев, шустрый малый, мнивший себя поэтом. На раскопки он с нами почему-то не поехал, но о нас, видимо, помнил, и вскоре от него принесли телеграмму (в то время самый быстрый вид связи): «Копай, копай археолог, лети в небеса, космонавт!» Обхохотались на многие годы...

Светлана Ивановна Андруха, ныне преподаватель высшей категории Краснодарского политехнического техникума, Почетный работник СПО:

– Конечно, все мы мечтали найти что-нибудь золотое. В один из дней повезло: мы откопали терракотовую голову-статуэтку. Сколько было восторгов!.. А потом Оля Поверенная нашла бусинку из смальты, бегала по раскопу, всем показывала, кричала: «Открытие!» И эту терракотовую головку, и бусинку мы все таскали по раскопу, радости всех – не было предела. Понеслась Оля к Анфимову. Никита Владимирович как-то буднично взглянул на бусинку и со свойственной ему усмешкой протянул: «Да... Э-э... Ну, бусина... Положи-ка её вон туда...»

В один из дней наткнулись на каменную плиту. Плиту отвалили, в позднем аланском погребении нашли саркофаг, а в нем два скелета и большой нож в ножнах.

Н.Н. Петрова-Хорина:

– Уважаемые участники экспедиции 1968 года, прошло 44 года от событий, которые мы воскрешаем в этих воспоминаниях. Интересно, какие впечатления, какие образы-портреты сохранились в вашей памяти о служителях науки – археологии, уже тогда непререкаемых для нас авторитетах и личностях – Никите Владимировиче Анфимове и Михаиле Николаевиче Ложкине? Например, я знаю, что Александр Ждановский, Науменко Татьяна, Евангелина Ярковая-Хачатурова, Акулич Виктор и Нелли, Ирина Каминская-Цокур и многие другие еще более десяти лет продолжали ездить в свой отпуск в Ильич, и в составе других отрядов копали на Ильичёвском городище. Все, кому довелось работать с Михаилом Николаевичем, поддерживали с ним отношения, годами переписывались, перезванивались, приезжали по делам науки и просто в гости. Так, студёным февралем 1990 года участник Раскопок-1968 и других археологических сезонов в Ильиче Вартан Кукуян (теперь давно уже Григорьевич, давно кандидат исторических наук, и он же священник отец Даниил) собрал в Краснодаре человек пятнадцать и организовал поездку в Отрадную на его 80-летие. Это были бывшие студенты КубГУ, сами многое сделавшие для науки истории и археологии...

Т.А. Науменко:

– Никита Владимирович Анфимов – личность для студентов всех поколений легендарная. Когда мы стали первокурсниками исторического факультета, он был одним из первых наших преподавателей. Над ним всегда был ореол неутомимого археолога. Студентами легенда о его любви к этой науке передавалась из уст в уста десятилетиями. Его отец, Владимир Яковлевич

Анфимов, был доктором медицинских наук, профессором мединститута, и хотел, чтобы сын продолжил медицинскую династию. Говорили, что Никита Владимирович бредил археологией и, окончив в 1931 году медицинский факультет, вручил отцу диплом с отличием, а сам поступил на исторический факультет в пединститут. В 1936 году он получил диплом историка и с тех пор шесть десятилетий руководил археологическими экспедициями. Исследовал археологические памятники от Тамани до Ставрополя и по Черноморскому побережью от Анапы до Красной Поляны...

В.Н.Петров:

– Коллегами по факультету Н.В. Анфимов вос-принимался по-разному, но студенты его боготворили, и для всех них он был авторитетной личностью в масштабах вуза, в масштабах города и края. Звание «Почетный гражданин города Краснодара» – подтверждение его научных заслуг перед обществом. Не могу не сказать и о его человеческих качествах. После школы в шахтёрском городке я работал токарем на заводе и учился на вечернем отделении историко-филологического факультета. Потом меня призвали в армию. Тогда служили три года, а когда вернулся, то оказалось, что институт упразднён, Министерство образования предложило мне восстановиться в ближайших городах – Ростове, Ставрополе или Краснодаре. Краснодар выбрал только потому, что здесь жили родители моего командира части. Это была единственная возможность хотя бы не на вокзале ночевать, пока не прояснится моя участь. Но на истфак меня зачислять не хотели: преподаватели считали, что декабрь – не подходящее время для начала учебы, уговаривали подождать до начала следующего учебного года. И только один Никита Владимирович вступился за меня, мол, давайте дадим человеку шанс: если хорошо сдаст зимнюю сессию, пусть продолжит обучение. Я старался, сдал предметы и за первый, и за второй семестры успешно, так что летом 1968 года, будучи уже второкурсником Краснодарского госпединститута, я приехал на раскопки в Ильич.

...В Михаиле Николаевиче Ложкине я для себя открыл неожиданно интеллигентного человека. Запомнились глаза, пронизательный взгляд мудрого человека. В нём чувствовался именно настоящий ученый-интеллигент, а не просто хуторской учитель.

Н.Е. Акулич:

– И я хочу сказать несколько слов о Ложкине. Михаил Николаевич был очень светлый человек, внимательный к людям, равнодушный к истории района. Невысокий, худощавый, очки... От него всегда веяло теплом и добротой. Не любил он необязательных людей, но никогда не повышал голос – всё его недовольство или гнев (что бывало с ним крайне редко) выражались только во взгляде.

Мы дорожили отношениями с ним. Уже после института семьёй продолжали ездить в Ильич во время летних отпусков, с 7-летнего возраста возили с собой сына Игоря. Бывали у него дома, знали жену Наталью Федоровну. Вечерами долго беседовали. Знаю, что у него был богатый документальный архив и очень тесные связи с Осетией. Он переписывался и встречался с осетинскими историками, археологами, знатоками аланской истории и Православия на Северном Кавказе. В перестроечное безвременье очень переживал за недолжное отношение к науке.

Н.Н. Петрова-Хорина:

– Вот такой получился за нашим импровизированным столом даже не диалог, а полилог-воспоминание. Конечно, это лишь штрихи, отдельные памятные эпизоды из жизни в той, теперь уже безвозвратно далёкой, археологической экспедиции на Урупе. Но мы надеемся, что усилиями всех участников конференции, посвящённой 50-летию открытия и научного исследования Ильичёвского городища, будет воссоздана более полная картина изучения археологического памятника, выявлено его место и подлинное значение для средневековой истории Поурупья.

В.Г. Кукуян

Чудаки украшают мир!

«МихНик» – так, по студенческому обычаю, сокращая имена любимых наставников, мы называли между собой Михаила Николаевича Ложкина – удивительного человека. Однажды про

одного из моих однокурсников, человека весьма своеобразного, Михаил Николаевич сказал: «Чудаки украшают мир!» Эти слова полностью можно отнести и к нему самому.

В 15 лет мы с моим другом и одноклассником Сашей Ждановским, по «наущению» нашего классного руководителя Ивана Федоровича Нерушева, явились перед грозным, как нам тогда казалось, заведующим кафедрой «Всеобщей истории» Анфимовым Никитой Владимировичем и, сдав по 20 рублей на пропитание, оказались в археологической экспедиции, направлявшейся в хутор Ильич Отрадненского р-на Краснодарского края. Об этом можно писать отдельные воспоминания, ограничимся однако тем, что после долгой, полной смеха и молодого задора, дороги, мы выгрузились перед Ильичёвской восьмилетней школой и её директором, сухоньким, подвижным человеком, явно не кубанской наружности и поведения, в светлой шляпе, который говорил, как-то смешно и очень мило. Это был Михаил Николаевич Ложкин. Я «и знать тогда не предполагал», что встретил человека, который навсегда останется в моем сердце светом любви, добра и удивительной творческой энергии. Он украшал, освещал и освящал окружающий мир, как яркий цветок на альпийском лугу, как солнечный зайчик нашего детства, как один из бесчисленных, затерявшихся в неведомых пространствах истории молитвенников, беззаветно и бескорыстно служивших Богу и человеку. Интересно, что уже тогда, в те годы, я, человек далеко не религиозный, немного узнав Михаила Николаевича, сказал: «В другие времена он бы был святым».

Хутор Ильич – затерявшаяся среди отрогов Западного Кавказа точка. С красотой природы этих мест могла соперничать, только оторванность хутора от бурно развивающегося мира. Можно было бы сказать «забытый Богом уголок», не будь там директора 8-летней школы. Приведённый в эти места линией жизни с российских просторов, он, как фонарик, направленным лучом света исследовал окружающий мир и делал свои открытия. Именно Михаилу Николаевичу Ложкину принадлежит приоритет открытия «Ильичёвского городища». 44 гектара – и одни только развалины церквей! Михаил Николаевич объявил приз: «Ящик шампанского тому, кто найдёт гражданское здание!» Полностью раскопано и исследовано было три церкви, но сколько шурфов в восточной части бесчисленных холмиков заложено было – не счесть! И всё апсиды, апсиды... Так и остался ящик шампанского не распитым, как и другой, за находку какого-нибудь письменного текста. Молчит «Кавказский Ватикан», как мы между собой называли «Ильичёвское городище». В XII – XIII веках бурная религиозная и политическая жизнь в этих местах сменилась тишиной и безмолвной красотой природы. Даже Великая война нарушила, но не смогла разрушить эту тишину. Только свет ложкинского сердца пронизывал тайны этих мест.

В маленькой хуторской школе Михаил Николаевич организовал 2 музея: один – археологический, который раскрывал перед детьми и другими посетителями тысячелетнюю историю их края. Надо особо подчеркнуть, копал М.Н. Ложкин на законных основаниях, имея «Открытый лист» – так называется документ, дающий право на раскопки, а когда не имел такового, приглашал Никиту Владимировича Анфимова. Он и здесь был примером соблюдения законности – не на словах, а на деле. Но если археология была буквально под ногами хуторян, то второй музей просто потрясал простотой идеи и последовательностью в её воплощении.

В школе был музей произведений В.И. Ленина на различных языках народов мира с... автографами генеральных секретарей компартий всех континентов и многих, многих стран. Человек без чувства истории, полный политических приоритетов и амбиций усмехнётся и скажет: «Нашёл, что в заслугу М.Н. Ложкину ставить!?» Нынче я не большой друг коммунистов и весь остаток жизни каюсь за свое пребывание в КПСС, но историческим мышлением Господь меня одарил, слава Ему! Я не зачёркиваю свою наивную веру в светлое будущее, и хотя я ни верил, что коммунизм наступит в 80-м году, но в то, что «человек человеку друг, товарищ и брат» и что сознание людей изменится, и мы будем сами контролировать свои потребности, в это наивно верил. Верил до последнего и в доброго «дедушку Ленина», в отличие от злого «отца народов». В это же самое время диссидентствовал, не шибко, правда, но регулярно, т.е. было вполне советское сознание, искорёженное, как саксаул. И поэтому увидеть в глуши музей книг «величайшего мыслителя» современности на различных языках народов мира, да ещё с автографами виднейших коммунистов – это впечатляло. Я бы и сейчас этот музей хранил – редкий и весьма оригинальный памятник эпохи, человеческой любви и человеческих заблуждений.

Два года спустя, уже в качестве студента истфака, я вновь со своими однокашниками оказался на археологической практике в Ильиче. Михаил Николаевич очаровал весь наш курс, а некоторые из нас остались его учениками-друзьями на всю жизнь. Нужно особенно отметить Витю и Неллю Акулич, Таню Науменко, Люсю Жогину (Понамарёву), Свету Андруха (Гуревич). Саша Ждановский, хотя и учился на курс младше (так сложилось), тоже всегда согревался его светом.

Много раз мы ездили к «МихНику» в гости, вместе и порознь, потому что не мыслили жизнь без него. Последний раз я приехал к Михаилу Николаевичу с двумя друзьями, они не имели никакого отношения ни к истории, ни к археологии. Мы приехали в ст. Отрадную, где уже давно жил Михаил Николаевич, хотя и по другим делам, но не заехать к нему не могли. Взрослые мужчины, мои друзья, впервые видели Михаила Николаевича, старость уже тронула его, но свет его сердца озарил их. Мы поднялись наверх, к городищу, поехали и дальше, к границе края, чтобы увидеть с вершин предгорий Ставрополье. Уезжали мы укутанные теплом встречи с удивительным человеком. Мои друзья до сих пор вспоминают ту поездку и встречу с необычной и светлой личностью.

По правде сказать, мне трудно писать о Михаиле Николаевиче. Как писать о солнечном зайчике нашего детства? Как писать о нежном прохладном ветерке овеивающем тебя? Как писать об отцовской улыбке, сопровождающей тебя всю жизнь? Как писать, о неистребимом желании светить и дарить свет людям? Можно вспоминать конкретные случаи, слова и фразы. Можно вспоминать, как холодным ноябрьским днем мы летели, ехали, шли в Ильич, чтобы вместе с Учителем встретить праздник 7 ноября. Именно там я придумал шуточный тост за великий татарский народ, который, завоевав Русь, задержал её в развитии на 200 лет, а это привело к тому, что Россия стала самым слабым звеном в цепи капитализма, что в свою очередь обернулось Великой Октябрьской революцией. «Так выпьем же, – говорил я в конце, – за великий татарский народ, который на заре русской истории помог великому русскому народу совершить великую революцию!» И мы дружно смеялись, согретые теплом ложкинского очага и гостеприимством его хозяев: «МихНика» и его верной и преданной подруги Натальи Федоровны. Впереди была жизнь. Можно вспоминать, как на его 80-летний юбилей мы привезли в нашу глухомань «живую» американку, а он и её обаял своим теплом. Можно обо всём этом писать, но тогда за осязаемой грубостью факта исчезнет то, что навсегда спаяло нас с этим Великим Человеком.

Сегодня я, верующий человек, христианин, священник, повторяю слова, сказанные в далеком комсомольском прошлом: «Живи Михаил Николаевич в другое время, был бы святым!» Да он и есть святой, пусть и не канонизированный, потому что освещал жизнь вокруг теплом и любовью, переходящими в освящение, потому что «осолял» жизнь, расширяя масштабы маленького пунктика человеческого пребывания на земле до вселенских масштабов, соединяя хуторок в горах со всем миром во времени и пространстве.

На месте успения другого светлого человека, которого Бог так же подарил мне встретить, его дочь написала: «Господи, мы не спрашиваем, почему Ты забрал его у нас. Мы благодарим Тебя за то, что ты дал нам его в нашей жизни». Полностью обращаю эти слова и к Михаилу Николаевичу. Я благодарю Бога за то, что Он дал мне и моим друзьям, живым и усопшим, встретить на своем жизненном пути Живой Свет.

Надеюсь – это не прощание, что новая встреча еще впереди!

А.А. Коровин

Слово о М.Н. Ложкине

Михаил Николаевич Ложкин – человек той редкостной породы равнодушных, талантливых людей, которые всегда составляли славу нашему народу и Отечеству.

Краевед по призванию, по зову сердца, он чутко улавливал древний голос родной земли. «Забывая прошлое, мы предаем свое будущее», – писал А.И. Герцен. Очарование прошлого, которое так чувствовал Михаил Николаевич, не отпускало его всю жизнь.

Круг его интересов чрезвычайно широк: и первобытность, и бронзовый век, и раннее средневековье, и история казачества. Энциклопедические знания помогали ему в идентификации и классификации археологических находок.

Ильичёвское городище, открытое Ложкиным, стало важным археологическим событием, подтвердившим идеи Михаила Николаевича о целой системе городищ раннесредневековой Западной Алании, расположенных в верховьях Кубани и на её притоках. Такие открытия никогда не совершаются случайно, хотя элемент везения всё же здесь сыграл свою роль. Нужно было великолепно знать историю своей малой родины, чтобы оценить важность и историческую значимость случайно найденных строений; последовавшие затем археологические раскопки подтвердили догадки нашего краеведа.

Подвижнический труд М.Н. Ложкина помог выявить, обследовать и оценить большое количество памятников археологии (более полутысячи) в Поурупье. Трудно переоценить его вклад в краеведение Кубани.

Я имел честь лично знать Михаила Николаевича, много общался с ним на темы истории нашего района, истории Кубани. Очень интересны были его изыскания по истории казачества. Его личная скромность, умение заинтересовать собеседника предметом беседы, беззаветная любовь к родному краю достойны всяческого восхищения. Поражало его безмерная любовь к древностям, старине и доскональное знание родной истории.

Такие яркие представители сельской интеллигенции много сделали для формирования повседневного исторического сознания населения нашего Предгорья, для сохранения культурных и национальных традиций прошлого, без знания которых невозможно строить планы на будущее.

А.И. Гамидов

Просто Учитель

С Михаилом Николаевичем мне посчастливилось познакомиться в 1995 году. Тогда я ещё не знал, какое влияние окажет на меня этот человек. От многих людей я уже слышал эту фамилию Ложкин, Ложкин... И вот решил сам посмотреть на знаменитого краеведа. А чтобы не идти в гости с пустыми руками вырезал и нашего удобненского известняка доисторического ящера-стегозавра. Михаил Николаевич тогда еще работал в музее, там и произошла наша первая встреча. Что поразило сразу, так это его неподдельный интерес ко мне, молодому учителю истории, и к моему «доисторическому» подарку, кстати, до сих пор экспонируемому в одном из залов музея. Как-то очень просто завели мы разговор об истории, о моих увлечениях, о том, что есть ещё много неразгаданных страниц в прошлом нашей малой родины – Кубани. С этого всё и началось.

Общаясь с Михаилом Николаевичем, я открывал для себя не только новые страницы прошлого, но и личность большого и незаурядного человека, выдающегося не по чинам и наградам, а по опыту жизни и природному уму. Именно Ложкин привил мне, как и многим тысячам своих учеников, любовь к истории родной земли. От него я узнал об Ильичёвском городище и памятниках аланской культуры, найденных там. Неиссякаемый оптимизм и огромное трудолюбие до последних дней жизни не покидали этого, на первый взгляд, рядового сельского учителя. Но это был тот особый случай, когда слово *Учитель* необходимо писать с большой буквы.

Е.В. Тёр

Продолжая традиции М.Н. Ложкина: некоторые страницы истории краеведения в Отрадненском районе

Один из интереснейших периодов в развитии краеведения в Приурупье – вторая половина 1990-х – начало 2000-х гг. Под влиянием публикаций доктора исторических наук В.Б. Виноградова и его кавказоведческой школы (Виноградов В.Б. Средняя Кубань: земляки и соседи (Формирование традиционного состава населения). Армавир, 1995; Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Краеведческое пособие для студентов и учителей. Армавир: АГПИ, 1996; Виноградов В.Б. Топонимия Средней Кубани. Краеведческое пособие для учителей истории, географии, словесности и студентов. Армавир, 1993) начинается активная историко-просветительская, исследовательская и учебная деятельность. В неё включилась и педагогическая общественность Отрадненского района (Виноградов В.Б., Болтенкова И. Свидетели минувшего // Армавирский собеседник. 13 февраля 1998 г. №29. С.4; Виноградов В.Б. Свидетели минувшего // Сельская жизнь. 25 марта 1998 г. [Отрадная]. С.3; В.Б. Виноградов. Душа старинных названий // СКИТ. 30 декабря. 1998 г. №40 [Отрадная]. С.1). Благодаря бывшему руководителю управления образования Отрадненского района В.В. Лиунову был введён курс «Краеведение» в школах, основанный на методических рекомендациях учёных и педагогов Краснодарского края. Валерий Васильевич Лиунов всемерно поощрял краеведческую работу в школах, открытие музейных комнат, школьных музеев. Тогдашний специалист методкабинета управления образования

И.В.Василенко, учитель истории Г.И.Баёва регулярно организовывали выездные семинары в учебные заведения г. Армавира, близлежащих районов, встречи с «виноградовцами», краоведами Отрадненского района М.Н. Ложкиным, В.П. Косухиным. Неоднократно посещалось Ильичёвское городище, памятник древней археологии – Треугольная пещера (Тёр Е. Семинар на городище // Молодость предгорья. №2. ноябрь 2000). Образовался круг педагогов, занимавшихся исследовательской краеведческой работой – Н.В.Серенко (х. Зеленчук-Мостовой), А.И. Гамиев, Г.К. Парашевин (ст. Удобная), А.А.Коровин (ст. Подгорная), В.И. Чесноков (ст. Надёжная), О.М.Власюк, Е.В.Тёр (ст. Отрадная), П.А.Лавриненко (пос. Урупский), Л.Н.Ольдухова (ст. Спокойная), С.В.Мальцева (ст. Бесстрашная). Была организована районная конференция по краеведению «Музей – золотой запас человечества», посвящённая 65-летию образования Краснодарского края, 145-летию образования станицы Отрадной, 45-летию образования Отрадненского муниципального историко-археологического музея, на которых выступали педагоги и краеведы, исследователи и специалисты по музейной работе. 15 мая 2002 г. в Отрадной прошёл круглый стол на тему: «Актуальные проблемы сохранения и пропаганды историко-культурного наследия в Отрадненском районе», в котором участвовали историки и педагоги района, а также гости из Краснодара. Учителя-историки Отрадненского района поделились результатами своих краеведческих исследований и на конференции «Северный Кавказ в межкультурных контактах и диалогах: от древности к современности», проводившейся в Армавирском государственном педагогическом университете 24 – 25 октября 2001 года.

Начиная с 1998 г., в районе публикуется ряд краеведческих изданий и пособий, посвящённых истории, культуре и этнографии Приурупья.

Журналист Виктор Васильевич Тёр издал краеведческие пособия и брошюры о прошлом Отрадненского района (Тёр Е.В., Тёр В.В. Узор на камне времени. Отрадная, 1998; Тёр В.В., Тёр Е.В. Топонимия Приурупья (методическое краеведческое пособие). Отрадная, 1998; Тёр В.В. Земляки. Отрадная, 1998; Тёр В.В. Жертвенный луч. Отрадная, 2000; Тёр В.В., Тёр О.В. Песни казаков Приурупья. 75-летию Отрадненского района посвящается. Отрадная, 2000).

В Армавирском государственном педагогическом институте увидела свет биобиблиографическая работа о краеведе, Заслуженном работнике культуры Кубани Михаиле Николаевиче Ложкине, его вкладе в историческую науку (Виноградов В.Б., Боярчук И.В. Ложкин Михаил Николаевич. Северокавказские историки-краеведы. Вып.4. Армавир: АГПИ, 1998. – 12 с.).

Краеведом из ст. Подгорной Николаем Николаевичем Илющенко была издана книга о родной станице, её людях и их судьбах (Илющенко Н.Н. История станицы Подгорной Краснодарского края. Волгоград: Волгоградский институт экономики, социологии и права, 1998. – 224 с.)

Публиковались статьи краеведческой направленности на страницах газет, издаваемых в станице Отрадной: «Казачий дозор» (редактор – С.К. Филиппов), СКИТ (главный редактор – В.Н. Илющенко).

На базе Отрадненского гуманитарного университета проходили конференции. В них активно участвовали А.И. Гамиев, В.В. Тёр, Е.В. Тёр, А.А. Коровин (Тёр Е.В. К истории демографии Отрадненского района // Материалы межвузовской практической конференции «Проблемы неустойчивости и управления изменениями в социально-экономических структурах». Отрадная: ОГИ, 1999. С.17 – 21; Тёр Е.В. Некоторые аспекты историографии и этнографии отрадненского Приурупья в дореволюционный период // Современные проблемы истории, экономики и техники. Межвузовский сборник научных трудов. Т.4.Отрадная, ОГИ, 2000. С.17 – 22. Тёр В.В. Памяти краеведа // Методы эволюционной и синергетической экономики в управлении региональными и производственными системами. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Отрадненский гуманитарный институт. Отрадная, 2000. С. 142 – 143; Тёр. Е.В. Отражение модернизационных процессов на демографическом состоянии станиц Приурупья // Методы эволюционной и синергетической экономики в управлении региональными и производственными системами. Материалы межвузовской научно- практической конференции. Отрадненский гуманитарный институт. Отрадная, 2000. С. 144 – 146).

Следует сказать, что совместно с телекомпанией «СКИТ» были подготовлены документальные фильмы по истории отрадненского Приурупья, археологическому наследию прошлого. Так, в 1998 году вышел документальный фильм «По тропам Западной Алании» (Тёр Е.В. По тропам Западной Алании // СКИТ.19 августа 1998 г. С.4.), а в 1999 – «Христианские памятники Приурупья», который был посвящён памяти Михаила Николаевича Ложкина. На фестивале местных телерадиокомпаний Юга России в пос. Лазаревском фильм получил диплом «За оригинальное воплощение идеи» (директор В.Н. Илющенко).

Во второй половине 1990-х годов по инициативе Михаила Николаевича Ложкина, совместно с учителем (тогда ещё работавшем в школе станицы Малотенгинской) А.И. Гамиевым, телекомпания сняла ряд телепередач, посвящённых археологическому наследию Отрадненского района. Передачи еженедельно выходили на экране местной телекомпании «СКИТ».

Нельзя не сказать о проделанной большой работе местных краеведов, которые собирали различные материалы по истории Приурупья, в том числе и устные свидетельства по истории XX века. Среди краеведов-энтузиастов активную работу вели В.Д. Косухин (ст. Отрадная), Н.А. Герасименко (с. Пискуновское), Н.Н. Илющенко (ст. Подгорная), В.В. Тёр (ст. Отрадная). Так, Николай Андреевич Герасименко, работая руководителем местного музея, организовал сбор воспоминаний о событиях Гражданской и Великой Отечественной войн со слов одностаничников. Значительная часть собранного материала было посвящена событиям коллективизации, трагическим событиям голода 1932 – 1933 гг. Все эти материалы записаны на аудиокассеты.

Василий Данилович Косухин, возглавляя Отрадненское отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, постоянно встречался с учителями школ и учащимися, помогал в организации музейной и пропагандистской работы, публиковал на страницах районной газеты «Сельская жизнь» материалы по истории района.

Николай Николаевич Илющенко организовал музей в станице Подгорной. Собранный исторический материал обобщил в издании, посвященном истории родной станицы.

Таковыми были основные направления краеведческой работы второй половины 1990-х – начала 2000-х гг. в станице Отрадной и Отрадненском районе.

На сегодняшний день одни энтузиасты, занимавшиеся поисковой и исследовательской деятельностью, сменили род занятий, другие – уехали из Отрадненского района, отошли от активной краеведческой работы по ряду причин. Однако в своё время ими был сделан значительный вклад в изучение прошлого станиц Приурупья. И когда в 2004 году во всех школах Краснодарского края был введён новый учебный курс «Кубановедение», то Отрадненский район, в отличие от других районов края, оказался несколько в лучшем положении. Был накоплен опыт краеведческой работы, собран исторический материал, оформлены школьные музеи и музейные комнаты. Хочется, чтобы всё это было сохранено и расширено, пробуждало у молодёжи искренний интерес к истории своей малой Отчизны.

В.С. Слащёв

Перспективы и польза создания Передовско-Ильичёвского туристического кластера

Наша Кубань исключительно богата рекреационными ресурсами. К их освоению на рыночных основаниях мы только приступаем, если иметь в виду их качественное освоение, которое, увы, но существенно отстаёт от спроса потребителей. В поисках сервисного обслуживания и экзотики, преимущественно на дальних и тёплых островах, россияне «разбрелись по белому свету», увозя хорошие деньги за достойный сервис.

Обращаю на это внимание с единственной целью – хоть как-то повернуть часть отечественных туристов, да и завлечь интуристов в наши рекреационные «дебри», которые ожидают и массового, и качественного освоения. Попробую это сделать, на примере развития совершенно неосвоенного рекреационного потенциала, называю его Передовско-Ильичевским рекреационным кластером, у которого пока угадываются лишь контуры. Он располагается слегка на юго-востоке края, на границе с Карачаево-Черкесией, на склонах Скалистого хребта и древнего плато, которое едва угадывается из-за густой овражной сети балок с многочисленными и малоисследованными пещерами, а также двух каньонов – Кувинского и Урупского в среднем течении одноименной горной и равнинной реки Уруп.

Кстати, наличие множественного числа пещер может поспособствовать и развитию экстремального туризма, а также научного туризма. И я уверен, что нас ждут множественные сюрпризы, как это бывало в нашем детстве, когда любопытные станичные парни на свой страх и риск забирались по неведомым лабиринтам пещер и находили в них оружие, древние горшки и мелкие драгоценные изделия.

А пока реальность такова, что пришло время бить тревогу из-за того, что земляки увлеклись рыночным дележом земли, которая по закону не должна отторгаться от национального достояния,

поскольку исторически значимые земли, археологические и этнографические памятники принадлежат всем и выпас животных или заготовка дров на них воспрещается. Было время, когда, образно говоря, «разбрасывали камни», а теперь настала пора эти камни собирать, и буквально на Ильичёвском городище, на памятные плиты которого, собранные когда-то нами под руководством незабвенного нашего учителя Ложкина Михаила Николаевича, земляки «положили глаз». Зазеваемся, и эти исторические плиты уйдут под фундаменты сараев, хат или погребов, хотя в наших горах, или по-нашему «в скалах», природные запасы достаточные, чтобы добывать этот строительный материал, а не вытаскивать его из основания древних храмов.

А сколько этнографических вещественных материалов гибнет в заброшенных хатах и подворьях, если бы всё это собрать, то получился бы великолепный музей народного быта. Помню ещё, как мутные потоки реки Кувы во время летних дождей приносили из пещер и каменных гротов в конец огорода М. Н. Ложкина все новые археологические и этнографические сюрпризы, которые тогда некому было по-научному организовать и осмыслить. Думаю, не иссякла и по сей день древностями Отраденская земля, а ведь всё это могло обогатить и украсить Передовско-Ильичёвский рекреационный кластер. И совсем неподалеку находятся дольмены, древние каменные «богатырские хатки», оставленная далёкими предками о себе память и исторический урок в назидаение нам, но их тоже могут растащить по подвалам, как принято у казахов говорить, манкурты, люди, не помнящие ни родства, ни племени. Обо всём этом, и особенно о Михаиле Николаевиче Ложкине, доходчиво и талантливо давно уже рассказал в фотографиях известный на просторах СССР и далеко за его пределами фотокорреспондент и фотохудожник Жигайлов Алексей Николаевич, истинный патриот своей станицы Передовой, ежегодно приезжающий сюда подышать свежим горным воздухом и пожить станичными новостями.

Из всего этого можно сделать и специализированные туристические маршруты, если хорошо к этому подготовиться и привлечь специалистов – археологов, этнографов и туроператоров. Ещё более загадочной видится не столь уж отдаленная история Гражданской и Великой Отечественной войн, когда с высоты гор Лысой и Баранахи каратели сбрасывали пленных, а станичные ребята вблизи в пещерах находили и осколки древних горшков, кинжалы времен завоевания Кавказа и многое другое. Возможно, по примеру Казахстана в горах Кавказа и конкретно Кубани надо приступить к возрождению малых поселений – хуторов и аулов, что будет полезно не только для развития экосистемных услуг по сбору лекарственных трав, грибов, меда и многого другого, но и использовать для экологического туризма.

Другим весьма привлекательным природным фактором для развития Передовско-Ильичёвского туристическо-оздоровительного, а вернее сказать лечебного кластера, являются минеральные воды нескольких редких типов, которые находятся буквально на окраине станицы Передовой. Кроме того, надо закончить начатое благое дело по сооружению лечебного корпуса санатория «Медуница», а не заниматься крючкотворством вокруг общего природного блага. Запасы минеральной воды, ее целебные свойства, по мнению специалистов, нисколько не уступают Кавказским минеральным водам. Да и климат здешний благодатный с бальнеологической точки зрения, а обрамляющие источники горы, покрытые лесом, создают ауру спокойствия и благодати, которой с восхищением любуются «дикари» и вообще приезжие.

Какие же туристические маршруты ориентировочно можно предложить по Передовско-Ильичёвскому кластеру? Офис этого кластера условно может быть расположен на месте размещения санатория «Медуница». Выбор маршрута – ответственная часть технико-экономического обоснования (ТЭО) по проекту любого рекреационно-оздоровительного кластера, так как с его помощью решается по существу центральная часть проекта, то есть обосновывается его экономическая, социально-экологическая, воспитательная, патриотическая задачи в районе размещения рекреационного кластера. Только с учетом перечисленного можно добиться высокой экономической эффективности функционирования кластера, в котором в среднем в 10 раз дешевле и быстрее будет обеспечено создание одного рабочего места, чем, скажем, в промышленности, в которой пока велики расходы на упреждение и устранение экологического ущерба.

Перечень маршрутов в границах рассматриваемого кластера и прилегающих территорий предварительно может быть и такой:

– по склонам и ложбинам гор в южном направлении, через заброшенный сад с родниками, выход на лесную тропу, а затем подъём на вершину гребня, где для отдыха можно соорудить беседку по типу казачьего куреня;

– продолжение маршрута по лесной дороге среди лугов до Лысой горы, откуда открывается грандиозный вид на Кавказские хребты – на Эльбрус и Казбек, на Марухский перевал с трагическими событиями времён Великой Отечественной войны;

– в этом месте можно отдохнуть, прослушать увлекательный рассказ о местной истории и понаблюдать в бинокль на Самородный мост через бурную и непокорную реку Зеленчук. Кстати, неподалеку находится и древнее городище. Поговаривают, что здесь якобы находятся захоронения кабардинских князей. По не совсем достоверным сведениям, здесь побывал и великий поэт Лермонтов, когда участвовал в преследовании кавказских абреков, начиная от Пятигорска;

– обратное возвращение не менее живописное, но уже по нижней тропе под скалистыми горами, сделав остановку около едва заметного древнего поселения, которое обнаружил и описал Михаил Николаевич. Здесь можно пообедать вкусным наваристым передовским борщом, а также блинчиками с медом, как эту практику ввел наш аксакал, когда приезжали именитые гости на Ильичёвское городище, в чём ему с готовностью помогало колхозное общество и руководство;

– центральным маршрутом, конечно, может быть комбинированный поход на Ильичёвское городище; предварительно доехав на машине до одноимённого хутора, а затем по крутой горной дороге добраться и до городища, где можно прослушать и увлекательный рассказ и побродить по живописным окрестностям городища. Можно совместить этот маршрут с одновременным посещением Первого и Второго Окна, которые в истории природы этих мест появились как следствие ветровой, но, возможно, и водной эрозии;

– следующий маршрут – это поездка на дольмены, где много увлекательного исторически поучительного;

– экстремальный маршрут – это хождение на рыбалку в ночное, обязательно с костром и ухой;

– увлекательным маршрутом может быть и поход на пасеки с угощением, конечно, по согласованию с хозяевами;

– особым развлечением (и лечением одновременно, конечно, по назначению врачей), может быть купание в бассейне с минеральной водой, которое пока, к сожалению, в диком виде здесь давно освоили.

Завершая краткий экскурс по маршрутам туристических походов в границах Передовско-Ильичёвского кластера, хочется сделать общее историко-археологическое и этнографическое обозрение местности. К этому всегда стремился Михаил Николаевич, призывая оценивать местность целостно. Жизнь на местности всегда многоплановая, и не надо ограничиваться только археологическими памятниками. Располагаясь в межгорной котловине, предлагаемый кластер – идеальное место для проведения открытого занятия по географии, ботанике, геологии, истории, поскольку природные и людские творения расположены буквально в пределах визуального наблюдения. Для организации туристических экскурсий, и вообще, для отдыха и оздоровления, это место во многих отношениях может принести немалый доход в сокращённые сроки, если, конечно, хорошо и не по остаточному принципу инвестировать заявленный проект.

При технико-экономическом обосновании и маршруты, и инфраструктуру санатория и стоянок можно хорошо и подробно разработать, а пока, главное, надо найти и привлечь инвестора.

II. Ильичёвское городище как памятник археологии и средневековой церковной архитектуры

В.А. Кузнецов

М.Н. Ложкин и интерпретация церкви № 1 Ильичёвского городища

1. В 1965 – 1968 гг. экспедиция Краснодарского пединститута под руководством Н.В. Анфимова и с участием М.Н. Ложкина на Ильичёвском городище исследовала остатки пяти христианских церквей, ранее неизвестных.

2. Наше внимание привлекает церковь № 1, опубликованная и интерпретированная М.Н. Ложкиным. Здание было довольно крупное (длина 15,15 м, толщина стен 0,80 – 0,90 м), кладка из блоков известняка на растворе. В плане вытянутый четырехугольник, состоящий из двух помещений: наоса (основное помещение) и притвора для оглашенных. Входные проёмы с запада и юга, в кладке северной и южной стен наоса сохранились остатки пилястр, свидетельствующие о наличии арки, несущей двускатное перекрытие. Интересной чертой наоса является наличие выступающей скамьи для сидения вдоль стен.

3. Еще одна важная черта здания – алтарная апсида, вписанная в толщу восточной стены и не выраженная снаружи. М.Н. Ложкин был прав, когда писал о «явно грузинском (точнее закавказском. – В.К.) архитектурном стиле», где подобное устройство апсиды в церквях «малых форм» было распространено.

4. В интерьере наоса найдено более 360 фрагментов разбитой каменной (точнее нет) алтарной преграды, покрытой резной орнаментацией. Орнамент – плетенка из ленты в три полосы, разделённой желобками, круги плетенки сочетаются, образуя кольца большего и меньшего диаметра. Преграда не реставрирована, судить о ней можно лишь по фотографии 5 фрагментов, опубликованных М.Н. Ложкиным в статье «Аланы на Урупе» (1984 г.).

5. М.Н. Ложкин справедливо посчитал эту алтарную преграду «единственной на Северном Кавказе». В северокавказских древностях аналогий ей нет. Не было никаких следов подобной резной преграды и в кафедральном соборе Аланской епархии – северном храме Нижне-Архызского городища. Уникальный характер преграды из церкви № 1 очевиден.

6. М.Н. Ложкин указал «наиболее близкую аналогию» алтарной преграде из церкви № 1 в церкви в Абхазии (по П.С. Уваровой), а также несколько грузинских аналогий XII в. Сейчас есть возможность круг подобных преград расширить, и, прежде всего, приведя аналогии в соседней Абхазии. Это каменные рельефы в алтарной апсиде церкви св. Феодора в Анакопийской крепости близ Нового Афона: репертуар орнаментальных мотивов анакопийской плетёнки совершенно аналогичен Ильичёвской церкви № 1. Е.Ю. Ендольцева рельефы Анакопии датирует X – XI вв. (Ендольцева, 2011). Эта дата хорошо подтверждается золотой монетой византийского императора Никифора III Вотаниата (1078 – 1081 гг.), найденной в Ильичёвской церкви № 1. Второй сходный плетёный орнамент имеется на фрагменте алтарной преграды X в. из Бомборского храма «Айлага-Абыху» в Абхазии – недавно опубликован (Белецкий, Виноградов, 2012) и свидетельствует о распространённости подобных алтарных преград в Абхазии – северной части Абхазии.

7. Указанный ареал и явно не местное происхождение алтарной преграды из церкви № 1 Ильичёвского городища наводят на мысль о том, что эта преграда могла быть произведена в мастерской по художественной обработке камня в Бзыбской Абхазии, а затем, по дороге шедшей по ущелью р. Бзыбь к перевалу Санчаро, была доставлена на Ильичёвское городище в верховья р. Уруп. Такое предположение мной уже высказывалось в монографии о зодчестве феодальной Алании (Кузнецов, 1977).

8. С 20-х гг. XI века Абхазия была включена в состав единого грузинского государства и находилась под влиянием грузинской культуры. Церковь № 1 Ильичёвского городища отражает это влияние, шедшее через территорию соседней христианской Абхазии, это памятник алано-абхазских связей в X – XI вв. В этом его историческое значение.

Г.Б. Романова

Уруп и Приурупье в осетинском нартском эпосе

1. В осетинском героическом нартском эпосе довольно часто упоминается географическое понятие «Уарп» как название реки, равнины или долины, крепости. Признано, что эпическое «Уарп» соответствует современному названию р. Уруп. Фонетическое изменение топонима во времени и в изменившихся реальных обстоятельствах – явление нередкое (напр. «Сибирь» от этнонима древнетюркского племени сабиры и др.).

2. Уже в конце XVIII в. р. Уруп под древним иранским наименованием Уарп была известна П.С. Палласу (Pallas P. S., 1799). Ю.К. Клапрот высказал мысль о том, что древняя крепость «Уарп-фидар» осетинских нартских сказаний находилась на реке Уруп (Klaproth J., 1823). В 1876 г. Г. Шанаев в своих комментариях к нартским сказаниям писал: « В дословном переводе Уарп-алдар означает урупский князь, урупский владетель; название местности этой относится к настоящему Урупу в Кубанской области» (Шанаев Г., 1876). Это действительно так – по-ногайски Уруп называется Уарп или Арп (Klaproth J., 1823). Кабардинский историк Шора Ногмов (пер. пол. XIX в.) Уруп называет Орп. На немецкой карте Георга Трайтеля (1774 г.) р. Уруп названа Арп, а на старых картах Кубанской области на правом берегу Урупа помещен населенный пункт Уарп (Апостолов Л.Я., 1897). Все это не оставляет сомнений в тождестве эпического Уарпа с долиной современной р. Уруп.

3. В нартском эпосе осетин говорится, что на Уарпе живет Уарп-алдар (князь) и его жена Уарп-ахсин (Шанаев Г., 1876). Здесь же, согласно другим текстам, находится жилище самого Уастырджи – бога мужчин, воинов путников, т.е. наиболее авторитетного для той эпохи божества (Нарты. Эпос осетинского народа, 1957). В сказании «Как Батрадз отомстит за смерть отца» (Осетинские нартские сказания, 1948) говорится о земных и небесных духах и дауагах, собравшихся в «высокой Уарпской крепости» для суда над душой нарта Хамыца. Упоминается в сказании «Нарт Сыбалц, сын Уархтанага», «вершина Уалыппа» с которой далеко видно. Вероятно, это искажённое «вершина Уарыппа», т. е. Урупа.

Эти упоминания Урупа – Приурупья в нартском эпосе не случайны. Они отражают важную роль данной территории в реальной исторической жизни Западной Алании в период до XIII в., когда западная граница Алании пролегла, как считают археологи (Алексеева Е.П., Кузнецов В.А., Ковалевская В.Б. и др.), по долине р. Большая Лаба.

4. Среди аланских городищ Приурупья выделяется своими размерами и укреплениями (три линии земляных рвов и валов, четыре каменные оборонительные стены) и наличием пяти христианских церквей так называемых «малых форм» Ильичёвское городище VII – XII в., (дата М.Н. Ложкина) на водоразделе между ущельями рек Уруп и Кува. Городище изучалось М.Н. Ложкиным. Археологом В.А. Кузнецовым выдвинуто предположение, что это городище вошло в осетинские нартские сказания под названием «Уарп-фидар».

5. Приведённые выше данные осетинского нартского эпоса о реке Уруп и Приурупье свидетельствуют о том, что в эпоху раннего средневековья ираноязычный алано-осетинский этнос в верховьях Кубани расселялся до рек Уруп – Большая Лаба, где находилась зона стыка с адыгским этническим массивом.

6. Представляется совершенно очевидным, что Ильичёвское городище нуждается в особой защите, как важный памятник истории и культуры Краснодарского края.

О.Н. Евсеева

Ильичёвское городище – памятник истории и культуры федерального значения

Отраденское Предгорье – один из чудесных уголков Краснодарского края, расположенный у отрогов Большого Кавказа. Здесь большое разнообразие природных богатств – здоровый климат, ровные погодные условия, благоприятные для здоровья людей, обильный растительный и животный мир. Воздух чист, напоен ароматом трав, а обширные лесные массивы в южной зоне, обогащают его кислородом. Эти места не только разнообразны по ландшафту, но богаты историческими памятниками. Известно большое количество разнообразных и разновременных памятников археологии и истории: стоянки, курганы, грунтовые могильники, скальные погребения, укрепленные городища. Руины архитектурных памятников христианства XI – нач. XIII в. и крепостных стен дополняются многочисленными находками древних вещей из кремня, бронзы, железа, а также монетами, гончарной посудой и др.

Все это следы многогранной деятельности многих поколений людей, активно живших на берегах Урупа и его притоков, предположительно в течение по меньшей мере полумиллиона лет.

Но самым значительным и интересным историческим объектом Отраденского района является памятник археологии – Ильичёвское средневековое городище, которое было открыто в 1962 г. сельским учителем-историком, краеведом, директором школы х. Ильич Михаилом Ни-

колаевичем Ложкиным. Он первым сумел разглядеть алтарь заброшенной христианской церкви в камнях, громоздившихся на отгонных пастбищах у Летней поляны. Он вызвал к месту находки археологов из Краснодара. Экспедицию возглавил профессор Никита Владимирович Анфимов.

Позже выяснилось, что в этих местах мог проповедовать святой Апостол Андрей Первозванный. В хрониках грузинского царя Вахтанга V указывается, что Апостол Андрей Первозванный посещал кавказские страны в 40-е годы от Рождества Христова.

Иерусалимский иеромонах Епифаний в IX в. собственными ногами повторил походы Андрея Первозванного. И на месте его проповедей собрал многие сведения, которые помнили народы. Монах подтвердил особую привязанность Первоученика к Кавказу. Андрей Первозванный с учениками посещал Абхазию, Иверию, Сванетию. На севере Кавказских гор облюбовал для своего жития город Фостофор. Спускался от него к Черному морю.

В каких местах Северного Кавказа находился древний город Фостофор? Как в те далекие времена называли столицу Алании? Каждое из четырех поселений — Куньшинское, Урупское, Нижне-Архызское и Хумаринское городища могут претендовать на её звание. У каждого достаточно доказательств. Каждое могло называться Фостофором.

Ильичёвское городище связано с историей алан — ираноязычных кочевников, осевших на территории современного Отрадненского района в I — II вв. н.э., хотя его территория заселялась с более ранних времён, что подтверждают находки — орудия из кремня и камня эпохи позднего палеолита.

Ильичёвское городище наглядно демонстрирует возможности древних кавказцев. С севера и юга это крупное поселение охраняли неприступные скалы и непроходимые осыпи. С других сторон были сооружены человеческими руками рвы глубиной до 5 м и шириной в 10 м, многоступенчатые крепостные стены, на возвышениях — сторожевые башни. Чередовались семь линий обороны. Стояли также фланговые небольшие охранные посты. Они несли караульную службу: первыми поднимали тревогу, если появлялся враг. Такие фортификационные сооружения говорят о том, что в Уарп-Фидаре жили люди власти — князья, церковные иерархи, родовитая знать. Если не они, то зачем такие мощные укрепления? С военно-стратегической точки зрения именно здесь могла быть столица Западной Алании. Ближайшие, недоступные неприятелю пещеры, жители всегда считали своим вторым домом. Свободно укрывались в них при смертельной опасности. Использовали в ритуальных целях каменные ниши и углубления. Хоронили в них своих умерших родственников. Использовали шёлковые ткани, привезённые купцами из Китая, Самарканда, Византии, Сирии. Археологические раскопки позволили современным учёным точно определить маршруты Великого шёлкового пути. На Большой Лабе и Урупе он прослеживается с VI в.

Площадь Ильичёвского городища более 500 га., протяженность 15 км. Центр городища — посёлок протогородского типа — находится на «Поляне» летней молочно-товарной фермы, въезд в неё и выезд укреплены крепостными стенами, и обрывами в ущелья рек Урупа и Гамовской балки. Исследованы руины четырех христианских храмов на «Поляне» и одной часовни на седловине скалы «Первое окно» в Кувинском ущелье.

Городской тип поселения на «Поляне», как центра ремесленного производства, подтверждается находками большого количества металлических шлаков — отходов кузнечного ремесла, керамики, преимущественно красноглиняной (фрагменты пифосов, кухонной и столовой посуды); формы её и орнамент типичны для Западной Алании. К началу X в. аланы освободились от хазарской зависимости и приобрели политический суверенитет, значительно возросла военная мощь алан, формируется феодальная государственность во главе с царями и военно-дружинной знатью. Внутренняя готовность принять крещение совпала с благоприятно изменившейся политической обстановкой. Официальное принятие Аланией христианства произошло в 916 г., это событие укрепило международное положение Алании.

Начинается ускоренное строительство христианских храмов в раннегородских центрах: Нижнем Архызе, Ильичёвском городище, а также в значительных сельских поселениях. Известно местонахождение храмов «малых форм» более чем в 50 пунктах. Из них исследованы на Ильичёвском городище руины семи церквей. Архитектура городищенских храмов № 1, 3, 4 характерна для Абхазии и Западной Грузии XI–XII вв., что свидетельствует о связях западных аланских центров Северного Кавказа с Закавказьем, хотя влияние Византии, вероятно, преобладало.

В храме № 1 была открыта пока единственная на Северном Кавказе каменная алтарная преграда, украшенная резным орнаментом, типичная для Грузии начала XI — XII вв. Храм № 3

базиличного типа начала XIII в. пока единственный по такому архитектурному решению на Северном Кавказе.

Летом 1999 г. в горах Кавказа на Большом Зеленчуке (граница Отрадненского района и Карачаево-Черкесии), на хребте Мыщешта был найден забытый наскальный Образ Спаса Нерукотворного. Почти точная копия Эдесского убруса, навечно отразившего на ткани живой облик Иисуса Христа.

Удивительное состоит в том, что икона не была известна ни монахам св. Александро-Афонского Зеленчукского монастыря, существовавшего в Нижнем Архызе, ни местным жителям. Икона имеет размеры приблизительно 1,40х0,80 м, написана на поверхности скалы двумя красками – суриком и белилами и обращена почти строго на восток, к храмам и поселку Аланской епархии. Её явление миру накануне 2000-летия христианства – своего рода чудо.

Из всего сказанного видно, что Отрадненский район имеет большие возможности для развития малозатратных видов отдыха и туризма. Туризм для Отрадненского района – дело не новое. Ещё М.Н. Ложкин разрабатывал маршруты экскурсий по Отрадненским предгорьям, Ильичёвскому городищу и другим историческим объектам. Сегодня район предлагает своим гостям 15 туристических маршрутов, в которых задействованы исторические памятники, водопады, пещерные комплексы, горные панорамы. Большие резервы имеются и в курортно-туристической сфере, так как на территории района находятся лечебные грязи и минеральные источники с редким составом воды. В станицах есть экскурсионные объекты. Так, в Отрадненском историко-археологическом музее экспонируется солидная коллекция археологических и палеонтологических находок, материалов по истории кубанского казачества, мемориальная коллекция знаменитого оперного певца начала XX в. Василия Дамаева. Музей станицы Надёжной находится в здании, где размещался Детский дом № 26 из блокадного Ленинграда, и располагает экспонатами об эвакуированных на Кубань в 1942 г. детях города на Неве. В музее ст.Попутной подробно представлена история этой казачьей станицы.

Но для эффективного развития туристической индустрии, все видов отдыха в нашем районе нужны серьезные капиталовложения и создание соответствующей инфра-структуры.

Н.Ф. Лысенко

Древнее христианство Западного Кавказа

Распространение христианства на Западном Кавказе традиция связывает с именами апостолов Андрея Первозванного и Симона Кананита. Изображение рыбы, как древнейшего символа христианства, недавно найдено близ города Сочи (фото 1). После принятия христианства в Римской империи в качестве государственной религии оно стало интенсивно распространяться в адыгских и аланских землях. С начала IV века н. э. эти процессы усилились. Здесь проповедовал опальный Иоанн Златоуст. В городе Комане, близ современного Сухуми, он и обрёл упокоение.

Большим авторитетом у горцев Западного Кавказа пользовался византийский император Юстиниан Великий. Его именем даже клялись, что свидетельствует о большом влиянии этого правителя. Местные племена принимали но-

Фото 1. Изображение рыбы на древнехристианской стеле. Село Ахштырь близ г. Сочи (фотография и прорисовка).

вую веру от греков добровольно. Священников здесь называли шогенями, а епископов – шехниками. На территории, заселенной адыгами, располагалось четыре епархии, епископы которых назначались из Византии. В Зихии эти епархиальные центры находились в Фанагории, Метрахе (Таматархе), Зихополисе и Никопсе. Фанагорийский и Зихийский епископы участвовали в церковных

соборах еще в начале VI в. С этого времени в распространении здесь христианства принимает участие и Грузия. Христианизацией Северного Кавказа в IV веке занимался грузинский царь Вахтанг Гурген-Аслан. В церковном отношении Грузии подчинила себе часть абхазов и адыгов. Во время правления грузинских царей Адарнасе I (613 – 639) и Стефана II (639 – 663) церковное влияние Мцхетского патриаршества распространялась на население Северо-Восточного Причерноморья. При византийском императоре Михаиле III Северный Кавказ посетили преподобные Кирилл и Мефодий, отправленные для проповеди истинной веры в Хазарию.

Фото 2. Христианский сюжет, вырезанный на гальке.
Национальный музей республики Адыгеи

До настоящего времени сохранилось достаточно много предметов, связанных с христианством. Их изготавливали в Византии, Грузии, Армении и в других странах. Встречаются и прекрасные образцы местного творчества. В национальном музее республики Адыгеи хранится удивительная икона, вырезанная на небольшом камне (фото 2). Надписи на греческом языке, форма креста, особенности одежды представленных на ней персонажей позволяют отнести ее к византийскому периоду влияния на Западном Кавказе. Быть может, икона использовалась для молитв в походах и путешествиях. Или же реликвия была подарена храму и хранилась в священном месте. В любом случае искусство, с которым была выполнена работа на твердом материале, свидетельствует о значении, которое придавалось данной вещи.

С крещением в 988 году Руси в Причерноморье начинает возрастать влияние Русской Православной Церкви. После победы над кочевниками князь Мстислав соорудил в Тмутаракани каменную церковь во имя Пресвятой Богородицы. Вместе с основанием Тмутараканского княжества возникла и первая на Северном Кавказе русская епархия. В состав этой епархии, просуществовавшей около 100 лет, вошли не только русские, но также греки и местные народы. Здесь строились монастыри, писались летописи, велись исследования. В частности, по льду Керченского пролива была измерена его ширина. При постройке и украшении церквей стали использовать кавказские орнаментальные мотивы и даже приглашали кавказских иконописцев, в частности обезов-абазин. На Таманском полуострове был основан первый монастырь, учреждена Тмутараканская епархия, во главе которой с 1088 года стал епископ Николай. Об этом кавказском архиерее имеется упоминание в трудах самого преподобного Никона, затворника Печерского.

Николай единственный святой русский угодник, о ком точно известно, что он жил и подвизался на Северном Кавказе. Оказался он здесь из-за неприязненных отношений с князем Изяславом, но более чем десятилетняя ссылка оказалась наполненной великими деяниями.

Большая часть аланских племен обитала на территории Северного Кавказа. Известно, что они крестились от греческого миссионера Евфимия. Были и другие проповедники. Впоследствии в Алании была учреждена архиепископия, преобразованная затем в митрополию. Она занимала 61-е место в составе Константинопольской патриархии и шла вслед за Русской митрополичьей кафедрой. Аланские митрополиты ездили в Константинополь для участия в церковных соборах, поддерживали тесное общение с патриархией. На территории аланских городищ, в верховьях рек Большой Зеленчук и Кубань, расположено пять хорошо сохранившихся храмов византийского стиля. Близ г. Белореченска, станиц Зеленчукской, Преградной, Передовой обнаружены остатки церквей

3. Остатки христианской церкви на Ильичевском городище. Отрадненский район. Краснодарский край

(фото 3). Встречаются каменные плиты, кресты и стелы с надписями на греческом языке, имеющие христианское содержание.

Однако христианизация алан в то время была поверхностной. Она ограничивалась сооружением христианских храмов и усвоением некоторых обрядов, праздников,

постов, названий отдельных святых и Девы Марии. Произошло совмещение хорошо оформившегося язычества и христианских традиций. Сформировалось, казалось бы, невозможное – синкретическое единство ветхозаветного монотеизма и индоиранского политеизма. Наиболее характерно это проявлялось в сакральном искусстве, например в резьбе на стенах саркофагов. Иногда сюжеты, которые лишь с большой натяжкой можно назвать христианскими, располагались на фасадной части культовых сооружений, тогда как остальные части были полностью отданы язычеству (фото 4).

Определенную роль в распространении христианства среди осов (осетин) сыграли грузинские миссионеры. Заметный след в христианском просвещении этого народа оставила

Фото 4. Аланское изображение Георгия Победоносца. Национальный музей Республики Адыгея. Аланская гробница в форме дольмена. Ставропольский государственный объединенный краеведческий музей им. Г.К. Праве

грузинская царица Тамара. В XII веке она восстанавливала старые церкви, строила новые храмы, отправляла для проповеди священников в далекие горные ущелья. Ею был прислан великий

дар, знаменитая икона Иверской Божией Матери, которая хранилась в селе Майрана-Кау, среди Куртатинских теснин. Осетины с той поры стали усиленно почитать изображения креста и свои храмы, получившие название «дзуары» (от «джвари» – по-грузински «крест»). Там долго сохранялись колокола с надписями на грузинском языке. Разрушение монголами Аланского государства способствовало упразднению Аланской митрополии, присоединению ее прихожан к Авагскийской и Зихийской митрополиям. Последняя и была возведена в более высокий ранг из-за трагических событий тех лет.

После распада в XII веке Тмутараканского русского княжества эта часть Северного Кавказа вновь попадает под духовное влияние Византии. Правда, и сама империя переживает не лучшие времена. Внешние враги и внутренние смуты рвут ее на части. Дело дошло до того, что город, называемый на Западе Матрикой (бывшая Тмутаракань), в XIII веке стали посещать католические миссионеры. Они отмечали, что люди там считают себя христианами, а служба ведется греческими священниками на эллинском языке. О том, что адыги держались христианской веры, свидетельствуют многие авторы: Юлиан, Вильгельм де Рубрук, Иосафат Барбаро. Алания же разбилась на множество княжеств, ведущих между собой кровопролитные войны. Но лишенное твердой поддержки со стороны внешних сил, христианство постепенно утрачивало свои позиции на Северном Кавказе. С XIV века доходят сведения лишь об одной Зихско-Матрахской митрополии. Кроме того, паства разделилась на две части, подчинившись грузинской и византийской церквям.

Генуэзцы, сменившие византийцев на Кавказе и в Крыму, предприняли попытки распространения среди местных народов католицизма. С ними прибыло небольшое количество крестоносцев. Следы их пребывания обнаруживались и гораздо позже. Среди горцев в XIX веке особой популярностью пользовалось холодное оружие, перекованное из средневековых мечей таким образом, что бы сохранялось рыцарское клеймо. И в настоящее время находят статуи крестоносцев, служившие надгробными памятниками, надписи на латинском языке в развалинах часовен. В Зихии первым католическим епископом был назначен францисканец Иоанн (1346 г.). Епархия была очень обширна, ее иерархи жили в Керчи и в нынешней Тамани. Генуэзские колонии находились вблизи современных городов Анапы и Новороссийска, около Копыла – Ейска. Крупные поселения франков (генуэзцев) располагались в верховьях Кубани, у нынешнего селения Хумара, а также у Кислого Колодца (г. Кисловодск) и на знаменитой Рим-горе.

Результаты проповеди католицизма были более чем скромными. Его восприняли лишь некоторые княжеские фамилии горцев. Простой народ продолжал придерживаться христианства греческого толка. Не помогали убеждения, подкуп, угрозы и насилие. Тексты Священного Писания, звучащие на непонятном языке, не находили отклика в душах аборигенов, а образ жизни пришельцев вызывал у них отторжение. Согласно преданиям, черкесы крестились в 8 лет. Знатные люди вообще считали возможным прийти к Христу лишь после шестидесяти, так как разбой и убийства несовместимы с этой верой.

Нашествие Тамерлана нанесло сильнейший удар по христианству, его последователи были вытеснены в дикие ущелья. Выжившие аланы заперлись в горах Осетии, и отбивались, как могли.

Среди черкесов ислам распространялся с помощью оружия. Особенно усердствовали крымские ханы, по приказу которых убивали шогенов, жгли книги. Но мусульманство плохо укоренялось в среде горцев-христиан. У адыгейцев даже сохранилась поговорка: «Чтоб твое имущество было расхищено, как расхищены были шогенские жезлы».

Формировалась синкретическая общность, включающая в себя смесь христианства, ислама и языческих культов. Мусульманами в первую очередь становились представители родовой знати, тогда как в глубинах народного сознания сохранялись остатки прежних верований. Часто приносились жертвы под сенью священных деревьев, с привязанными к их сучьям крестами. Старики, облачаясь в белую войлочную мантию и, взяв в руки чашу, наполненную вином или бузой, обращались лицом к востоку с чтением молитвы о мире, благополучии и изобилии плодов земных. Во время молитвы черкесы зажигали свечи, курили ладан и клали земные поклоны, соблюдая воспринятые с христианством обряды.

С течением времени употреблявшийся прежде в религиозных церемониях черкесов крест приобрел форму двузубых и трезубых вил. Во время пиршеств черкесы в священных рощах продолжали совершать возлияния в честь старых языческих божеств. Практиковались жертвоприношения, при которых кололи домашних животных. Убитый молнией считался счастливым, отмеченным божеством. Еще в XVIII – XIX веках у черкесов существовал пантеон языческих богов, где почитали Ауса Гирге (Иисуса Греческого) и покровительницу пчел Мериам, называвшейся также Матерью Божией.

Начиная с XVI века, Кавказ вновь начинает входить в сферу интересов России. Дело доходит до династических браков между правящими верхами Московии и Кабарды. Князь Темрюк выдает свою дочь замуж за Ивана IV Грозного и выделяет русским землю на Тереке для строительства городка. Следует заметить, что славянское население издревле проживало в этих местах. Раскопки поселений на территории современной Чечни и Дагестана, близ так называемых «гребней», дают множественные находки православных крестов. Христианское население пополнялось и за счет пленных людей, которых гнали сюда монголы, а позже и их преемники. Определенную роль сыграл свободный доступ для христианства в Золотую Орду, где возникла Сарайская русская православная епархия (1261 год). В ее состав входили все христиане, живущие в непосредственных владениях Золотой Орды: русские, принявшие христову веру татары, горцы Северного Кавказа. Сарайская епархия, существовавшая в XIII – XV веках, была одним из ранних русских духовных органов, распространившим свою деятельность на христианское население Северного Кавказа. Возможно, именно благодаря этому христианство сохранилось в Осетии.

А.П. Лопатин, Т.Е. Лопатина

Раскопки кургана у ст. Спокойной в 1993 г.

Летом 1993 года Армавирская археологическая экспедиция производила работы в окрестностях станицы Прочноокопской Новокубанского района. Второй сезон нами исследовался грунтовый могильник Прочноокопского городища №3. В гости к нам заехал Михаил Николаевич Ложкин. В этот период Отраденский музей, в котором он работал, был филиалом Армавирского музея. Михаил Николаевич предложил нам раскопать курган в ст. Спокойной. По окончании работ в Прочноокопской мы решили взяться и за Спокойненский курган. Раскопки оплачивал Отраденский кирпичный завод, место, где располагался курган, было необходимо для освобождения под глиняный карьер. На раскопки было отведено ровно 1 месяц – с 20 сентября по 20 октября 1993 года. Начали мы копать дружной экспедицией в 7 человек, закончили семейным подрядом. Невыплата в сроки, тяжёлый грунт (не всегда бульдозер мог взять его), погодные условия (по ночам до -10 С) тому виной. Но наши труды были вознаграждены изумительным материалом.

Был раскопан курган, входивший в курганную группу, вытянутую вдоль впадающей в р. Большой Тегинь безымянной речки. Форма насыпи кургана в вертикальном сечении сегментовидная, в плане – овальная, вытянутая по линии распашки; диаметр ее по оси С-Ю 42 м, по оси З-В - 38 м; высота кургана - 0,96 м. Насыпь была возведена над погребением № 10, других досыпок не обнаружено. В ходе раскопок кургана было исследовано 15 погребений. К эпохе бронзы относятся погребения № 3,8,10,11,13,14; к сарматскому времени – № 2,4-7,9,12, к средневековью – № 15; погребение № 1 датировать не удалось [см.:1,2,3].

Погребение № 10. Основное, находилось под центром насыпи на глубине 2,87 м от "0", в слое плотной жёлтой глины.

Захоронение парное. Погребённые лежали в прямоугольной яме с заплечиками, длинной осью ориентированной широтно; под южной стенкой ямы устроен небольшой подбой. Размеры ямы по дну 2,3 x 1,54 м, в верхней части 2,3 x 1,34 м. На её полу зафиксирована подстилка коричневого цвета. Яма была перекрыта брёвнами толщиной 10-40 см, лежащими на заплечиках. Размеры ямы с заплечиками 4,05 x 3,7 м. Яма впущена в материк, а материковый выход отмечен по всему её периметру.

Погребенный № 1 (северный, мужчина 35-40 лет?) лежал на спине головой на В; лицевая часть черепа повернута вверх. Кости несколько сдвинуты, руки вытянуты примерно вдоль туловища, ноги в коленях слегка раздвинуты. Под правой лопаткой лежало два бронзовых ножа.

1. Нож листовидный, с вытянутым черенком, плавно переходящим в лезвие, плоский в сечении. Длина - 13 см, ширина - 3,5 см.

2. Нож листовидный, плоский в сечении, с коротким вытянутым черенком, под тупым углом переходящим в лезвие. Длина - 11 см, ширина - 3,3 см.

Рядом лежала бронзовая молоточковидная булава, "рожки", отростки ее навершия, приплюснуты и приподняты под тупым углом. По верхней части булавки проходит шишечный орнамент, в сечении она округлая; длина - 14 см, ширина - 1 см.

Погребенный № 2 (южный, женщина 30-35 лет?) лежал на спине головой на В, череп обращен лицевой частью на восток. Руки вытянуты вдоль тела. Правая нога слегка согнута в колене и завалена к югу. Под левой лопаткой лежала костяная подвеска, изготовленная из зуба человека. Корневая часть зуба обработана, оставлен только один корень, в котором проделано отверстие. Размеры подвески - 1,5 x 1 см, диаметр отверстия - 0,2 см. Под правой лопаткой зафиксировано пятно охры. Под правым крылом таза найдены два бронзовых шила.

1. Шило квадратное в сечении, черенок в сечении круглый. Длина - 4,5 см, ширина - 0,3 см, диаметр черенка - 0,4 см.

2. Шило квадратное в сечении, черенок не сохранился. Длина - 3,8 см, ширина - 0,3 см.

Ориентировка, трупоположение, инвентарь и погребальное сооружение дают возможность датировать данное погребение 2400 – 2100 гг. до н.э.

Погребение № 1. Впускное, открыто в 7,2 м к востоку от центрального репера (ЦР), на глубине 0,68 м от "0", в слое плотного чернозема.

Погребальная яма не прослежена, кости очень плохой сохранности, но по уцелевшим останкам можно предположить, что погребённый лежал скорченно на левом боку, головой на север. Сопутствующего инвентаря нет.

Погребение № 2 (сарматское, II – I вв. до н.э.). Впускное, открыто в 4,4 м к СВ от ЦР, на глубине 1,31 м от "0", в слое плотного чернозёма.

Погребальная яма не прослежена. Погребённая (женщина, 25-35 лет?) лежала вытянуто на спине, головой на Ю, череп лицевой частью повернут вверх; руки вытянуты вдоль туловища, ноги вытянуты, стопы их сведены вместе.

На грудной клетке справа лежала шаровидная бусина прозрачного желтого стекла; диаметр - 1 см, диаметр отверстия - 0,2 см.

Возле левой бедренной кости находилось красноглиняное лепное пряслице конусовидной формы, в изломе красно-коричневого цвета. Диаметр её основания - 1,8 см, высота - 1,8 см, диаметр отверстия - 0,7 см. В ногах погребённой стояла сероглиняная миска на кольцевом поддоне; венчик округлён и выгнут наружу. Глина плотная, без примесей, в изломе серо-коричневого цвета. Диаметр дна - 9 см, высота - 8 см, максимальный диаметр тулова - 26 см. Севернее стоял красноглиняный, реповидной формы лепной сосудик, зафиксировать который не удалось (разрушился).

Погребение № 3. Впускное, открыто в 4,7 м на восток от ЦР, на глубине 1,41 м от "0", в слое плотного чернозема.

Погребальная яма не прослежена. Погребённый лежал скорченно на левом боку, головой на В. Возле черепа стоял лепной горшок баночной формы; тесто плотное, с примесью песка, в изломе тёмно-коричневого цвета. Диаметр дна - 11,7 см, диаметр тулова - 15 см, высота сохранившейся части - 14 см.

Погребение № 4 (сарматское; начало I в. н.э.). Впускное, открыто в 3,2 м от ЦР, на глубине 1,74 м от "0", в слое плотного чернозёма.

Погребальное сооружение не прослежено, погребенный (женщина?) лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ. В юго-западной части могилы стоял лепной горшочек. Дно его плоское, тулово реповидной формы, горло вертикально поднято вверх; тесто рыхлое, с примесью слюды. Диаметр дна - 9 см, тулова - 10,7 см, горла - 7,2 см, высота - 8,8 см. Возле кисти левой руки лежало лепное, овальное в сечении глиняное пряслице; тесто рыхлое, с примесью шамота, в изломе черного цвета. Диаметр - 3,2 см, отверстия - 0,6 см, высота - 1,8 см. Рядом с пряслищем лежало бронзовое плоское круглое зеркало с прямоугольной ручкой-петелькой. Диаметр диска зеркала - 7,3 см, длина с ручкой - 8,8 см, толщина - 0,1 см.

Погребение № 5 (сарматское, последняя треть II в. до н.э. – I пол. I в. до н.э.). Впускное, открыто в 8,4 м от ЦР, на глубине 1,6 м от "0".

Погребальная яма не прослежена, погребенный (мужчина 25-35 лет?) лежал вытянуто на спине, головой на В, с небольшим отклонением на С; левая рука вытянута вдоль туловища, правая согнута в локте и кистью положена на таз, левая нога вытянута, правая – слегка согнута в колене. Возле правого плеча лежал железный втульчатый наконечник копья; длина - 19,5 см, диаметр втулки - 2,2 см.

В районе левого колена обнаружено восемь железных втульчатых трехлопастных наконечников стрел длиной до 4,5 см.

В ногах погребенного стояла красноглиняная мисочка, изготовленная на гончарном круге. Дно её плоское, поддон кольцевой; венчик отогнут наружу. Диаметр дна - 4,8 см, венчика - 12,2 см, высота - 4,5 см. Рядом с мисочкой стоял лепной сероглиняный сосуд. Дно не сохранилось, венчик диаметром 11 см вертикально поднят вверх, округлен; глина рыхлая, с примесью шамота.

Погребение № 6 (сарматское, кон. II – I-я пол. I вв. до н.э.). Впускное, открыто в 8,9 м к СЗ от ЦР, на глубине 1,99 м от "0". Погребальное сооружение — яма длиной 2,1 м и шириной 0,52 м – зафиксирована в плотном глинистом грунте темно-желтого цвета.

Погребенный (мужчина 25-35 лет?) лежал вытянуто на спине, головой на ЮЗ; череп слегка повернут вправо, руки вытянуты вдоль туловища, левая кисть на бедре. Ноги и стопы ног вытянуты. В западном углу ямы стоял лепкой сосудик баночного типа. Дно его плоское, тулово слегка расширяющееся, венчик вертикальный. Глина плотная, коричневого цвета, с незначительной примесью песка. Диаметр дна - 6,8 см, тулова - 10,3 см, венчика - 7,6 см, высота - 9,8 см.

В ногах погребенного стоял сероглиняный лепной горшочек с плоским дном и сужающимся сверху туловом. Глина плотная, с примесью шамота. В горшочке лежали четыре гальки и большое количество пепла. Диаметр дна - 10,3 см, верхней части - 9,2 см, высота - 9 см. Возле горшочка лежали кости животного (барана?)

От локтевой кости левой руки до колена прослежен тлен светло-коричневого цвета (остатки колчана); на колене погребенного лежало 10 наконечников стрел двух типов:

а) Наконечники железные, трехлопастные, втульчатые; длина - 4,4 - 1,6 см, диаметр втулки - 0,6 см;

б) Наконечники железные, с плоской вытянутой головкой и опущенными жальцами; вместо втулки – короткий плоский черешок. Длина стрел - 4 см, ширина - 1,4 см.

Наконечник второго типа был обнаружен торчащим в правой височной кости погребенного.

Погребение № 7 (сарматское, I-я пол. I в. до н.э.). Впускное, открыто в 6,4 м к ЮВ от ЦР, на глубине 1,8 от "0", в плотной темно-желтой глине. Погребальное сооружение – овальная яма, ориентированная по оси ЗСЗ-ВЮВ; размеры 2,4 x 0,9 м.

Погребенный (женщина старше 45 лет?) лежал вытянуто на спине, головой на ЗСЗ, череп лицевой частью повернут вверх, руки и кисти рук вытянуты вдоль туловища, ноги вытянуты. Голени обрублены косыми ударами, ступни ног отсутствуют. На груди погребенного лежали бусы.

1. Бусина янтарная, красного цвета, уплощенная, овальная. Размеры: 1,6 x 1,5 x 0,6 см, диаметр отверстия - 0,1 см.

2. Две бусины янтарные подпрямоугольной формы, красного цвета. Размеры: 1 x 0,5 x 0,7 см. Диаметр отверстия - 0,1 см.

3. Две глазчатые бусины из стекловидной пасты, серые с голубыми глазками в белом ободке. На одной бусине глазки расположены по три в два ряда, на другой – по четыре в два ряда. Диаметр - 0,8 см, диаметр отверстия - 0,15 см.

4. Две бусины сердоликовые, бочёнковидной формы, ярко-красного цвета, круглые в сечении, Длина - 0,8 см, диаметр - 0,6 см, диаметр отверстия - 0,15 см.

5. Шесть бусин из синего фаянса, гантелевидные. Длина - 0,6 см, диаметр - 0,5 см, диаметр отверстия - 0,2 см.

6. Бусина из синего фаянса, биконическая. Длина - 1 см, диаметр - 0,6 см, диаметр отверстия - 0,2 см.

7. Бусы (всего 5) прозрачного стекла с внутренней позолотой, цилиндрической формы с выпуклыми шишечками, расположенными по 4 в три ряда. Длина - 0,4 см, диаметр - 0,4 см, диаметр отверстия - 0,15 см.

8. Бусы сосульковидные, прозрачного желтого стекла (10 штук). Отверстия боковые. Длина - 1,6-1,3 см, диаметр - 0,6-0,3 см.

На правой руке лежала плоская трапециевидная бусина из стекловидной пасты. Орнамент волнистый – чередование красного, бело-синего, белого, синего, белого и красного, отверстие боковое, в верхней вытянутой части. Высота - 1,5 см, ширина - 0,9 см, диаметр отверстия - 0,2 см.

На левой руке также лежало несколько бус: 1) бусина, аналогичная бусине с правой руки; 2) 4 сердоликовые бусины, аналогичные бусам 4 типа «с груди»; 3) бусина фаянсовая (5-й тип «с груди»); 4) бусина стеклянная (7-й тип «с груди»); 5) бусина стеклянная (8-й тип «с груди»).

Под левой рукой погребённого лежало плоское круглое бронзовое зеркало с выступом-петелькой для крепления ручки. Диаметр диска - 11,2 см, толщина - 0,1 см.

Рядом с зеркалом обнаружено лепное сероглиняное пряслице реповидной формы с волнистым донцем; тесто рыхлое, с примесью шамота, в изломе черного цвета. Диаметр донца - 2,4 см, тулова - 4,4 см, отверстия - 0,7 см, высота - 3,3 см.

В ногах погребённого, вдоль стенки могильной ямы, стояли керамические сосуды. Сероглиняный канфар изготовлен на гончарном круге. Дно плоское, тулово кубковидное, венчик вертикальный, скруглённый; круглые в сечении ручки в верхней части уплощены и оттянуты наружу. По ручкам процарапан орнамент в виде трех расходящихся линий, соединенных двумя перпендикулярными линиями и полукругом. По средней части тулова проходит горизонтальная линия ногтевых вдавлений. Тесто плотное, без примесей, в изломе серого цвета. Диаметр дна канфара - 5 см, венчика - 10 см, ручки - 0,9 см, высота - 7,9 см.

Гончарный желтоглиняный горшок с шаровидным туловом. Дно плоское, на кольцевом поддоне, венчик расширяющийся, слегка скруглённый. Тесто плотное, без примесей, в изломе жёлтого цвета. Диаметр дна - 8,8 см, диаметр тулова - 20,2 см, венчика - 12 см, высота - 19 см.

Желтоглиняная мисочка, выполненная на гончарном круге. Дно плоское, поддон кольцевой, венчик отогнут наружу и имеет закраину внутрь. В верхней части бортика, у самого венчика, с противоположных сторон имеются два отверстия. Тесто желтое, плотное, хорошо отмученное, без примесей. Диаметр дна - 5,4 см, тулова - 10,4 см, венчика - 11 см, высота - 4,2 см.

Миска коричневой глины, выполненная на гончарном круге; дно плоское на кольцевом поддоне, тулово расширяющееся, бортик вертикальный, венчик отогнут наружу. Тесто плотное, с примесью песка, в изломе светло-коричневого цвета. Диаметр дна - 8 см, тулова - 22 см, венчика - 22,2 см, высота - 9,4 см.

Под миской лежала шаровидная глазчатая бусина из красной стекловидной пасты. Глазки коричневые, с двумя ободками – внутренним жёлтым и белым наружным; они расположены по пять в три ряда. Диаметр - 2,8 см, высота - 2,3 см, диаметр отверстия - 0,8 см.

Ниже грудной клетки и таза погребённого зафиксирован древесный тлен.

Погребение № 9 (сарматское, 1-я пол. I в. до н.э.). Впускное, открыто в 6,6 м к ЮЗ от ЦР, на глубине 1,26 м от "0", в плотном чернозёме. Границы могильной ямы не прослеживались.

Погребённый лежал вытянуто на спине головой на 3; левое плечо слегка приподнято, руки вытянуты вдоль туловища; ноги вытянуты. На грудной клетке лежали три бусины: а) стеклянная полихромная красно-коричневая, биконическая, с поперечнополосатым орнаментом; по центру черная полоса, обрамлённая белыми. Длина - 1,3 см, диаметр - 1,1 см, диаметр отверстия - 0,3 см; б) две бусины сердоликовые, ярко-красного цвета; одна бочёнковидная, длина - 0,7 см, диаметром 0,6 см, диаметр отверстия - 0,15 см.

В ногах погребённого стояла посуда. Миска сероглиняная, выполненная на гончарном круге. Дно плоское, тулово расширяющееся, венчик округлён и выгнут наружу. Тесто плотное, без примесей. Диаметр дна - 11 см, тулова - 30,4 см, венчика - 31,5 см, высота - 10,8 см. В миске лежали кости барана (два ребра) и стоял сероглиняный гончарный кувшин. Дно его плоское, тулово овальное, венчик вертикально поднят вверх. Ручка петлевидная, в сечении круглая. Тесто плотное, без примесей, серо-коричневое в изломе. Диаметр дна - 12 см, тулова - 22,8 см, венчика - 6 см, высота - 26,2 см.

У правой ноги погребённого стояла кружка коричневой глины, выполненная на гончарном круге. Дно плоское, тулово биконическое, горло невысокое, венчик слегка отогнут наружу. Ручка

петлевидная, в сечении выпукло-вогнутая, с ложбинкой в верхней части. Тесто светло-коричневое, плотное, без примесей. Диаметр дна - 6 см, тулова - 12,8 см, венчика - 7,4 см, ручки - 1,4 x 0,7 см, высота - 12 см.

У левой ноги погребённого стоял красно-глиняный лепной сосудик реповидной формы, снять который не удалось (разрушился).

Погребение № 11 (II тыс. до н.э.). Впускное, открыто в 10,8 м северо-восточнее от ЦР, на глубине 2,24 от "0", в плотной глине жёлтого цвета.

Погребённый (женщина, 35-45 лет?) лежал вытянуто на спине, головой на СВ, лицевой частью черепа вверх; руки и ноги вытянуты, стопы ног подведены пальцами друг к другу.

Под туловищем и ногами была органическая подстилка коричневого цвета, в районе левого колена и на стопах ног – обильная подсыпка охры. Погребённый лежал в яме трапецевидной формы 1,8 x 1,4 м, дно которой заметно повышалось к ЮВ; яма вытянута по оси СВ-ВЗ. Не исключено, что в восточной части ямы находился входной колодец катакомбы, зафиксировать который не удалось. Сопутствующего инвентаря не обнаружено. Юго-восточнее погребённого лежал крупный булыжник.

Погребение № 12 (сарматское, кон. II – сер. I вв. до н.э.). Впускное, открыто в 7,2 м к западу от ЦР, на глубине 1,9 м от "0", в плотной глине жёлтого цвета. Погребальное сооружение – яма 1,88 x 0,58 м, ориентированная широтно.

Погребённый (женщина 25-35 лет?) лежал вытянуто на спине головой на З; череп повернут направо, руки вытянуты вдоль туловища, ноги и стопы ног вытянуты.

В ногах стоял лепной горшочек со слабовыпуклым туловом; дно плоское, невысокий венчик отогнут наружу. Тесто плотное, с примесью песка, в изломе коричневого цвета. Диаметр дна - 4,6 см, тулова - 8,8 см, венчика - 8,5 см, высота - 10,2 см.

Восточнее горшочка лежало круглое плоское бронзовое зеркало со слегка загнутыми краями; на тыльной стороне диска обозначены неглубокие концентрические круги. По обеим сторонам зеркала сохранились следы органики коричневого цвета; вероятно, зеркало было в кожаном мешочке. Диаметр диска - 14 см, толщина - 0,1 см.

Севернее зеркала стоял лепной сероглиняный сосудик. Дно плоское, тулово слабо расширяющееся, венчик невысокий, отогнут наружу. Тесто плотное, без примесей. Диаметр дна - 3,7 см, тулова - 5,4 см, венчика - 4,7 см, высота - 5,5 см.

На груди погребённого лежали бусы и бисер.

1. Бусина прозрачного жёлто-коричневого стекла, биконическая. Длина - 1,2 см, диаметр - 0,8 см, диаметр отверстия - 0,2 см.

2. Бусина из белой пасты, цилиндрической формы. Длина - 0,7 см, диаметр - 0,4 см, диаметр отверстия - 0,1 см.

3. Две бусины прозрачного стекла, цилиндрической формы. Длина - 0,4 - 0,3 см, диаметр - 0,6 - 0,5 см, диаметр отверстия - 0,2 см.

4. Бисер глухого чёрного стекла, дисковидный. Длина - 0,1 см, диаметр - 0,2 см, диаметр отверстия - 0,7 см.

Погребение № 13 (сер. II тыс. до н.э.). Впускное, открыто в 12,6 м к ЮЗ от ЦР, на глубине 2,35 от "0", в плотной жёлтой глине. Погребальное сооружение – катакомба. Погребальная камера овальной формы, ориентирована по оси СЗ-ЮВ, расширяется к ЮВ; размеры её 2,06 x 1,2 м. Входная яма (1,34 x 0,55 м) перпендикулярна камере и располагается к С от неё.

Погребённый (женщина, 35-45 лет?) лежал вытянуто на спине головой на ЮВ; череп повернут влево, руки вытянуты, левая кисть положена на таз, ноги вытянуты и сведены в стопах. На среднем пальце левой руки находилось костяное кольцо, изготовленное из трубчатой кости, скруглённое по краям. Диаметр - 2,8 см, ширина - 0,6 см, диаметр отверстия - 1,7 см.

Бедренные кости погребённого с внешних сторон посыпаны охрой. В северо-восточной части камеры лежала лопатка животного (барана?), в центре входной ямы – крупный булыжник.

Погребение № 8-14. Впускное, 2100-1700 гг. до н.э. Погребения № 8 и № 14 составляют единый комплекс.

Погребальное сооружение – катакомба, состоящая из двух погребальных камер с общей входной ямой, перпендикулярной им. Камеры овальной формы, длинной осью ориентированы по оси СВ-ЮЗ, дно их – ниже дна входной ямы. Устье входа в камеру погребения № 8 закрывал каменный заклад, состоящий из трех плит песчаника. Размеры данной камеры 1,85x1 м, камеры погребения № 14 – 2x1,14 м.

Погребение № 8. Погребенный лежал вытянуто на спине головой на СВ, от черепа сохранился тлен тёмно-жёлтого цвета. Руки вытянуты вдоль туловища, правая нога вытянута, левая слегка подогнута в колене, стопы ног сведены. Под головой расчищен тлен чёрно-коричневого цвета, под туловищем – коричневого, под ногами – желто-коричневого (от верхней одежды погребенного?) Стопы ног обильно посыпаны охрой.

В районе головы обнаружено два бронзовых полуторавитковых височных кольца диаметром 2,2-1,5 см, уплощённых на концах и круглых (0,3 см) в сечении.

Возле шеи лежала плоская пастовая белая бусина диаметром 1,8 см, толщиной 0,2 см, на груди – две цилиндрические пронизи из белой пасты длиной 1-1,2 см, диаметром 0,5-0,6 см. Здесь же лежал голубой пастовый бисер дисковидной формы; длина - 0,7 см, диаметр - 0,6-0,3 см.

На запястьях рук находились бронзовые бусы от наборных браслетов: "В"-образные 0,7 x 0,6 x 0,7-0,3 см, дисковидные диаметром 0,6-0,5 см, длиной 0,4-0,2 см, пронизи длиной 1,2-0,5 см, диаметром 0,4-0,5 см.

Погребение № 14. Погребённый лежал на спине, головой на СВ, правая рука вытянута вдоль туловища, кисть её – на крыле таза, левая рука согнута в локте и кистью положена на таз. Ноги вытянуты, стопы их сведены и обильно посыпаны охрой.

В районе шеи лежали бусы из белой пасты, аналогичные бусам из погребения № 8, и голубой пастовый бисер, также аналогичный бисеру из того же погребения.

По сторонам и под черепом погребённого лежали три бронзовых височных кольца, аналогичные кольцам из погребения № 8. Диаметр их 1,3-1,2 x 1,8-0,8 см; одно кольцо наполовину разрушено.

На груди погребенного находились костяные подвески из клыков травоядного (оленья?) длиной 1,6-1,2 см, шириной 1,2-0,6 см.

На запястьях рук обнаружены бронзовые наборные браслеты, аналогичные браслетам из погребения № 8.

Погребение № 15 (2-я пол. VI - VII вв. н.э.). Впускное, открыто в 2,4 м к СВ от ЦР, на глубине 1,82 м от "0", в плотной жёлтой глине.

Погребённый лежал вытянуто на спине, головой на ССВ, череп завален вправо, руки и ноги вытянуты, левая стопа положена на правую. Погребённый (мужчина, до 25 лет?) лежал в узкой прямоугольной яме 1,95 x 0,51 м, ориентированной по оси ССВ-ЮЮЗ.

В верхней части грудной клетки находилась гемма из прозрачного голубоватого халцедона в виде округлой бусины с плоско срезанным участком боковой поверхности; изображение выполнено контррельефной гравировкой. Диаметр геммы - 1,3 см, диаметр отверстия - 1,4 см.

На левом бедре находился железный однолезвийный черешковый нож длиной - 27,8 см, шириной - 2,7 см.

В районе пояса обнаружены серебряные бляшки от поясного набора:

1. Накладная бляшка в виде простого геральдического щита с двумя отверстиями и двумя вертикальными штырьками для крепления (на оборотной стороне). Высота - 3 см, ширина - 1,8 см.

2. Накладная бляшка в виде геральдического щита с двумя отверстиями и переключной-штифтом в нижней части; на концах штифта – шишечки-ограничители. На обороте бляшки – штырьки для крепления. Высота - 3,3 см, ширина - 1,8 см.

3. Две накладные бляшки в виде геральдического щита с выемками по бокам, двумя отверстиями и штырьками креплений. Высота - 3,3 см, ширина - 1,8 см.

4. Накладная бляшка в виде широкого геральдического щита с полукруглым отверстием по центру. Высота - 2,5 см, ширина - 2,5 см.

5. Накладная бляшка прямоугольной формы с двумя выемками сверху и отверстием в центре. Высота - 1,6 см, ширина - 1,3 см.

6. Пара накладных бляшек в виде сложного геральдического щита; в одной бляшке – два круглых отверстия, в другой – четыре (круглые и конусовидные). Размеры: первой - 3,2 x 2,9 см, второй - 1,7 x 2,1 см.

7. Наконечник ремня, состоящий из двух прямоугольно-овальных пластин-накладок, крепящихся на ремне при помощи двух заклёпок. Высота - 5 см, ширина - 2,6 см.

8. Обойма в виде угловатой омеги, бронзовая, незамкнутая. Высота - 3,4 см, ширина - 0,7 см.

9. Шесть круглых тиснёных блях со штырьками на оборотной стороне для крепления; диаметр - 0,9 см.

При исследовании кургана, кроме погребений, было обнаружено и несколько комплексов, скорее всего, жертвенно-поминальных.

Комплекс № 1. К северо-западу от ЦР, на глубине 0,72 м от "0", в плотном черноземе найдена лежащая вверх дном сероглиняная миска, выполненная на гончарном круге. Дно плоское, на кольцевом поддоне, тулово плавно переходит в бортик. Бортик почти вертикальный, с небольшим загибом вовнутрь, венчик округлён. Диаметр дна - 10,4 см, венчика - 22,6 см, высота - 11 см.

Комплекс № 2. В 3,6 м к ЮЗ от ЦР, на глубине 0,61 м от "0", был обнаружен комплекс, состоящий из лепного горшочка, костяного пряслица и бронзовой подвески. Горшочек баночного типа, дно плоское, тулово слабовыпуклое, венчик слегка отогнут наружу. Тесто слоистое, с примесью шамота, в изломе тёмно-серого цвета. По тулову нанесён орнамент в виде клеток, расположенных по горизонтали поясками. Диаметр дна - 7 см, тулова - 11 см, венчика - 10 см, высота - 11 см.

Пряслице костяное, усеченно-конусовидное. Диаметр - 4,3 см, высота - 1,1 см, диаметр отверстия - 0,15 см.

Подвеска бронзовая, каплевидная, с поперечным отверстием по центру. Длина - 0,7 см, ширина - 0,4 см, диаметр отверстия - 0,15 см.

В западной поле кургана обнаружена антропоморфная фигурка-идол, изготовленная из красной глины и воспроизводящая схематизированный торс человека; обозначены глаза(?) и нос. Тесто плотное, с примесью песка, в изломе красного цвета. Длина - 4,2 см, диаметр - 1,5 см.

Литература

1. *Лопатин А.П.* Средневековое погребение в ст. Спокойной Отрадненского района // Армавирскому государственному краеведческому музею – 90 лет. Армавир, 1994.

2. *Лопатин А.П.* Раскопки кургана у ст. Спокойной Отрадненского района Краснодарского края //АО – 1993 г. М., 1994.

3. *Лопатин А.П.* Курган у станицы Спокойной // Историко-археологический альманах №1. М. – Армавир, 1995.

Л.Э. Голубев

Новая находка позднесредневекового наконечника копья с треугольными выступами

В фондах выставочного зала «Воинской славы» г. Краснодара хранятся два предмета вооружения, относящихся к эпохе позднего средневековья – сабля и наконечник копья. Сильно коррозированное оружие было найдено близ ст. Смоленской Северского района Краснодарского края во время поисковых работ на месте боёв времен Великой Отечественной войны бойцами Краснодарской краевой общественной поисковой организации «Набат». По рассказу поисковиков, предметы находились близко друг к другу, неглубоко, почти у самой поверхности земли. Сохранность металла на предметах вооружения одинаковая, с большой долей вероятности можно предполагать, что найденные предметы представляли собой комплекс в одном погребении.

Сабля (рис.1,1) имеет искривлённую полосу общей длиной 107 см, черенок рукояти имеет дол и легкий наклон к лезвию (8,3x1,7x0,7 см). От пяты клинка по лезвию идёт металлическая накладка 6,9x2,5x1 см. Полоса сабли в сечении имеет форму усеченного ромба в среднем: ширина – 2,9 см, толщина – 1 см, толщина обуха – 0,6 см. Гарда отсутствует. В последней четверти клинок имеет четырёхгранный ромбический в сечении наконечник, кончик острия сломан. Перекрестия для средневековых северокавказских сабель являются главным признаком датировки. Однако подобные кривые и узкие клинки характерны для адыгских сабель XII-XVI вв., хотя встречаются в погребениях и более позднего времени.

Наибольший интерес представляет наконечник копья с треугольными выступами в районе перехода втулки в «перо» (рис.1.1,2). Общая длина наконечника – 44,3 см, длина «пера» составляет 32 см. Ширина от одного конца треугольного выступа к другому составляет 5,9 см, откуда «перо»

постепенно сужается. В сечении «перо» имеет ромбическую форму. В устье втулки наконечник копья имеет диаметр 3,5 см и толщину 0,4 см. В отличие от известных нам подобных наконечников данный вариант имел слабовыраженные треугольные выступы и чуть более широкое «перо». Внимание на такие крупные наконечники копий с треугольными выступами было обращено исследователями в связи с отдельными их находками в Северо-Восточном Причерноморье в последнее время (Овчиникова Б.Б. Итоги полевых исследований Лооской археологической экспедиции Уральского государственного университета им. А.М. Горького (1987 – 1996) // Археология, архитектура и этнографические процессы Северо-Западного Кавказа. Екатеринбург, 1997. С.33. Табл. XIV,4; Иванов С.Н. О раскопках на «цитадели» крепости в устье р. Годлик // Там же. С.56. Табл. XIX,5; Соков П.В., Хатнюк О.А. О двух случайных находках копий с территории Кубани // МИАСК. 2003. Вып. 2. С. 199 – 201. Рис.1,2; Нарожный Е.И. Новые находки предметов средневекового вооружения с территории Северного Кавказа // МИАСК. 2006. Вып. 6. С.191. Рис.3,2; Голубев Л.Э. Случайные находки предметов средневекового вооружения из окрестностей Сочи // АЖ. 2008. №II. С.122. Рис.1,3), хотя такой тип известен давно (Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971. С.147. Рис.9; Воронов Ю.Н. Древности Сочи и его окрестностей. Краснодар, 1979. С.97. Рис.24). Известны находки таких наконечников копий из грабительских раскопок в горных районах Восточного Закубанья, отдельные экземпляры которых хранятся в Апшеронском краеведческом музее. Особенно большое их количество происходит из могильников, локализуемых в районе современного Туапсе; коллекции наконечников копий хранятся в Туапсинском историко-краеведческом музее им. Н.Г. Полетаева, отдельные экземпляры имеют размеры около 0,5 м и более. Датировка данного вида оружия была затруднена в связи с отсутствием находок его в погребениях. В 2009 г. А.В. Баранюком был исследован средневековый курганный могильник «Азаренский-1» датируемый XIII-XIV вв., в погребениях которого были найдены четыре аналогичных наконечника со слабовыраженными треугольными выступами (Баранюк В.А., Сазонов А.А. Отчёт о проведении археологических раскопок курганных могильников «Морская сказка», «Азаренский-2», «Азаренский-1» и «Артюхов»... Т.3. Краснодар, 2009). По внешнему виду и размерам данный наконечник абсолютно схож с получившим широкое распространение в Западной Европе и Венеции, в частности в первой половине XVI в., разновидность копья «протазан» (Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С.253. Рис. 395)

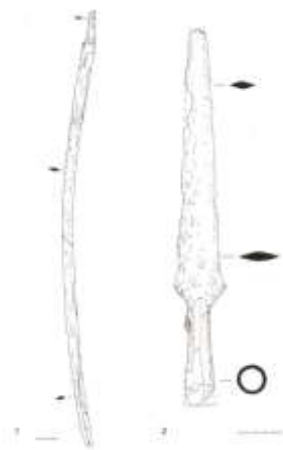

Рис. 1.

1. Сабля (железо)
2. Наконечник копья (железо) ст. Смоленская

Рис.2

3. Протазан, с укороченными отроостками.

Кон. XV в. (по: В. Бехайм).

4. Венецианский протазан, украшен травлением с золочением. Первая пол. XVI в. (по: В. Бехайм).

(рис.2.3,4). Нельзя исключать, что европейские наконечники имели более раннее происхождение и через итальянских купцов (генуэзцев, венецианцев) были экспортированы в Северо-Восточное Причерноморье Кавказа в XIII-XV вв. Похожее предположение высказывал Е.И. Нарожный, оставляя при этом открытым вопрос о месте изготовления изделия (Нарожный Е.И. Указ. соч. С.183), к такому же мнению склонялся и я (Голубев Л.Э. Указ. соч. С.124). Однако такой тип наконечника копий известен пока только в причерноморских районах Северо-Западного Кавказа и не зафиксирован в Крыму или Азове, где находились соответственно генуэзские и венецианские центры, во всяком случае, такие находки мне неизвестны. Не исключено, что данные наконечники с треугольными выступами генетически связаны с более ранним типом наконечника копий, известным ещё с «салтовского» времени и просуществовавшим в Северно-Восточном Причерноморье до XII в. Такие наконечники имеют большие и малые размеры, оснащены острым волнообразным выступом в районе перехода втулки в «перо» (Алексеева Е.П. Указ. соч. С.147. Рис.8; Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М.,1981. С.263. Рис. 82,7; Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья IV – XIII века. М., 2003. С. 246. Таб. 89. Рис. 44,48; С.266.Табл. 99. Рис.1).

Несмотря на то что наконечники копий вообще достаточно редкая находка для погребений позднего средневековья Северо-Западного Кавказа, такие образцы наконечников древкового вооружения известны на территории Северо-Западного Кавказа давно. Интерес к ним вырос лишь в последнее время. Не исключаю, что такой вид вооружения мог иметь и более широкое хождение в регионе.

Е.В. Тёр

Случайные археологические находки в Отрадненском Приурूपье

Наличие значительного количества древних поселений и могильников на территории современного Отрадненского района подтверждается большим количеством случайных находок. Обычно массовое выявление древних артефактов приходится на весну-лето, после периода паводков, когда воды реки Уруп размывают берега.

М.Н. Ложкин в своих работах писал о том, что фактически всё правобережье Урупа богато грунтовыми раннесредневековыми могильниками. (Ложкин М.Н. Краткие сведения о памятниках археологии и истории Приурупья. Для учителей истории в школах Отрадненского района Краснодарского края [На правах рукописи, машинопись]. Отрадная, 1994).

Так, в конце 1990-х гг. автор этих строк с группой учащихся средней школы №17 обследовал правобережье Урупа вблизи станицы Отрадной. Были найдены разрушенные грунтовые могильники. На поверхности проступали фрагменты костных останков. Рядом находились

фрагменты слабообожжённой сероглиняной посуды. Все находки передали в музейную комнату средней школы №17 станицы Отрадной (Тёр Е. Грунтовые могильники на берегу Урупа // СКИТ. 05 августа 1998 г. С.1).

Керамические фрагменты находят повсеместно на территории всего Приурупья, но они различаются по технике изготовления, качеству, что указывает на принадлежность битой посуды к той или иной археологической культуре. Находки целых гончарных изделий среди случайно выявленных предметов является большой редкостью.

Однако, вероятно, из разрушенного погребения, происходит кухонный горшок, относящийся к салтово-маяцкой археологической культуре (согласно типологии Х.Х. Биджиева, – См.: Биджиев Х.Х. Тюрки Северного Кавказа (Болгары, хазары, карачаевцы, балкарцы, кумыки, ногайцы: вопросы истории и культуры). Черкесск, 1993. С. 193 – 195), который был найден на берегу р. Уруп Отраденского района Краснодарского края, в местах расселения алан в VII – XIII вв. Материал – хорошо отмученная глина с добавлением дресвы. Сохранность очень хорошая. Высота – 165 мм, диаметр горловины – 103 мм, диаметр дна – 101мм. Сосуд яйцевидной формы. Имеет невысокую шейку и чётко выраженный закруглённый сверху венчик. Обжиг оранжево-чёрного цвета. Орнаментация горшка горизонтальная, линейно-волнистая. Датируется подобный тип кухонной керамики VIII – X вв., такая посуда использовалась в домашнем быту алано-болгарских племён для приготовления пищи.

В течение четырёх полевых сезонов (1966 – 1968 гг.) археологическая экспедиция Краснодарского государственного педагогического института под руководством Н.В. Анфимова и при участии М.Н.Ложкина производила раскопки на Ильичёвском городище (Ложкин М.Н. Краткие сведения о памятниках археологии и истории Приурупья. Отрадная, 1994. С.6–7). Удалось найти множество предметов аланской культуры, в том числе и большое количество фрагментов керамики, однотипной с нашим горшком.

В 1983, 1988, 1994 гг. на Ильичёвском городище раскопки производились археологами В.Н. Каминским, И.В. Каминской (Цокур), что дало дополнительные материалы для изучения культуры и быта аланского этноса в Приурупье (Ложкин М. Шаги истории // Сельская жизнь. 28 октября 1989 г. С.3).

Немало подобных случайно найденных раритетов хранится у жителей станиц Отраденского Предгорья. Ошибочно полагая, что подобные находки имеют огромную материальную ценность, они, как правило, замалчивают самые факты выявления археологических предметов, место их нахождения и, как правило, не спешат передать их в руки профессиональных исследователей. Не стоит забывать, что только хорошо поставленная просветительская работа со стороны музейных работников, учёных, учителей поможет сохранить древние артефакты для последующего научного изучения.

С.Н.Малахов

Гидронимы Поурупья как исторический источник

Топонимика бассейна р. Уруп всегда привлекала внимание М.Н. Ложкина; он был не только знатоком микротопонимии территории, которая была связана с Ильичёвским городищем, но всегда интересовался и глубоко знал малоизвестные народные названия возвышенностей, балок, речушек, урочищ, связанных с бассейном реки Уруп, справедливо видя в ономастике географических объектов важный исторический источник, который можно использовать и на уроках краеведения, и в более серьёзных научных изысканиях.

Обратимся к этимологии некоторых гидронимов Поурупья, которые, как нам представляется, обладая качеством исторического источника, могут пролить некоторый свет на этническую и хозяйственную историю древнего и средневекового населения верховьев реки Уруп.

Название главной реки этого микрорегиона – Уруп давно притягивает внимание топонимистов, языковедов, историков, краеведов и порождает различные версии его происхождения.

Река Уруп (адыг. *Уарпнэ*, осет. *Warypp / Warp > Уарп*) часто встречается в адыгском нартском эпосе (Гадагаты А.М. Героический эпос «Нарты» адыгских (черкесских) народов. Майкоп, 1987. С. 222, 342). В адыгской топонимии это название не получило удовлетворительного истолкования. К.Х. Меретуков указывает, что название реки зафиксировано в адыгейском

фольклоре как *Уарпыжъ* (Меретуков К.Х. Адыгейский топонимический словарь. М., 1990. С.199). Название состоит из двух компонентов – *Уарп* (э) и суффикса –*жъ* (ж) со значением ‘большой, огромный’, и должно означать ‘Уруп большой’, что больше подходит для главного русла реки, вероятно, в отличие от одноимённых более мелких притоков. Для сравнения отметим, что в адыгской гидронимии *псидже/псыж* имеет преимущественное значение как «река большая» и часто прилагается для обозначения Кубани (Коков Дж. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974. С.245; ср.: Меретуков К.Х. Указ. соч. С.169). Но адыгские языки не позволяют с полной уверенностью этимологизировать первую часть гидронима – *Уарп*. Нельзя исключить предположения, что в основе названия *Уарп* / *Уруп* лежит древнетюркская лексема, давшая в чувашском языке форму существительного *вар* ‘долина, ложе реки, овраг’ и *варан* ‘долина, река’, а также глагол со значением *вар* ‘зарывать, рыть’ (см.: Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып.V. Чебоксары, 1930. С.20 – 22). Если следовать этой этимологии, то название *Уарп* имело в основе тюрк. **вар* ‘долина, ложе реки’ + адыг. *псы* ‘вода, река’, превратившись затем в композитное слово *Варпсы* > *Уарп(сы)* > *Уарп* / *Уруп*.

В осетинском нартовском эпосе топоформант *Warp* ‘Уруп’ представлен чаще, чем в других национальных вариантах нартиады и используется в названиях горы («гора за Уарпом»), реки («Уарп»), крепости («крепость Уарыпп») и равнины («Уарпская равнина/степь»), что может косвенно указывать на локус обитания и места действия не только мифологических героев, но создателей и хранителей мифологических преданий. Ю.А. Дзицойты предполагает, что название *Уарп* является модификацией древнеиранского этимона *Warp/ Warypp/ Walypp* и, возможно, отражает производную форму **vapr(i)ya* / **varp(i)ya* ‘нечто относящееся к холму, к берегу реки’ (Дзицойты Ю.А. Нарты и их соседи. Географические и этнические названия в нартовском эпосе. Владикавказ, 1992. С.64,65), приводя при этом в доказательство сходные и неясные по этимологии гидронимы Верхнего Поднепровья – *Вепрея*, *Выпря*, *Вопра*, *Вопренка*, *Вепренка*, опираясь на толкования В.Н. Топорова и О.Н. Трубачёва (Топоров В.Н., Трубачёв О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962. С.179,181).

Наконец, можно предложить ещё один вариант вероятного происхождения названия реки: в санскритском языке имеется слово *vari* ‘вода’ (см.: Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь / под ред. В. И. Кальянова. М., 2005. С. 577). Санскрит – древнеиндийский литературный язык, в его основе лежат восточные диалекты древнеиндийского языка, относящегося к индоарийской ветви арийской (иранодардарио-индийской) семьи языков, входящих в индоевропейскую языковую общность. Название реки Уруп может в первой части этого композитного гидронима восходить к лексеме **Vari-* и в этом случае уже существовать во II-I тыс. до н.э. у кочевых племен Северного Кавказа эпохи бронзы. Древние индоевропейские и иранские варианты названия места, где протекала река, весьма близкие друг другу, были восприняты с XIII в. абазинами и адыгами, которые калькировали компонент *var-* / *vari-* в свои обозначения реки Уруп.

В конце XVIII в. от верховьев Урупа до Теберды расселялись абазины, а по Урупу находились абазинские округа Псилбариш и Кахтан (Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770 – 1773 гг. СПб., 2002. С. 295).

В ногайском эпосе река Уруп упоминается как *Орыптан* (Сикалиев (Шейхалиев) А.И.-М. Ногайский героический эпос. Черкесск, 1994. С.85), что позволяет в ногайском гидрониме видеть композитное слово – *Орып* + *тан*, причём вторая половина гидронима восходит к иран. *дану*, авест. *да:ну*, осет. *дон* в значении ‘река’. Переход от формы *дан* к *дон* в осетинском языке произошёл в XIII веке. Старая, домонгольского периода, форма этого слова – *дан* отмечается в предгорьях Северного Кавказа, где обитали аланы, в названиях таких рек, как Савдан, Курандан, Хвасдан, Сагдан (Оранский И.М. Введение в иранскую филологию. М., 1960. С. 66). Эти данные позволяют более уверенно предполагать, что название *Уруп* / *Орыптан* уже существовало до XII в. и, вероятно, в ногайском языке, через половецко-кипчакский, в форме *Орыптан* отразился один из вариантов аланского названия реки Уруп.

Сохранение древнего названия Уруп, несмотря на смену в течение нескольких столетий различных этносов и языков на пространстве Поурупья, указывает на то, что эта смена происходила постепенно, культурная традиция не прерывалась катастрофически, «старое» население определённый период соприкасалось и соседствовало с этносами, которые относительно недавно расселялись в этом регионе, поэтому название реки дошло до нашего времени, сохранив, вероятно, древнеиранскую, а может быть, этого исключать нельзя – и индоевропейскую основу.

Правый приток Урупа – река Кува, как бы прикрывает с севера и востока подступы к Ильичёвскому средневековому городищу. Название в своей основе имеет адыгскую

апеллятивную основу *куу*-, указывающую на глубину речного потока, с ассимиляцией названия, согласно русским гидронимическим обозначениям, оканчивающимся на *-ва*, что и привело к появлению на картах названия *Кува*. В кабардинском и черкесском (бесленевский диалект) языках *куу* 'глубокий', *псы куум хэс* 'глубоководный', *псы куу* 'глубокая река', *кууэ* 'глубоко' (Русско-кабардинско-черкесский словарь / отв. ред. А.О. Шогенцуков. М., 1955. С.146). Возможно, лексема *кууэ* и стала основой для фиксации названия реки в форме *Кува* на русских военно-топографических картах. Но притоки Кувы получили для периода Кавказской войны характерные русские названия – балки Извещательная, Надзорная, Надёжная.

Одно из ранних упоминаний Большого и Малого Тегиней, левых притоков Урупа, в русской историко-географической литературе относится к концу XVIII в. Иоганн Антон Гильденштедт, совершивший путешествие по Кавказу в 1770 – 1773 гг., сообщая сведения о реках бассейна Кубани, отмечает за «большой рекой Уарп» две речки: Кичи и Уллу Гигена – р. Малый и Большой Теген (Тегинь), притоки Урупа (Гюльденштедт И. А. Путешествие по Кавказу в 1770 – 1773 гг. СПб., 2002. С. 295). Гидроним входит в русскую географическую номенклатуру через ногайский язык, отражая исконно тюркоязычное обозначение этих притоков Урупа. Причём обозначения *Теген* / *Тегинь* на картах фиксируются в основном со второй половины XIX века, а до этого часто пишется *Геген* или *Гиген*. Это позволяет предлагать версию, что более раннее название притоков было *Гэгэн*, что в монг. обозначает «светлый», возможно, в названии отражалась степень незамутнённости воды, чистота водного потока. В качестве аналога можно привести название реки в Казахстане – *Кегень* < *Кегень кол*, этимологизируемое как монг. *гэгэн* – светлый + *кол* – протока, река = «светлая река» (Конкашпаев Г.К. Некоторые малопонятные географические названия в Казахстане // Вопросы географии Казахстана. Вып. 9. Алма-Ата, 1962).

Однако более вероятной представляется иная версия этимологии названия этих притоков, связанная с их гидрографическими особенностями. Эти мелкие и неторопливые притоки Урупа, часто уходят под землю в карстовые образования и вновь выходят в русло реки, образуя небольшие и неглубокие заводи, очень удобные как источники воды для стад мелкого и крупного рогатого скота, что не могли не отметить кочевники-скотоводы. Именно эта особенность и зафиксирована в названии. В казахском языке *teges*, *tegene* – 'большая миска, чаша' (Кайдаров А.Т. Структура односложных корней и основ в казахском языке. Алма-Ата, 1986. С.284), в карачаево-балкарском языке *тегене* – 'корыто; колода, в которой месят тесто', *ит тегене* – 'лохань для кормления собак, миска', *суу тегене* – 'водопойная колода' (Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. М., 1989. С.617), в языке крымских татар *текне* – 'корыто для водопоя скота' (Лезина И.Н. К вопросу о стратификации тюркских генотопонимов Крыма // Ономастика. Типология. Стратификация. М., 1988. С.160).

Для аналогии приведём примеры из южнославянских языков балканского, т.е. гористого региона, где было развито отгонное скотоводство. У сербов и болгар широко представлена топонимическая основа *stub* - : серб. цслав *стубль* 'источник', с.-хорв. *стублина* 'колода, выдолбленное внутри бревно', болг. *стубел* 'источник с водопойной колодой'. В восточнославянских языках соответствиями являются только гидронимы: Стубло, Стубла – приток р. Стыри, Стубла – приток р. Горыни, Стубелка – приток р. Стубли. (Меркулова В.А. Восточнославянские этимологии. I. // Этимология. 1979. М., 1981. С. 8 – 9). С точки зрения семантики здесь наблюдается единый комплекс 'колода' – 'источник'.

Название *Теген* / *Тегени*, вероятно, появилось и закрепилось за левыми притоками Урупа в XI по XVI век, в период господства в этом регионе тюркоязычных кочевников: первоначально – половцев, а в последующем – кочевого населения Золотой Орды и ногайцев.

Е. С. Спиридонова

Ильичёвское городище как археологический памятник

Археологический комплекс «Городище Ильич» – это памятник яркой и самобытной аланской культуры и археологии VIII – XII вв. Памятник был открыт в 1962 году М.Н. Ложкиным, бывшим директором Отраденского музея, а позднее исследовался археологами Н.В. Анфимовым, В.Н. Каминским, И.В. Цокур.

Ильичёвское городище расположено к югу от хутора Ильич, на водораздельном хребте, между реками Урупом, Гамовкой и Кувой. Расположение городища на возвышенных местах давало возможность умело использовать естественные особенности ландшафта для возведения фортификационных сооружений: крепостных стен, сторожевых башен, постов. Мощная оборонительная система городища определялось его стратегическим положением, так как прикрывало пути в глубинные районы Алании по Кувинскому и Урупскому ущельям (а также подход к водоразделу Уруп – Большая Лаба), и защищало территорию не только поселений, но и земельных участков, пригодных для посевов, выпасов и сенокосов. Площадь Ильичёвского городища более 5 гектаров, протяженность – 15 км. Между оборонительными рубежами предполагается размещение поселка скотоводов и земледельцев.

Территория городища заселялась с ранних времён, что подтверждают находки из кремня. Предположительно, на прилегающей к городищу территории существовали святилища, первоначально – языческие, а затем приспособленные к воззрениям христиан.

Центр городища находится на «Поляне» бывшей летней МТФ; въезд в городище и выезд из него фланкируются стенами и обрывами. Археологами найдены остатки пяти христианских храмов. В 1988 – 1989 гг. на городище работала экспедиция Краснодарских археологов В.Н.Каминского и И.В.Каминской. Ими были открыты остатки небольшого храма. Заметны следы трагической гибели здания во время пожара, происшедшего, вероятно, в результате нашествия монгольских ханов в XIII веке.

В скальных погребениях Ильичёвского городища найдены образцы шёлковых тканей из Византии, Сирии, Китая, что свидетельствует о том, что средневековый город находился на пересечении Великого шёлкового пути. Очень интересны находки нательных крестиков, всего на городище их найдено восемь. Датируются подобные кресты на Руси и в целом в Восточной Европе XI веком, следовательно, кресты Ильичёвского городища могут быть отнесены приблизительно к этому столетию. Интересна находка грузинской монеты царицы Тамары. Очевидно, что в XI – XII вв. усиливается процесс христианизации населения Алании и поддерживаются активные торговые и культурные связи с Абхазией и Грузией.

Городище периода раннего средневековья являлось крупным ремесленным, торговым и духовным центром Западной Алании. Оно перестало существовать во время нашествия татаро-монголов в XIII веке. Городище было разрушено и сожжено монголами, как и многие поселения Западной Алании. Следы этих трагических событий были найдены на городище: наконечники стрел монгольского типа, следы пожара в одном из храмов и др. Предположительно, что Ильичёвское городище временно использовалось ханской администрацией для своей ставки.

Ильичёвское городище – памятник археологии и истории общероссийского значения, широко известное по публикациям археологов и историков. О нём не раз сообщалось на конференциях археологов, симпозиумах, печатались статьи в краевых и местных газетах. Остатки стен средневековых христианских церквей Ильичёвского городища реставрировались и консервировались, в частности, при непосредственном участии и под руководством М.Н.Ложкина.

А.В. Атаев

«Концепции аланского наследия» как фактор межконфессиональной и внутриполитической конфронтации

Проблема изучения алан, их этнополитического и религиозного наследия обретает особое – политическое – значение с начала 90-х гг. XX века. На фоне всё возрастающего внимания со стороны исследователей (см.: Шнирельман В. Быть аланами. М., 2006; «Скифы, Сарматы, Аланы – ираноязычные кочевники евразийских степей». Отчет о работе международного конгресса, проходившего в г. Барселона (Испания) с 7 по 10 мая 2007 года; Лысенко Н. Аланы против великих империй: Северные арийцы в системе геополитического противостояния Парфия-Рим. М., 2009), эта тема становится актуальной также для политических и религиозных деятелей. Сегодня прямыми потомками алан помимо осетин себя считают карачаевцы и балкарцы. Ряд чеченских и ингушских историков указывают на причастность алан к этногенезу своих народов. Возможно, в будущем различные концепции аланских «корней» и «наследия» могут стать основой для усиления межконфессиональных и межнациональных конфликтов в регионе.

Важнейшей составной частью религиозного, исторического и культурного аланского наследия являются памятники средневековой христианской архитектуры в верховьях Кубани. На территории древнего аланского городища в Нижнем Архызе сохранились три т.н. «Зеленчукских» христианских храма. Среди черкесов, населявших в прошлом предгорные равнины, «зеленчукские» храмы были известны как "дома эллинов". Вопрос о передаче аланских храмов Русской Православной Церкви актуализировался впервые «на политическом уровне» в связи с принятием 22 сентября 2010 г. законопроекта «О передаче религиозным организациям имущества религиозного назначения, находящегося в государственной или муниципальной собственности». Как показали последующие события, у различных конфессий есть претензии на правообладание древними

христианскими памятниками Нижнего Архыза, которые пока находятся под контролем филиала Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника, находящегося в Нижнем Архызе.

Первым нижнеархызским храмом был величественный и монументальный Северный храм – самая крупная сохранившаяся христианская церковь Алании. Это был кафедральный собор Аланской епархии, центр её духовной и культурной жизни в X – XIII вв.

Во время раскопок внутри собора в 60-х гг. прошлого века, в нартексе, археологом В. А. Кузнецовым была обнаружена крещальня, сделанная из плоских, каменных плит. В этой купели происходило одно из самых главных таинств христианства – обряд крещения, приобщения к лону христианской церкви. Именно здесь в начале X века принимали христианство аланы, здесь открывалась новая страница их истории. Стены византийского храма в интерьере были покрыты великолепной живописью, которая, увы, не сохранилась до наших дней. В 1940 году под полом храма было обнаружено богатое женское захоронение с множеством золотых украшений, хранящихся ныне в Государственном Историческом музее. Особенно интересна надпись на перстне с именем армянского царя Ашота I, правившего Арменией в 886 – 891 гг. Возможно, здесь находилась резиденция аланских митрополитов. Средний Зеленчукский храм относится к крестовокупольному типу церковных построек. Средний храм меньше Северного, и, видимо, строился раньше, и поначалу был основным храмом города. В целом храм хорошо сохранился благодаря прочной кладке каменных тесаных блоков на известковом растворе. В его облике, как и в Северном храме, видно архитектурное влияние Византии. Эта церковь, при постройке в X веке, по мнению некоторых исследователей, была посвящена святому пророку Илье.

В 1990-е годы прошла первая волна конфликтов, связанная с древнеаланскими храмами, расположенными на территории современной Карачаево-Черкесии. В 2003 году президент Карачаево-Черкесии Мустафа Бадтыев заявил, что «...Никакой речи о том, чтобы передавать историческое наследие Православной церкви быть не может...».

(Джантиева Дж. Возможна ли передача аланских храмов РПЦ? // <http://skfonews.info/article/108>).

На этом фоне прозвучало и заявление руководителя координационного центра мусульман Северного Кавказа Исмаила Бердиева: "... Для нас очень важно вернуть имущество, мечети. В последние годы для нас, например, актуален вопрос возврата здания мусульманского храма в Ставрополе... Несомненно, возникают многочисленные вопросы, например, у представителей Русской Православной Церкви. Но мусульманам следует решать свои задачи. Уверен, православные братья свои проблемы решат должным образом", – заявил И. Бердиев.

(Мусульмане поддержали законопроект о религиозном имуществе // <http://rusk.ru/newsdata.php?idar=41754>).

Координационный Совет общественных организаций карачаевского народа в ответ на письмо Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла (от 7 июня 2010 года) принял обращение на имя Председателя Правительства Российской Федерации Владимира Путина. Авторы обращения (Катчиев А.А., Хачиров И.Х., Байрамкулов Б.С., Чомаев К.И.) относят Нижне-Архызский историко-архитектурный и археологический музей к категории историко-культурных заповедников и объектов археологического наследия «...не подлежащих отчуждению из государственной собственности».

(Джантиева Дж. Возможна ли передача аланских храмов РПЦ? // <http://skfonews.info/article/108>).

Лидеры общественных организаций мотивировали свою позицию против передачи храмов РПЦ неким «старшинством» Аланской митрополии: храмы не могут быть переданы «...тем, чьи предки позже приняли христианство». Одним из странных доводов, выдвигаемых карачаевскими общественными деятелями против передачи храмов Православной Церкви, является спорный тезис о необоснованности претензий со стороны РПЦ на аланское религиозное наследие из-за более раннего официального принятия христианства аланами, до официального крещения Руси в 988 г.

30 апреля 2011 г. неизвестные подожгли древнеаланский храм и разрушили стелу Георгия Победоносца в селе Коста-Хетагурова Карачаево-Черкесской республики.

(«В КЧР подожгли храм и разрушили стелу Георгия Победоносца»

// <http://pda.ria.ru/incidents/20110430/369673025.html>).

Председатель Духовного управления мусульман Карачаево-Черкесии Исмаил Бердиев назвал поджог православных храмов попыткой дестабилизировать ситуацию в республике и разрушить межконфессиональный мир.

(«В КЧР подожгли храм и разрушили стелу Георгия Победоносца»

// <http://pda.ria.ru/incidents/20110430/369673025.html>).

Это был не первый акт вандализма в отношении христианских святынь в КЧР. В ноябре 2010 г. были подожжены два современных православных храма в Карачаевском городском округе. Храм в поселке Орджоникидзевском выгорел полностью, а церковь в Карачаевске получила незначительный ущерб, пожар удалось потушить.

3 мая 2011 г. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл просит власти Карачаево-Черкесии отдать церкви под защиту верующих. Святейший обратился к властям республики с предложением открыть церкви для служения. Предстоятель РПЦ направил телеграмму главе Карачаево-Черкесии Рашиду Темрезову в связи с попыткой поджога Георгиевского храма, который расположен вблизи села Коста-Хетагурово. Выразив глубокую обеспокоенность попыткой поджога храма, патриарх указал, что "люди, совершившие это злодеяние, должны понимать, что суд Божий воздаст им за совершенный грех". Патриарх Кирилл заметил, что в Карачаево-Черкесии произошёл целый ряд варварских нападений на православные храмы. Однако последний случай Святейший выделяет особо, отмечая, что нападению подверглась уникальная древняя святыня, принадлежащая к мировому культурному наследию. В связи с этим патриарх призывает главу КЧР сделать православные храмы, расположенные в республике, действующими: "Убежден, что настало время открыть этот и другие подобные храмы для полноценной богослужебной жизни и дать возможность церковной общине вместе с государством и специалистами проявлять заботу о реставрации и сохранности этих домов Божиих», – подчеркнул Патриарх Московский и всея Руси.

РПЦ в ближайшее время намерена решить вопрос реставрации двух аланских храмов в посёлке Нижний Архыз в Карачаево-Черкесии, являющихся одними из древнейших христианских построек в России. Об этом РИА «Новости» сообщил епископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт. Из трёх храмов, относящихся к началу X века, в настоящее время действует только один, два других нуждаются в серьезной реставрации.

(«Церковь отреставрирует древнейшие аланские храмы в Карачаево-Черкесии»

// <http://09biz.ru/698-cerkov-otrestavriuet-drevneyshie-alanskie-hramy-v-karachaevo-cherkesii.html>).

Ввиду того, что за последние 20 – 30 лет в ряде регионов Северного Кавказа сложились «концепции аланского наследия», актуализируется их региональная деструктивная составляющая. В частности, ситуация в алановедении складывается таким образом, что, возможно, в ближайшее десятилетия эта исследовательская проблема может приобрести более серьёзное общественно-политическое звучание. «Аланское наследие» является предметом спора между историками республик, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ. В условиях развития деструктивных процессов «новые исторические мифы» могут способствовать развитию межконфессионального и внутривнутриполитического противостояния на Юге России.

Современное алановедение, охарактеризованное одним из ученых как в принципе не сформированное направление в науке, может быть одним из детонаторов напряжения общественно-политической ситуации в Северной Осетии-Алании, Чечне, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. Межконфессиональные противоречия в Карачаево-Черкесии, вылившиеся в борьбу за аланские храмы уже имели последствия, осложнившие межрелигиозное и межнациональное сосуществование в этой республике. Поджог храма X века вызвал протест не только местных жителей-христиан. На конфликт отреагировали Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, Глава Северной Осетии-Алании Т. Мамсуров, Президент Карачаево-Черкесии Р. Термезов.

(«Глава КЧР: Поджог храма – провокация перед праздником»

// <http://www.rosbalt.ru/main/2011/04/30/844797.html>).

Бесспорно, одной из причин «войны за аланское наследие» является слабая исследовательская база алановедения как науки. Этому способствует то, что наука об аланах находится в затаившейся стадии становления. Ситуация осложняется ещё и тем, что «...именно у кавказских народов аланское прошлое стало рассматриваться в качестве национального достояния, как начальный этап их собственной истории». Помимо этого, как мы указывали выше, в аланской проблеме присутствуют две стороны: научная и общественная. Ученые не без сожаления отмечают, что «за последние одно-два десятилетия доминирующей стала вторая составляющая, немало поспособствовавшая тому, что история аланов превратилась в предмет политических спекуляций и мифотворчества».

(Перевалов С. Актуальная проблема отечественного алановедения // <http://rus-osetia.ru/index.php/library/perevalov>).

Аланистика – это поле игры для националистов, региональных историков и общественных лидеров национальных движений. Очень популярная в национальных республиках тема не является

основой для отстаивания строгих научных принципов, а скорее – методов вовлечения в деструктивное гражданское общество. В настоящее время аланистика и алановедение – это поле битвы за историю северокавказских народов. И ключевая позиция – этническая атрибуция. Основная проблема, по мнению ряда ученых, заключается в отсутствии «прямой, засвидетельствованной документами или воплощённой в исторической памяти, преемственности между аланами и ныне существующими этносами».

(Перевалов С. Актуальная проблема отечественного алановедения // <http://rus-osetia.ru/index.php/library/perevalov>).

То, что в XIX веке российскими учеными Г.Ю. Клапротом и В.Ф. Миллером была выдвинута теория, согласно которой потомками алан являются осетины, до конца XX века было парадигмой. И ко времени, когда в конце 90-х годов XX века количество народов, претендующих на аланское наследие увеличилось, ряд региональных историков и общественных деятелей к аланам стали причислять тюркоязычных карачаевцев и балкарцев (Мизиев И.М. Байрамкулов А.М.) нахоязычных чеченцев и ингушей (Вагапов А.Д., Кодзаев Н.Д.).

Научное открытие, сделанное лингвистами Ю. Клапротом, А. Шёгреном, В. Миллером о преемственности языка аланов и осетин стало причиной развития древней и средневековой истории Южной России (Кавказа и Северного Причерноморья) и лингвистического осетиноведения (Клапрот Г.Ю. Доклад, в котором доказывается идентичность осетин, народности Кавказа и средневековых алан. Перев. Т.Т. Камболова // Аланы и Кавказ. Владикавказ – Цхинвал, 1992).

В распоряжении современных учёных имеется лишь четыре памятника, которые признаются собственно аланскими: Зеленчукская средневековая надпись, две фразы византийского автора XII века Иоанна Цеца, ясский глосарий XV века и недавно обнаруженные датской исследовательницей В. Энгберг аланские глоссы на полях литургической рукописи XIII века из Санкт-Петербурга.

(Перевалов С. Актуальная проблема отечественного алановедения // <http://rus-osetia.ru/index.php/library/perevalov>).

Ряд учёных указывают на небезобидность современной «аланомании». Излишнее присутствие в исторической науке национального начала способствует появлению в тематике исследований негативных исторических традиций. Историками не используется главный метод исследования – критическая работа с документами.

(Перевалов С. Актуальная проблема отечественного алановедения // <http://rus-osetia.ru/index.php/library/perevalov>).

В настоящее же время принцип приоритетности источников принесён в жертву националистическим идеологиям, способствующим развитию сепаратистских, националистических тенденций.

В настоящее время история используется в политических целях с целью обоснования территориальных или социально-политических претензий, что свидетельствует о политизации науки. Региональными историками и общественно-политическими деятелями забывается, что «...представление о коллективном, объединяющем этнических предков и их потомков субъекте исторического процесса не соответствует реальной действительности».

(Перевалов С. Актуальная проблема отечественного алановедения // <http://rus-osetia.ru/index.php/library/perevalov>).

Формирование же узкоэтнической истории способствует появлению деструктивных научных школ, концепций и парадигм.

Так как аланы были бесписьменным народом, то особую важность в этой ситуации приобретает работа с древнерусскими, китайскими, армянскими, сирийскими, арабскими, персидскими, грузинскими источниками. Хотя основной пласт знаний об аланах – греко-византийские и латиноязычные западноевропейские источники, которые остаются пока всё же недостаточно исследованными.

III. Биографии как исторический источник

А.И. Гамидов

Судьба казака Кияшко

Ефим Иванович Кияшко (1887 – 1980) родился в станице Удобной. Его отец Кияшко Иван Иванович – коренной казак ст. Удобной (1864 г. р.); мать – Варвара Кияшко.

С самого начала Первой мировой войны Ефим Иванович, казак 2-го Хопёрского полка 12-го пластунского батальона, воевал на Закавказском фронте. В боях с турками в 1914 г. казак-пулемётчик Ефим Кияшко за мужество и храбрость получил 1-й Георгиевский крест, чем прославил родную Кубань и станицу Удобную. А дело было так. Нужно было уничтожить турецкий пост на горе. Пять человек вызвались охотниками взять высоту: операция была мгновенной, без жертв. Пост захватили, кричали «ура», но наград не ждали. Прост русский солдат: жертвует жизнью, и боевая честь ему выше славы.

Ефим Иванович имел ранения, контузии, но продолжал примерно исполнять свой воинский долг, как и обещал, принимая присягу на верность царю и Отечеству. По имеющимся сведениям, Золотой Георгиевский крест 2-й степени без банта он получил здесь же, на Закавказском фронте, за взятие турецкого укрепления в ущелье.

В начале 1915 года полк, в котором служил Ефим Иванович, был переброшен на Западный фронт для усиления атак. Здесь и случился новый героический эпизод. 12 мая 1915 года, наши части попали в окружение, было много раненых. Командование мешкало, среди солдат росла паника. Тогда и крикнул казак Кияшко:

– Вторая сотня, стройся по мне!

Точными командами провел он сотню через чистое поле и приказал залечь впереди всех на открытой земле. Были видны немецкие окопы, нигде не скрыться, каждая минута дорога.

– Приготовиться к атаке!

Ефим Иванович впоследствии вспоминал: «Немец в меня целится, а я смотрю, в шагах в тридцати сзади наш командир батальона, но мне не мешает. А «в атаку» я крикнуть не успел. Пробил меня немец в плечо. Без меня поднялись».

В госпиталь несли казака пленные немцы. Крест Георгия 1-й степени из Баталпашинской привез Ефиму Ивановичу сам атаман отдела. Ведь теперь и генерал должен был на улице отдавать ему честь. В Екатеринодаре, где его лечили, в кинематографе «Мон плези» шел фильм «В объятиях Клеопатры». Но наш герой только прочитал афишу и поехал домой в Удобную. Кияшко суждено было немного отдохнуть в родной станице, скоро он снова отправился на фронт. В 1917 году душа его была готова принять советскую власть. Скажет ему атаман станицы Черноштанний:

– Подхорунжий Кияшко, стань на стол и скажи нам, какую такую ты выдумал советскую власть!..

– Я её не выдумал. Она уже рядом, в Отрадной она есть «Тут богатей меня столкнули и стали топтать ногами», – вспоминал впоследствии Ефим Иванович.

Привожу материал из отрядненской газеты «Сельская жизнь» за 4 декабря 1975 года: «Лютую злобу у богатых казаков станицы Удобной весной 1918 года вызвало вступление в партию большевиков их земляка, полного Георгиевского кавалера Ефим Кияшко, прибывшего с фронта».

Изменил царю, присяге, золотому вольному Кубанскому казачеству, – шипели ярые противники Советов. Но были и такие, что после этого шли в ревком, просили считать их сторонниками новой власти.

Для некоторых колеблющихся середняков этот факт имел определяющее значение при решении вопроса, за кем пойти. Раз уж казак, младший офицер, пошёл к большевикам, очевидно, там правда, за которую призывает бороться Ленин.

В марте 1918 года Ефима Ивановича избрали председателем первого ревкома в Удобной. А через 15 дней противники советов и настроенные ими казаки на митинге решили устроить над ним самосуд и только счастливый случай спас его от расправы. Время было суровое. Красные и белые собирали под свои знамена, тех, кто впоследствии схлестнётся между собой в жарких сабельных атаках самой страшной из всех войн, войне гражданской.

Триста удобненцев решили с оружием в руках защищать советскую власть, и их отряд под командованием председателя ревкома направился в Екатеринодар, где формировался Отрадо-Лабинский полк. Помощником командира этого полка стал Ефим Иванович Кияшко. Так начался для первого большевика станицы Удобной долгий путь борьбы за социализм.

А в это время в Удобную прибыл отряд генерала Шкуро для пополнения своих рядов верными старому строю казаками и наказания изменников. На площади станицы была устроена показательная порка. Секли там и старого казака Кияшко Ивана Ивановича за то, что его «непутёвый» сын Ефим служит у красных, а его жена Варвара подставляла свои руки под плети, чтобы защитить мужа.

Вскоре на станицу Удобную сделал налет отряд Ефима Кияшко. И как свидетельствуют очевидцы: случился скоротечный бой, в ходе которого отряд белоказаков, защищавших станицу, был разбит. Оставшиеся в живых бежали из станицы через Уруп, их преследовали красные и рубили саблями. Так, Ефим зарубил своего соседа Гаврилу Картавина в отместку за расправу над отцом. И кто мог представить в те жестокие годы, что семьи Картавиных и Кияшко впоследствии породнятся.

После окончания Гражданской войны Ефим Иванович Кияшко занимал ответственные должности, на которые его ставила советская власть: был председателем райисполкома в станице Отрадной, директором совхоза «Хуторок» под Армавиром, потом был переведен в Москву, на повышение, и стал заместителем директора завода им. Балахнова.

В 1937 году, в разгар сталинских репрессий, Ефим Иванович был арестован как «троцкист» и враг народа. Срок – 10 лет лагерей – он отсидел от звонка до звонка. Потом были еще 10 лет на поселении в Воркуте.

Только весной 1957 года, в начале хрущёвской «оттепели», Ефим Иванович возвратился в родную станицу Удобную, был восстановлен в рядах Коммунистической партии и награжден орденом Ленина. Став пенсионером, он получил от властей небольшую хатёнку на улице Кооперативной и обзавёлся хозяйством. Женившись на Анне Кирилловне Винцевич, наш герой прожил тихой и мирной жизнью остаток своих дней. Умер старый казак в возрасте 93 лет в 1980 году.

Статья написана на основе записей из семейного архива, составленных полковником в отставке, ветераном зенитной артиллерии РВСН и МОВУ Валентином Павловичем Кияшко.

В.В. Тёр

Штрихи к портретам отраденских земляков

Поэт Каррел Сааме

Наш фотокорреспондент Иван Постников как-то предложил в очередной номер газеты снимок. На нём был изображён дом, под самую кровлю затянутый порослью акаций. Черепицу освещало солнце...

– Иван Михайлович, что бы это значило?

– Это, между прочим, последний дом последнего эс-тонского села в предгорье. Можно сказать, история.

А история этого села печальная... В 30-е годы прошлого века всех мужчин из села Ново-Эстонского в одну ночь собрали в клуб, а затем вывезли в Армавир... Со временем жёны репрессированных с детьми покинули село, рассеялись кто куда, оставив после себя добрую память. Дома разрушились. Лишь один и остался, его и запечатлел репортёр.

– Через десяток, другой годков этому снимку цены не будет. Помяните меня, – говорил И.М. Постников.

Царство ему небесное !.. Скажу честно, снимок мы опубликовали в газете!

А недавно вспомнил другого отраденнца – Лео Аугустовича Терава, родом из Новоэстонки, отца которого увезли в ту самую июльскую ночь. Лео Аугустович многое и о многих помнит, хранит в семейном архиве. Книги на родном языке, копии редких документов, в том числе и о реабилитации отца, фотографии, письма... Как-то в районной газете «Сельская жизнь» опубликовали небольшую корреспонденцию о репрессированных эстонцах. Мы встретились тогда с Лео Аугустовичем. Он вспомнил о своём земляке, родом из Ново-Эстонки, Карреле Сааме. Парень хорошо учился, писал стихи. Со временем уехал на свою исконную родину. Умер в Таллинне.

В архиве Лео Аугустовича осталось только два стихотворения Каррела на эстонском языке.

Первое, написанное в 1948 году, посвящено событиям 30-х годов. В дословном, несколько неудачном переводе оно звучит так:

У отрогов Кавказского хребта,
На правом берегу Урупа,
Основали посёлок Uus-Eesti,
Где слышались весёлые песни.

Там, среди неглубоких оврагов,
Куда вела извилистая дорога,
Прошла страшная рука Берия
И унесла жизни наших мужчин.
Об этом слушать всем больно.
Невольно слеза застилает глаза
Кто этот ад прошёл и выжил,
Тот жизненный путь изменит.
Там матери плачут и стонут дети.
Раньше срока поседали головы.
Все, кто родился после них,
Не узнают пережитого вовек.

Теперь мы строим большие планы.
Дети без отцов набираются сил.
Давнее болью через сердце прошло.
Что будет завтра, не знает никто.

Второе стихотворение служит как бы продолжением первого.

Там, где прежде звенели
Ласковые славянские песни,
Ныне лишь ястребы взлетали
С тревожным клёкотом,
Лишь совы жалобно стонали по ночам.
Там, где прежде соха
Работала на урожай,
Где окрик ратаря бодрил коня,
Ныне лишь кроты ратали поле,
Жаждавшее плодоносить.
Там, где прежде теснились овраги и кровли,
Где торг и труд собирал людей
В одно место,
Ныне всё покрыл бурьян
И поселись щеглы.

Стал ли Каррел Сааме известным поэтом, нам неизвестно, связь с Кубанью не поддерживал. Судя по содержанию ранних работ, он любил своё село, тосковал по нему, о людях, его населявших. О том и писал стихи.

Учитель и генерал А.Н. Смирнов

В документальном фильме моего земляка-писателя Гария Леонтьевича Немченко моё внимание привлёк эпизод: Михаил Николаевич Ложкин беседует с гражданской женой Александра Николаевича Смирнова (1890 – 1963). Александр Николаевич служил начальником военного аэродрома и в особом отделе по военным изобретениям. Его уволили из армии по клевете в 1935 году. Не трудно догадаться, какую судьбу уготовили генералу «друзья народа»: с 1947 года он жил и работал на Кубани, в Отрадной работал инспектором районо, учителем в средней школе №1. Со временем с него сняли необоснованные обвинения, восстановили в рядах Советской Армии в звании генерал-лейтенанта. Умер А.Н. Смирнов в родном Ленинграде.

Нелёгкую жизнь в ссылке с ним разделила скромная служащая Е.С. Как они жили в кубанской глубинке? Скучно, можно сказать, впроголодь. Случалось, ложились спать, выпив пустой чай, заваренный на вишнёвых или смородиновых веточках.

– Припоминаю такой случай, – рассказывала Е.С., – Александру Николаевичу, как инспектору районо, поручили под роспись директорам выдать школьные тетради – спрос на них после войны был огромный. Когда он закончил раздачу дефицитных канцелярских товаров, то лишней оказалась одна единственная тетрадь. Видно, ошиблись на складе. Как порядочный человек, Смирнов доложил об этом заврайоно. Тот внимательно посмотрел в запавшие от голода глаза

сотрудника и сказал: «Это вам, коллега, плата за работу». Тетрадь Александр Николаевич обменял на буханку хлеба. Два дня мы лакомились ею. Это был 1947 год, когда на юге страны от голода пухли и умирали люди...

В 1999 году я навестил на дому Е.С., чем немало удивил и обрадовал её. Она неожиданно вспомнила самые прекрасные годы своей жизни с любимым человеком – Александром Николаевичем Смирновым, «Шуней», как она ласково называла его. На прощание заметила: сил остаётся всё меньше и меньше, и передала мне на память самое ценное, что считала: «Может, когда-нибудь вы расскажите о нас с Шуней».

Так, неожиданно-негаданно я стал обладателем редких документов, о которых через двенадцать с небольшим лет можно и поведать.

Итак, начнём с письма. Оно адресовано из Петрограда («Петроград – 2/XII-18 г.»), написано женщиной, читается с трудом, касается личного и проникнуто вниманием и заботой о близких, в том числе о «Шуре» (Александре Николаевиче Смирнове). Четыре страницы убористого текста напоминают запись из дневника и начинаются со слов: «Наш век – век ужаса. Брат идёт на брата, отец убивает своих детей, сын уничтожает мать... Злость теперь охватывает всё... Сколько молодых и хороших сил гибнет, и гибнет невероятно, благодаря царству зла...»

Привлекают внимание фотографии разных лет. Первая: в полный рост изображён поручик русской армии времён Первой мировой войны (1914 – 1918) Александр Смирнов. На нём френч английского покроя, морской офицерский кортик. На обороте фото написано его рукой: «3-е апреля 1916 г. Одесса. Маме». Вторая, плохо пропечатанная фотография, на которой трое: солидный, в плаще, мужчина, молодая женщина и подросток. На обороте почерком А.Н. Смирнова: «Кача – Севастополь, апрель 1931г. Обрыв на берегу Чёрного моря высотой 34 метра, с которого упал мальчик, играя с Димой – мальчик остался жив. У подножия обрыва – Дима, Лело и лётчик Болотов, участвовавший в кругосветном перелёте». (Лело – в скором будущем гражданская жена Александра Николаевича).

В послевоенное время Смирнов работал в районе Отрадненского района. Но, видимо, и здесь занимался научными изысканиями. На третьем снимке он сидит за рабочим столом, пишет, одет в пиджак. На оборотной стороне фото его собственной рукой написано: «Александр Николаевич Смирнов. Работа. Кибернетика». Далее рукой М.Н. Ложкина записаны краткие сведения о Смирнове. На другом снимке, пожелтевшем от времени, наш герой в чёрном пиджаке и галстуке, одетом поверх белой рубахи. Сзади на доске геометрическое изображение. Две другие фотографии – личные, семейные: у дома, а также на берегу моря (1956 г.).

В 1956 году Александр Николаевич Смирнов был реабилитирован. Любопытны отдельные строки из его другого письма: «Второй раз был в ЛНИИ (Ленинградский научно-исследовательский институт. – В.Т.). Говорил с директором института в присутствии сотрудников «бюро», которые чрезмерно восхваляли меня как работника и приглашали работать опять в этом учреждении. Директор сказал, что имеется подходящее вакантное место для моей работы на оклад в 2300 рублей в месяц. Но я поблагодарил и сказал, что сейчас хлопочу по военной линии с восстановлением меня в правах как военного...»

Александра Николаевича Смирнова в Отрадной помнят. Жаль, что о нём не написано ни строки. Жаль...

Священник Максим Сапежко

Впервые фамилию Сапежко услышал от старого учителя Н.Н. Галигорова из Отрадной, когда готовил исторический очерк об оперном певце Василии Петровиче Дамаеве (Тёр В.В. Жертвенный луч. Отрадная, 2000, С.78). В молодые годы учитель Галигоров слыл первым его биографом.

Дочь священника Максима Ивановича Сапежко – Татьяна учила детишек музыке. Помогла Дамаеву освоить нотную грамоту, другие тонкости певческого искусства, – рассказал он.

Через некоторое время киномастер Алексей Дмитриевич Бабаков, знаток многих отрадненских историй и баек, как-то заметил: нынешний кинотеатр в Отрадной – бывший храм, рядом с которым был похоронен Сапежко, уважаемый в приходе священник. Вот только где место его могилы – одному Богу известно.

О том, что священник Максим Иванович Сапежко пользовался большим уважением в Приурупье, свидетельствуют документы. В 2009 году в Краснодаре был издан библиографический указатель «Кубань в «Ставропольских (Кавказских) епархиальных ведомостях» / сост. С.А. Слуцкая, редактор А.И. Слуцкий). В разделе «Юбилеи, чествования» прочитал буквально

следующее, с указанием порядкового номера: «128. Выражение признательности прихожан к своему пастырю (священник Максим Сапежко ст-цы Отрадной)», 1879, №8, с.308; 161. Пятидесятилетний юбилей в священном сане благочинного X округа Куб. обл. протоиерея Максима Ивановича Сапежко, 1904, №16, с.951 – 957»; «173. Фёдоров С. К чествованию протоиерея о. Максима Сапежко (по поводу 60-летия служения в сане священника) (ст-ца Отрадная), 1914, №33, с. 948 – 950».

Что остаётся добавить к этому? Человеческая память хранит многое о священнике М.И.Сапежко. Любознательному историку-архивисту, обратившись в Ставропольский краевой архив (или в Краснодарский), можно получить и прочесть эти публикации, донести до благодарных потомков. Вот только кто возьмётся за это?

С.Д. Мастепанов

Страницы из автобиографии

По инициативе Отрадненского районного общества историков- архивистов в мае 2012 г. в фонды Архивного отдела Отрадненской администрации были переданы документы личного архива известного кубанского краеведа, паремиолога, учителя Сергея Даниловича Мастепанова (1913 – 2002). Богатейший архив С.Д. Мастепанова был получен на хранение благодаря усилиям и энтузиазму С.Г. Немченко, которому сын С.Д. Мастепанова, Николай Сергеевич Мастепанов, доверил обширное и разнообразное по содержанию рукописное наследие своего отца. Выполняя волю дарителя, С.Г. Немченко готовит публикацию «Воспоминаний» С.Д. Мастепанова, которые имеют огромную ценность как прямое свидетельство очевидца и участника событий «сталинской эпохи», ознаменовавшейся невиданными репрессиями против различных слоёв советского общества, в том числе и казачества. Предлагаемые вниманию читателя страницы из «Воспоминаний» С.Д. Мастепанова публикуются по рукописному оригиналу с небольшими стилистическими правками и содержат краткие автобиографические сведения об авторе.

Я, Мастепанов Сергей Данилович, родился 8 октября 1913 года в станице Отрадной Краснодарского края (бывшей Кубанской области), в семье потомственных казаков (род ведёт свое начало от запорожских казаков, куда мои далёкие предки, по семейным преданиям, прибыли из Польши, и наша фамилия произошла от польской формулы обращения к членам этого рода: мости – пан, мости – пани). Как бы там ни было, но наш род в составе запорожского, а затем и кубанского казачества, всегда числился в высшем разряде, т.е. в сословии «казачьей аристократии». А отсюда и все ленинско-сталинские «милости», которые сыпались на членов нашего рода, как из рога изобилия, с первых же дней прихода на Кубань Советской власти. А вообще-то такие «милости» щедро сыпались и на всё казачье сословие. Свидетельством этому может служить следующий документ, который я даю полностью, без каких-либо сокращений и без всякой интерпретации. Вот он: « Цир-кулярное письмо ЦК об отношении к казакам, принятое Оргбюро ЦК РКП (б) 24 января 1919 года». Оргбюро было создано на заседании ЦК РКП (б) 16 января 1919 года для подготовки 8-го съезда партии и для решения оперативных организованных вопросов в составе Я.М. Свердлова, Н.Н. Крестинского и М.Ф. Владимирского.

"Циркулярно, секретно"

Последние события на различных фронтах в казачьих районах – наши продвижения вглубь казачьих поселений и разложение среди казачьих войск – заставляют нас дать указания партийным работникам о характере их работы при воссоздании и укреплении Советской власти в указанных районах. Необходимо учитывать опыт года гражданской войны с казачеством, признать единственно правильным самую беспощадную борьбу со всеми верхами казачества путем поголовного их истребления. Никакие компромиссы, никакая половинчатость пути недопустимы. Поэтому необходимо:

- 1. Провести массовый террор против богатых казаков, истребив их поголовно, провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью. К среднему казачеству необходимо применять все те меры, которые дают гарантию от каких либо попыток с его стороны к новым выступлениям против Советской власти.*

2. Конфисковать хлеб и заставить ссыпать все излишки в указанные пункты, это относится как к хлебу, так и ко всем другим сельскохозяйственным продуктам.
3. Принять все меры по оказанию помощи переселяющейся пришлой бедноте, организуя переселение, где это возможно.
4. Уравнять пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях.
5. Провести полное разоружение, расстреливая каждого, у кого будет обнаружено оружие после срока сдачи.
6. Выдавать оружие только надежным элементам из иногородних.
7. Вооруженные отряды оставлять в казачьих станицах впредь до установления полного порядка.
8. Всем комиссарам, назначенным в те или иные казачьи поселения, предлагается проявить максимальную твердость и неуклонно проводить настоящие указания.

ЦК постановляет провести через соответствующие советские учреждения обязательство Наркомзему разработать в спешном порядке фактические меры по массовому переселению бедноты на казачьи земли».

Центральный Комитет РКП (б)

(цит. по: Известия ЦК КПСС. М., 1989. № 6. С. 177 – 178)

При обсуждении этого «Циркулярного письма» Ленин подверг его резкой критике за слишком «мягкое» отношение к казачеству и ужесточил его, добавив ещё три пункта, которые фактически требовали почти поголовного уничтожения казачества, заявив, что «задача стоимиллионного русского пролетариата – потопить все казачество в море». Это только один штрих к характеристике «самого человеческого человека».

А как выполнялось это Циркулярное письмо, видно из статьи, помещённой в январе месяце 1991 года в газете «Известия». В ней сообщается, что только в 1919 году было физически уничтожено один миллион двести пятьдесят тысяч (1 250 000) душ казачьего сословия разного возраста и пола (мужчин, женщин, стариков, детей и больных). На Кубани были поголовно вывезены три большие станицы, а на их место привезли иногороднюю бедноту и поселили в опустевших домах. Куда их вывезли – неизвестно, но только ни один человек из этих казаков не возвратился назад. Ходили упорные слухи, что всех их погрузили на баржи, вывезли в море и потопили. В нашей родной станице Отрадной даже кладбище снесли и на нём построили стадион: даже мертвых казаков не оставили в покое, а ведь на нём были похоронены мои дедушки, бабушки, мой родной отец, старший брат и младшая сестра. И так в каждой семье: все умершие родные были похоронены на этом кладбище. Жутко было смотреть, когда «верные ленинцы и сталинцы», вооружённые наганами, катали своими тракторами черепа наших родных, родителей, братьев и сестер. Вот куда бы нужно привести верных ленинцев, чтобы они воочию убедились в «святости» Ленина и его продолжателей, и я думаю, что многие из них, наверное, иначе стали бы оценивать Ленина и его продолжателей, если бы знали о них всю правду...

Как я уже писал, моё происхождение из казачьего сословия. Мой отец умер весной 1921 года. Мне шел восьмой год, старшему брату 10-й, меньшему 5-й год, а сестре 10 месяцев от роду. После смерти отца для нашей семьи наступили тяжёлые времена. С одной стороны – потеря главного кормильца в семье, а с другой – общегосударственный и политический мощный прессинг как по сословному, так и по общехозяйственному направлениям. К процессу рассказа-чивания стал примешиваться и процесс раскулачивания. Старший брат ещё при жизни отца смог закончить три класса начальной школы. Мне же с большим трудом удалось проучиться в школе всего-навсего около четырёх месяцев. На этом моё школьное образование и закончилось. А дальше мне пришлось уже добывать знания и образование самостоятельно, в невероятных, тяжелейших условиях. И я смогу с чистой совестью, честно и справедливо, сказать, что всё чего я смог достичь в жизни, принадлежит мне и только мне. Семья же, при всём своем горячем желании, ничем не смогла мне помочь, а общество в лице государственных чиновников: различных уполномоченных, представителей, активистов и проч. – только тем и занималось, что изобретало и упорно выполняло всевозможные мероприятия, направленные на создание невыносимых [жизненных] условий и без

того крайне тяжёлых. Ко всему этому, положение нашей семьи ставило нас в разряд изгоев, так как наша мать категорически отказалась вступать в колхоз. Она во всеуслышание заявила, что лучше погибнет вместе со своими детьми, чем будет «продавать душу дьяволу». Конечно, ни о каком образовании не только думать, но мечтать было смешно. И все-таки, с большим трудом, голодный, оборванный, без всяких перспектив на будущее, – я всё же старался при любой маломальской возможности пополнять свои знания путем самообразования.

В 1933 году я чудом выжил, во время страшной голодовки, искусственно созданной Сталиным, когда у всех единоличников, не желавших вступать в колхоз, были изъяты все сельскохозяйственные продукты, даже всё выгребали из чашек и кружек, свозили на «глубинные пункты» и ссыпали под открытым небом, а кто сопротивлялся, того забирали в тюрьму, откуда уже никто не возвращался. За один початок кукурузы давали 10 лет тюремного заключения, фактически отправляли на тот свет, а награбленное зерно, ссыпанное в грязь под открытым небом, в это время всё сгнило. Только на Отрадненском глубинном пункте полностью сгнило, по официальным сведениям, 60 000 тонн зерна, а народ поголовно умирал с голоду, стал развиваться каннибализм. Нам пришлось бросить всё, что осталось от хозяйства (вернее – одну хату и гектар бывшего сада и огорода) и бежать в горы, в карачаевский аул. Только здесь мы и смогли остаться в живых.

С большим трудом и с лишениями мне всё же удалось закончить 2-й курс платного заочного института «Ин-Яз» в Москве по факультету немецкого языка, получить звание «общественно-политического переводчика» и 15 августа 1934 года поступить на работу учителем немецкого языка в Кардоникскую школу им. В.И. Ленина. Теперь я имел уже возможность продолжать свое образование путем заочного обучения. В дальнейшем я закончил 3-й курс этого факультета со званием «Переводчика общего профиля» и перешел на 4-й курс «Научных переводчиков высшей квалификации». Одновременно я поступил на отделение английского языка, окончил 1-й курс и продолжал учебу на 2-м курсе. Окончил также и курсы (заочно, конечно) международного языка эсперанто, был избран членом ЦК СЭСР и членом ИП (интернационал пролетарских эсперантистов). По решению ЦК СЭРС, я должен был в 1938 году принять участие в Международном Конгрессе эсперантистов в Лондоне. Но 25 декабря был арестован и по ложному обвинению в шпионаже, в подготовке фашистского мятежа и, вообще, в контрреволюционной деятельности, без следствия и суда был приговорен к расстрелу. Четыре месяца провел в смертной камере Черкесской тюрьмы усиленного режима (ТУР), ожидая своей участи, а 17 апреля 1938 года мне зачитали постановление Верховной тройки НКВД, что, «учитывая мой возраст (мне было 24 года), смертная казнь заменена на 10 лет тюрьмы усиленного режима» с последующими ограничениями. Сразу же после этого меня отправили этапом через Котлас в Княжпогост, где я работал на пристани грузчиком, а как только закончилась навигация по реке Вымь, всех грузчиков перебросили на пристань Усть-Вымь, где я продолжал работать грузчиком на пристани до осени 1938 года. Когда же закрылась навигация по Вычегде, почти всех грузчиков собрали в большую колонну и пешим ходом отправили в Чибью (современная Ухта). Сколько дней мы шли, уже не помню. Знаю только, что много дней. Из Ухты нас направили на строительство тракта Чибью-Крутая. Здесь, в исключительно нечеловеческих условиях, я пробыл до лета 1940-го года. Здесь же я почти полностью потерял здоровье. Летом 1940-го года нас, полукалек, перевезли на Водный промысел. Первое время я работал на земляных работах, а затем был подмастерьем у немецкого каменщика Германа Вебера, нашедшего в Советском Союзе, при участии МОПРа, «политическое убежище». В связи с обострением тяжелой формы ревматизма, я был госпитализирован и подвергнут лечению (с опытными целями) радиоактивными ваннами. После выписки из больницы на общих работах я уже не был. Работал сначала нормировщиком. Затем – оперативным статистиком, наконец, плановиком-экономистом. Водный промысел в то время считался самым лучшим лагерем в системе Ухто-Печерских лагерей, так как здесь добывался радий не лабораторным, а промышленным путём. Если бы не начавшаяся в 1941 году война, я, вероятно, и отбыл бы здесь свой оставшийся срок. Но с начала войны производство по добыче и переработке радиоактивной воды строго засекречивалось, и всех, кого только можно было, без вреда для производства, убрали отсюда и загнали в такие места, откуда почти никто не возвратился живым. В их числе оказался и я.

После двухлетних пребывания в различных штрафных командировках и штрафных изоляторах моё здоровье было полностью подорвано. И заключение вынесла высокоавторитетная медицинская комиссия ГУЛАГа из Москвы – в 1943 году в отношении меня была сделана запись: «Восстановить здоровье невозможно, а поэтому дальнейшее пребывание в местах заключения считать нецелесообразным». Но 3-й отдел (политический) ГУЛАГа наложил резолюцию на это

медицинское заключение: «Вопрос о досрочном освобождении из мест заключения оставить до особого распоряжения». Я, как неизлечимый больной, был зачислен в «списочный состав» больницы, как неизлечимый больной обречён умирать на больничной койке. Но, вопреки заключению авторитетной медицинской комиссии, я выжил. Дожил до конца 1947 года, освободился и возвратился домой. Правда, мне недолго пришлось наслаждаться свободой, хотя и сильно ограниченной. В 1949 году опять началась «охота на ведьм». Всех, кто отбыл десятилетний срок с 1937 по 1947 год включительно, остался жив и вышел на волю, начали опять забирать в тюрьму и, без суда и следствия, отправлять в лагеря на срок «до особого распоряжения». Наученный горьким опытом, я уже теперь хорошо знал цену сталинскому «правосудию» и решил подальше скрыться от сталинской «справедливости». Короче, я скрылся в захолустных местах Краснодарского края. Там я пробыл до самой смерти «отца всех народов», «дорого и всеми горячо любимого товарища Сталина».

В 1957 году я был полностью реабилитирован, восстановлен во всех правах, возвратился к своим родным и продолжал учительствовать. В 1973 году по старости вышел на пенсию. Работать учителем я уже не стал, а всецело посвятил себя научной работе. Сотрудничал с редакцией журнала «Proverbium» (пословицы), издававшегося Академией наук Финляндии, где опубликовал 5 работ о пословицах и поговорках народов Северного Кавказа. Одну работу (доклад) опубликовал в Академии наук Венгрии, составил книгу «Паремиология Узбекистана» (в соавторстве), опубликованную в Самарканде; в печати, в Самаркандском госуниверситете, находятся ещё две составленные мною (тоже с соавторами, к сожалению, у нас иначе ничего не издашь) книги: это – «Паремиология Белоруссии» и «Паремиология Украины». Сотрудничаю также в издании большого (в 50 – 70 томах) сводного «Словаря русских народных говоров», для которого составил «Словарь наречия кубанских казаков станицы Отрадной Краснодарского края». Много времени и энергии отдаю также изучению исторического прошлого Кавказа: выступаю с докладами на различные темы по истории Северного Кавказа. О моей деятельности было опубликовано в печати свыше сотни статей, сообщений и воспоминаний на русском, белорусском, абазинском, карачаевском, ногайском, черкесском языках, а также зарубежом на английском, немецком, французском и других языках. Обо мне и моей деятельности было снято 4 фильма: «Неутомимый краевед», «Хранитель», «Дела и заботы учителя Мастепанова», «Семья Мастепанова». В мае этого года будет сниматься обо мне 5-й фильм под условным названием «Путешествие учителя Мастепанова по исторической Алании», а в августе-сентябре этого года Северо-Кавказская киностудия документальных фильмов планирует снять обо мне фильм (6-й) под названием «Феномен учителя Мастепанова». Трижды я приглашался на международные конгрессы по паремиологии и паремиографии, но Советское правительство не пустило меня на них. Сейчас московский ученый Захар Ефимович Гельман пишет обо мне книгу. В настоящее время я, как член Ухтинского общества «Мемориал», работаю над составлением персональной картотеки на репрессированных для «Банка памяти» невинных жертв в период сталинского произвола. Одновременно сотрудничаю с Генеральной редакцией ежегодника «Proverbium» (Вермонтский университет, США). Вот, в основном, круг моей деятельности в прошлом и на сегодняшний день.

25-V-1990 г.

С.Д. Мастепанов

Публикацию подготовил С.Г. Немченко

Л.Г. Орёл

Василий Николаевич Орёл – педагог, учёный, гражданин

Учитель по образованию, Василий Николаевич Орёл (1928 – 1987) настоящее свое призвание нашёл в журналистике, а позднее в литературоведческой и краеведческой работе. В книге «В поисках истины», изданной после его смерти, он написал: «Я долго жил в Отрадненском районе, работал в редакции, знал, чем живут отрадненцы. Именно там я впервые понял, что мне необходимо заниматься исследовательской работой. Вместе с Петром Митрофановичем Галушкой создавал краеведческий музей. Не мог я пройти и мимо исторического имени Татьяны Соломахи» [1]. Живя в последние годы жизни в Украине, он не прерывает творческих связей с Кубанью. Несмотря ни на какие жизненные перипетии, В. Орёл напряженно работает,

изучает кубанскую и украинскую литературу, участвует в научных конференциях, ведет обширную переписку, в том числе с земляками-краоведами.

Выступая перед жителями родной станицы Васюринской, Василий Николаевич сказал: «Я вырос на Кубани. Меня всегда волновало и волнует всё, что связано с её историей, литературой, искусством, наукой. Я никогда не отделял и не отделяю себя от этого, где бы я ни жил и где бы ни работал. В периодической печати, в различных журналах и сборниках за последние 30 лет опубликовано немало статей, очерков, рассказов о родной Кубани». И это так. В 1983 году в Польской Народной Республике в газете «Наше слово» Василий Николаевич публикует статью «Литературная летопись станицы», в которой рассказывает о родных местах [2]. В письме Е. С. Шаблювскому В. Н. Орёл писал: «Сейчас оказался в Николаеве, уже несколько лет живу на Украине, но связей с Кубанью не прекращаю и не прекращу, пока дышу. Сейчас я занимаюсь темой связей Т. Г. Шевченко с Северным Кавказом» [3].

В. Н. Орёл был человеком высокого гражданского долга, одержимым поиском и восстановлением вычеркнутых из истории Кубани деятелей, стоявших у истоков её культуры, литературы, истории. Он говорил: «Ведь целый пласт литературы выпал из истории Кубани». Начиная он в начале 60-х годов прошлого столетия, и нужно было иметь большое мужество, чтобы поднимать из небытия такие имена, как Я. Кухаренко, В. Мова-Лиманский, Ф. Щербина, О. Кирий, Я. Жарко и ряд других. Но Орёл не отступил, собирая по крупицам материалы о них. Каждый свой отпуск он проводит в Краснодарском краевом архиве, рассылает запросы в другие архивы, музеи и библиотеки страны и зарубежья, обращается за нужными справками к краоведам, литераторам, историкам, частным лицам. Его пытливый исследовательский поиск можно проследить по имеющейся в архивах (домашнем и государственном) переписке.

Начиная с 1964 года, В. Н. Орёл публикует первые исследовательские работы в периодической печати. Характерно, что они были посвящены славному поэту Украины Т. Г. Шевченко и зачинателю кубанской словесности Я. Г. Кухаренко, их многолетней дружбе: «Сюда звал поэта Яков Кухаренко», «Не в Одессе ли архив Кухаренко», «Слідами есаула Туренко» (все – в 1964 г.), «Відшукаємо рукописи Шевченко» (1965 г.) [4]. В 1966 году в журнале «Вітчизна» (№ 3) выходит научная работа В. Орла «Невідома історична праця Я. Г. Кухаренко», в которой Василий Николаевич доказал, что «Исторические записки о войске Черноморском» написал Яков Герасимович Кухаренко, а есаул А. М. Туренко был его помощником.

Известный украинский ученый, шевченковед, лауреат Ленинской премии Евгений Степанович Шаблювский, оценивая эту сторону деятельности кубанца, писал Василию Николаевичу: «Вы много ценного сделали для научного шевченковедения, особенно своими исследованиями о Якове Кухаренко, это важная страница советского шевченковедения» [5].

В эти же годы В. Орел публикует ряд статей о В. Мове-Лиманском, в том числе статью «Поэт с Кубани». После выхода книги Н. Веленгурина «Дорога к Лукоморью» и его статьи в «Советской Кубани» о Василии Мове в 1977 году В. Орел с горечью напишет своему знакомому: «...Мы с Вами прекрасно понимаем, что время – самый лучший *судья* и *лекарь*, но ведь на меня была брошена тень, да ещё какая, и ни для кого не секрет, что я вынужден был покинуть родную мне Кубань, потому что такие условия, какие для меня создали тогда ретивые блюстители чистоты литературы, были невозможны... Конечно же, я приветствую те изменения, которые произошли в Краснодаре и рад, что о Мове и Кухаренко говорят то, чего они действительно заслуживают...» [6].

Некоторые авторы пытались причислить В. Орла к националистам. На самом же деле он до кончиков ногтей был интернационалистом, с пониманием и уважением относился ко всем народам. И об этом говорит всё его творчество, его многочисленные статьи о дружбе между народами, о взаимопроникновении культур разных народов, в т. ч. русской, украинской, осетинской, адыгейской и многих других.

Для него не существовало понятие «малые народы», и об этом он не раз писал и говорил. В своих рассказах, статьях, очерках он очень тепло и уважительно пишет о людях, обычаях и культуре Дагестана, где ему посчастливилось жить и работать после окончания Краснодарского института (1951 г.) – рассказы «Мелодия», «Баркала», «Верблюжье молоко» и др.

Через всё его творчество красной нитью проходит героическая тема. В своих статьях о Великой Отечественной войне он постоянно подчёркивает, что подвиги во имя освобождения от фашистов нашей страны, в т. ч. Украины, а также Венгрии, Чехословакии, Польши и др. стран совершали сыновья разных народов («Легендарный рейд», «Десант в бессмертие», «Последний огненный рубеж» и др.) [7]. Он с большой теплотой пишет о подвиге татарского поэта Мусы Джалиля, ведет переписку с поисковым отрядом «Снежный десант» Казанского университета, помогает студентам в розыске сотрудников газеты Второй ударной армии «Отвага», в которой во

время Великой Отечественной войны работал Муса Джалиль вместе с кубанским поэтом и журналистом Омеляном Розумиенко (посылает имеющиеся у него материалы, адреса лиц, к кому можно еще обратиться за помощью, связывает их с вдовой репрессированного поэта [8]. Да и сам публикует большие статьи на эту тему – «Моабитский зошит» и «Передайте привет Тычине», обе – в газете «Советская Татария» в рубрике «На меридианах дружбы» [9].

В личном архиве В. Н. Орла имеется несколько десятков книг писателей и поэтов всех братских республик, в том числе Адыгеи, Казахстана, Белоруссии, Украины, Армении, Абхазии, Калмыкии, Татарстана и многих др. Он глубоко изучает их творчество, пишет рецензии на книги, выходящие из печати. В Николаевском педагогическом институте читает курс «Литература народов СССР». Газета «Адыгейская правда» в рубрике «О дружбе братской» поместила интересную статью В. Орла «До последнего дыхания» (об Алексее Кирие).

Хочу привести отрывок из письма В. Орла в газету «Советская Абхазия»: «На протяжении десятка лет я просматриваю всю периодику Украины и буквально по крупице выбираю строчки, которые свидетельствовали о нашей литературной дружбе. Иной раз я думаю, а надо ли это кому? А потом я вспоминаю нашего и вашего друга, мудрого Максима Рыльского, который говорил, что тот ничего не стоим и не достоин ни сегодняшнего, ни будущего, кто не знает прошлого. Мы уйдем, а литература останется, – пишет Василий Николаевич, – и даже суть не в громких фразах, а в факте, что другой народ читает, понимает поэтов Абхазии, уже заслуживает того, чтобы этот народ об этом знал» [10].

На саммите в Санкт-Петербурге глав государств восьмёрки на встрече с молодежной восьмёркой представитель от России Татьяна Ушакова из Екатеринбурга сказала, что в школе надо изучать не только свою культуру, но и необходимо знакомиться с культурой и традициями других стран и народов.

Безусловно, этот вопрос и сегодня является актуальным и был поднят на саммите не случайно. В. Орел в свое время это тоже очень хорошо понимал.

Музей Т. Г. Шевченко, созданный под его руководством в станице Малотенгинской Отрадненского района, и был направлен на воспитание у ребят уважения к таланту великого поэта братской республики, узнавание его творчества, воспитание интернационализма, сближение народов Украины и России, на изучение собственной истории Кубани, её первого историка и писателя Я. Г. Кухаренко. Поиском материалов о его жизни и творчестве как раз и занимался музей под руководством Василия Николаевича Орла. Один из отделов музея был посвящен Я. Г. Кухаренко. Кобзарь и черноморский атаман были связаны 20-летней дружбой и перепиской. Великий поэт посвятил своему другу поэму «Москалева криница» («Солдатов колодец»).

Сколько гордости и радости было у детей, которые своими руками, в прямом смысле слова, сотворили культурный уголок в своей родной станице [11]. Были получены многочисленные телеграммы, приветствия по случаю открытия музея. Союз художников Украинской ССР писал: «Сердечно приветствуем открытие станичного музея Т. Г. Шевченко. Этот замечательный факт является ещё одним ярким доказательством братского единения культур русского и украинского народов». А президиум Отрадненского РК Союза работников просвещения высшей школы и научных учреждений наградил грамотой завуча Малотенгинской восьмилетней школы № 18 Орла Василия Николаевича за проявленную инициативу в создании и открытии школьного музея Т. Г. Шевченко.

Не меньший интерес В. Орёл проявлял к жизни и творчеству великого осетинского поэта и публициста Коста Левановича Хетагурова. В 1981 г. выходит монография В. Орла «Коста Хетагуров и Украина», о пребывании в ссылке Хетагурова на Украине в Херсоне и Очакове Николаевской области. До последних дней он работает над очередной книгой о Коста, рукопись которой находится в его домашнем архиве [12].

Как известно, К. Хетагуров жил в юности и неоднократно бывал позднее и на Кубани. В. Орёл в своей статье «Всюду были друзья...» пишет: «Пожалуй, наименьше изучено время пребывания Коста на Кубани, как в селе Георгиево-Осетинском, так и в Екатеринодаре (Краснодаре). Исследователи лишь упоминают, что Коста в разные годы бывал на Кубани у своего отца в родном доме в селе Георгиево-Осетинском, где в 1906 году и умер». Орел задается вопросом: «Ограничивались ли поездки поэта только в это село? Были ли у него друзья в Екатеринодаре и вообще на Кубани? Как складывались отношения поэта с екатеринодарскими газетами? и т. д.» [13].

В 1985 году Чучмай Г. Т., кандидат исторических наук, подарил Василию Николаевичу книгу, в которой сделал надпись: «Славному краеведу-литературоведу, прекрасному знатоку литератур братских народов СССР, выступающему со статьями во многих республиканских, областных, краевых, городских и районных, газетах, большому энтузиасту и пропагандисту среди молодежи, прививающему нужные ей знания о славном прошлом нашей Родины — Орлу Василию Николаевичу с искренним уважением Г. Чучмай. 25.04.1985 г. г. Краснодар» [14].

Более 600 работ было опубликовано Орлом за период его творческой деятельности. Библиография его работ и материалы о нём опубликованы в книге В. Орла «В поисках истины», вышедшей в свет через 20 лет после его кончины.

Несомненный интерес представляет его эпистолярное наследие. Я думаю, что его деловая, да и семейная переписка, требуют отдельного исследования и изучения и, возможно, отдельного опубликования. Переписка Орла ещё полнее раскрывает круг его интересов, отражает гражданскую позицию краеведа. Благодаря переписке мы можем проследить не только его жизненный путь, исследовательскую работу, но и узнать о его бескорыстной помощи людям, музеям, школам [15].

Только один характерный пример: уехав из Отрадной на Украину, Василий Николаевич пишет секретарю райкома партии П. М. Головачёву: «Уважаемый Павел Максимович, недавно узнал, что вы задумали очень хорошее дело — создание музыкальной школы в Отрадной. Ещё Горький говорил, что человек делами своими славится. Если он посадил дерево, то он уже не даром жил на земле. Музыкальная школа! Ведь это чудесно...

...Я знаю, как это трудно, подыскать знающего, а, главное, любящего свое дело человека. У меня есть некоторая возможность помочь Вам в этом.

Я уже разговаривал об этом в союзе композиторов Украины, с директором Львовской консерватории, написал письмо композитору Майборде...

...Мне не безразличны хорошие дела, связанные с Отрадной, не может человек жить без рода и племени. Может, именно на Украине, рассказывая о нашей родной Кубани, я по-новому увидел её, вот почему стараюсь в меру сил своих сделать для неё что-то полезное».

И далее пишет Орел: «Павел Максимович, у меня к Вам большая просьба, помогите Петру Митрофановичу (Галушко. — Л. О.) с музеем, ведь вы лучше других понимаете, как это важно. На всей Кубани единственный историко-краеведческий музей, это что-нибудь да значит, это до некоторой степени культурное лицо Вашего района» [16].

Со многими людьми он вёл деловую переписку на протяжении десятков лет — Г. Т. Чучмаем, И. Ф. Вараввой, И. Г. Федоренко, В. П. Бардадымом (Краснодар), М. Ф. Башмаком (Чехословакия), А. П. Обабко (станция Ахтанизовская), О. Веровенко (Армавир), М. Е. Кияшко (Львов, уроженец ст. Удобной Отрадненского района), В. И. Касияном (Киев), Н. Джусойты (Цхинвали), А. И. Кос-Анатольским (Львов), Е. П. Кириллоком, В. Е. Шубравским, М. Ф. Рьльским (Киев), В. Т. Горбачуком (Славянск Донецкой обл.), А. Ф. Нырком (Ялта) и многими другими. Дружил и переписывался с клубами интернациональной дружбы, советами музеев в школах, помогал ребятам рекомендациями и материалами — музей лейтенанта Шмидта П. П. в г. Севастополе, КИД «Факел» СПТУ № 9 г. Орджоникидзе и др. Переписывался с краеведом и историком М. Н. Ложкиным из Отрадной. Недавно я передала их переписку в Отрадненский исторический музей.

У Василия Николаевича были разносторонние интересы. Он писал о Пушкине, Толстом, Чехове, русском и украинском театре, краеведении, истории и культуре Кубани, межнациональных и межлитературных связях и многом другом.

Это был человек огромного трудолюбия, неуёмной энергии и инициативы. Он до мозга костей был честным человеком, радеющим за сохранение памятников культуры не по должности, а по велению сердца (в Николаеве был членом совета общества по охране памятников культуры).

Главной его мечтой было открытие в Краснодаре в доме Я. Кухаренко мемориального музея. Он ведёт переписку с научным сотрудником историко-археологического музея им. Е. Фелицина Е.Н. Неподобой, даёт советы, предлагает концепцию построения экспозиции музея, присылает имеющиеся у него документы по истории литературы и культуры Кубани [17]. Музей был открыт уже после кончины Василия Николаевича. Из архива В. Орла я передала (подарила) музею более 150 единиц документов [18]. Большая часть архива В. Орла передана в Краснодарский краевой архив, где образован его фонд.

Как радовался Василий Николаевич, когда получил письмо от профессора М. Х. Башмака из Чехословакии (с которым переписывался с 1964 г.), о том, что архив кубанского историка Ф. А. Щербины цел, а М. Башмак является его хранителем. Василий Николаевич сообщает об этом Краснодарскому государственному архиву, зав. архивным отделом В. Зверковой, которая связывается с М. Башмаком по вопросу передачи архива на Кубань. Одновременно Г. Т. Чучмай, историк-архивист, пишет М. Башмаку: «Уважаемый Михаил Хомич, мой близкий друг Василий Николаевич Орёл, работающий учителем в станице Отрадной, дал мне Ваш адрес, поэтому пусть не будет неожиданностью для Вас это письмо...» Завязывается длительная переписка, ведутся переговоры о передаче архива Щербины на Кубань [19]. Василий Николаевич продолжает следить за судьбой столь важного для Кубани архива.

В письме к Г. Чучмаю в 1976 г., опасаясь, чтобы архив не попал в частные руки, пишет: «В Прагу должны поехать Вы как официальное лицо, наделённое полномочиями. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы поехал И. Г. Федоренко (он собирался) и архив бы сгинул в его бездонных сундуках, это будет преступно

и Вы будете прямым виновником этого... Вы обязаны убедить вдову Башмака, что этим должно заниматься не частное лицо, а государственное учреждение его родной Кубани... Повторяю, такого допустить нельзя!» [20]

Мы прошли с Василием Николаевичем путь длиною в 27 лет, преодолевая все тяготы и невзгоды, и я твердо могу повторить, что это был человек высокого гражданского долга, щедрой души и мужества. Он, по существу, жил не для себя, а для людей. И это не пустые слова. Правда и справедливость им ценились прежде всего. В нём уживались добро, широта характера, отзывчивость на добрые дела и бескомпромиссность, жёсткость, если он видел несправедливость, неправду, зло. Свое жизненное кредо он выразил в строчках (не претендующих на художественную ценность), обнаруженных в его архиве уже после смерти.

*Нам жизнь отпущена не зря!
И мы прожить должны,
Чтоб не корить самих себя,
За дурно прожитые дни.
Я много лет прожил как мог!
На грани был не раз,
Измерил тысячи дорог,
Чужих я видел ярость глаз.
Бросался смело в бездну дел.
Я не хитрил и не юлил!
И до шестидесяти пройти сумел,
По-юношески не утратив пыл.
И ветер пусть по-прежнему в лицо,
И пусть опасности из-за угла,
Я честен.
Это все,
Что мне судьба моя дала.*

Он был открытым человеком и нередко прямолинейным. Вступая в полемику, спор, доказывал, обосновывал правильность своей позиции, как говорят, невзирая на лица. И это, конечно, не всегда адекватно воспринималось оппонентами. А он говорил: «Разве надо обижаться, это ведь для пользы дела, истина – прежде всего».

Он и младшую дочь Марину этому учил. В день 19-летия он написал ей в поздравительной открытке:

*Живи серьезно, без оглядки,
С друзьями верной будь всегда.
И с совестью не затевай ты прятки,
На правде стой ты твердо – до конца.
Полезной будь и людям, и Отчизне.
Себя для цели смело посвяти.
Будь Человеком в этой жизни!
И имя Человека гордо пронеси...*

10 июля 1983 года, г. Николаев

Он очень любил и уважал своего отца, человека доброго, уравновешенного, искреннего, авторитетного. С матерью были сложные отношения, особенно после ухода из жизни отца. В письме матери в 1978 году он писал: «...Знаешь, за что я тебе благодарен всю жизнь? Ты не привила мне чувства стяжательства, карьеризма, жульничества, остался честным на всю жизнь. И ещё ты привила мне большую любовь к родителям, чтобы они ни делали и как бы они ни поступали – я всегда помнил, что это мои родители... Мама, самым главным судьёй в конечном итоге будет наша совет. Это те раздумья, которые одолевают тебя, когда ты остаёшься со своими мыслями один на один...»

В. Орёл бесконечно любил свою родную Кубань. Он никогда не отождествлял отдельных ее «радетелей», принесших ему столько бед, и эти беды, по существу, тянулись за ним всю жизнь, с Кубанью в целом. Он с большой гордостью писал в Украину народному художнику СССР, лауреату Ленинской премии В. И. Касияну, с которым он переписывался (29 писем от В. Касияна в архиве В. Орла):

«Дорогой Василий Ильич!

...Я имею в виду, что Вы найдёте когда-то время и побываете на древней земле потомков запорожских. Как поётся в нашей кубанской песне:

*Ой, Кубань, ты наша родина,
Вековой наш богатырь,
Многоводная, раздольная,*

Разлилася вдалі і вишнь!

Великий Тарас Григорьевич мечтал побывать в этом краю, повидаться со славными казаками, хоть, наверно, и не те уже мы стали, что были «сто років тому, але і тепер є дух козацький, пом'ятайте мое слово!»

Я с великим удовольствием приглашаю Вас на мою славную Родину – край, которому я отдам все, что у меня есть, и, прежде всего, своё горячее желание, чтобы он, наконец-то, посмотрел на себя нужными глазами, увидел свое величие и славу... Летом у нас в предгорье чудово: лес, река, горы! Нет, всё это надо посмотреть, в письме об этом не расскажешь. Ей, ей, приезжайте, дорогой Василий Ильич, к нам в Отрадную, батько буде дуже вам радий, а прийняти у нас на Кубані є де!»

Из письма В. И. Касияну, 6 июня 1961 года.

Василий Николаевич не только восторгался красотами Кубани и Отрадненского района, он по-настоящему гордился делами отрадненцев. В своих воспоминаниях о встречах с украинским поэтом М. Ф. Рыльским он написал: «...Незадолго до нашей встречи кубанские умельцы послали поэту подарок – вырезанного из мягкого гипсового камня медвежонка на бочонке мёда.

— А ведь отличная работа, – говорил Максим Фадеевич, – мастерство своих дедов не забывают.

Я сказал, что на базе небольшой артели теперь создана камнерезная фабрика, изделия которой пользуются спросом не только в нашей стране, но и в Англии, Швеции, Японии и других странах. Поэт искренне радовался успехам отрадненцев...» [21]. Жаль, что давно нет уже этой фабрики и нет прекрасных изделий, которыми так гордился земляк отрадненцев Орел Василий Николаевич!

В. Орел до конца дней своих не мог смириться с тем, что находится вдали от своей родной Кубани. В 1984 году в письме Поповой Ю. А. в Краснодар он напишет: «Вот уже 20 лет как на Украине, а по-настоящему места так и не пригнали, всё же корни у нас кубанские, как ни крути... Иной раз подумываем: дочь уже выросла, махнуть на всё рукой, да взять и поменяться на Краснодар... Конечно, за Кубанью скучаем, да и все родные там...» [22].

Но мечтам его не суждено было осуществиться. Уже смертельно больной он продолжает упорно работать. 21 июля 1987 года, за месяц до кончины, Василий Николаевич запишет в своем дневнике: «...но я должен, обязан выстоять. Только так. У меня предостаточно работы впереди. Господи, как я уже хочу на пенсию. Это ведь свободное для творчества время. А как оно мне необходимо. Я столько ещё не сделал. Даже обидно. Из художественного ещё ничего не доведено до конца. Думал, что у меня впереди сто лет. А вышло, что лета все вышли. И есть только то, что осталось позади. Кто доведет дело до конца, чтобы ничего не пропало, а что заслуживает – увидело свет? <...> Это плохо, что мой архив не приведён в порядок. Тут я дал маху... Очень жаль, что эти дни я не могу работать над книгой о Хетагурове. Ведь надо обязательно закончить. Ведь этого ни один человек в мире не напишет... Чувствую себя ужасно...»

Не стало Василия Николаевича 31 августа 1987 года двадцать лет тому назад. Ушел из жизни журналист, литературовед, краевед, учёный – человек высокого гражданского долга и щедрой души.

«Самое страшное в жизни – не потеря дома, работы, престижа, как учат нас современные масс-медиа, а то, что уходят навсегда дорогие, близкие люди. А ты всегда чувствуешь себя виноватым, потому что не сумел, да и не успел выразить им всю свою любовь...» [23] Как это верно сказано!

Примечания

1. Орёл В. Н. В поисках истины /Под науч. ред. В. К. Чумаченко. Краснодар. 2006. С. 160.
2. Орел В. Літературний літопис станиці // Наше слово (Варшава). 1983. 11 серп. С. 3.
3. Письмо В. Н. Орла Е. С. Шаблиовскому от 6.06.1977 // Государственный архив Краснодарского края (далее — ГАКК). Ф. Р. – 1682. Оп. 17. Д. 92.
4. Трёхбратов Б.А. Кто есть кто в Кубановедении. Библиографический словарь-справочник. Краснодар, 2007. С. 206 – 213.
5. Письмо Е. С. Шаблиовского В. Н. Орлу от 10. 07.1977 // Личный архив В. Н. Орла.
6. Письмо В. Н. Орла Ивану Павловичу (предположительно И. П. Горелову) от 26. 01.1977 // Личный архив В. Н. Орла.
7. Орёл В.И. В поисках истины. С. 288 – 317.
8. Переписка В.Н. Орла с руководителем поискового отряда «Снежный десант» М. Черепановым // Личный архив В. Н. Орла.
9. Орёл В. И. В поисках истины. С. 315.
10. Письмо Орла в редакцию сухумской газеты «Советская Абхазия» от 10.10.1984 //Личный архив В. Н. Орла.

11. Орёл Л. Г. Малотенгинский школьный музей Т. Г. Шевченко (страницы истории)// Третьи Кухаренковские чтения/ Науч. ред. В. К. Чумаченко. Краснодар. 1996. С. 120 – 122.
12. Орёл В. Коста Хетагуров и Украина. Орджоникидзе, 1981. – 95 с.
13. Орёл В. «Всюду были друзья» (О пребывании Хетагурова на Украине, на Кубани, в Пятигорске) // Знамя коммунизма. 1989. 14 окт.
14. Установление советской власти и государственное строительство в Адыгее (1917 – 1923 гг.) / Сборник документов и материалов /Под редакцией канд. исторических наук М. Г. Аутлева и Г. Т. Чучмая. Майкоп, 1980. – 267 с.
15. ГАКК. Ф. Р.-1682. Оп. 17; Личный архив В. Н. Орла; Орел В. Н. В поисках истины. С. 187—287.
16. Письмо В. Н. Орла первому секретарю райкома партии Отрадненского района П. М. Головачёву от 6.07.1961 // ГАКК. Ф. Р. – 1682. Оп. 17.
17. Орёл В. И. В поисках истины. С. 236 – 242.
18. Краснодарский государственный историко-археологический музей-заповедник им. Е. Д. Фелицына. Акты приема предметов музейного значения: от 10 декабря 1988 г., 1 июня 2002 г. (2 акта), 30 января 1993 г.
19. Самый верный наследник. Из переписки Г. Т. Чучмая и М. Х. Башмака, проложивших дорогу на Кубань архиву Ф. А. Щербины. Краснодар, 2006. С. 137.
20. Орёл В. Н. В поисках истины. С. 245 – 246.
21. Там же. С. 184
22. Письмо В. Н. Орла Ю. А. Поповой от 6. 06. 1984 // Личный архив В. Н. Орла.
23. Мохова Л. И. Время любить // Кубанский писатель. 2007. № 6. С. 8.

С.Г. Немченко

Послесловие к статье Л.Г. Орёл

В ходе подготовки к конференции «Ильичёвское городище как памятник археологии и истории христианства на Северном Кавказе», посвящённой 50-летию открытия и историко-археологического изучения Ильичёвского городища – археологического памятника X – XII веков, мы заинтересовались выступлением Л.Г.Орёл «Василий Николаевич Орёл – педагог, ученый, гражданин», опубликованным в сборнике материалов краевой конференции «Историко-культурное наследие Кубани и научно-исследовательская деятельность В.Н.Орла», посвящённой 80-летию со дня его рождения (Краснодар, 2008).

Статья нам показалась интересной, в какой-то мере раскрывающей весьма непростой путь Василия Николаевича Орла от учителя до журналиста, краеведа, исследователя, ставшим видным представителем литературного краеведения на Кубани. В статье обозначен круг интересов В.Н.Орла, его активная жизненная и гражданская позиция.

Василий Николаевич имел непосредственное отношение к ст. Отрадной – жил здесь и работал, в т.ч. в редакции «Советское казачество». Здесь похоронен его отец.

Орёл лично знал, а затем переписывался с М.Н.Ложкиным, учителем П.М.Галушко, который стоял у истоков создания и организации краеведческого музея в Отрадной. В книге «В поисках истины», вышедшей в 2006 году, в разделе «Записки краеведа» Орёл рассказывает о музее «Мое Отрадненское предгорье», а в других зарисовках – о Ф.Капельгородском, А.Макееве, Т.Соломахе, В.Дамаеве – «Отрадненском соловье».

В разделе «Из эпистолярного наследия» помещено письмо Василия Николаевича к М.Н.Ложкину.

Мы позвонили Ларисе Гавриловне и попросили её выступить на нашей конференции, рассказать о Василии Николаевиче и получили разрешение на перепечатку выше упомянутой статьи из сборника материалов, посвящённых 80-летию со дня рождения В.Н.Орла (тираж сборника весьма скромный – всего 100 экз.). Тем более, что наша конференция проводится в преддверии 25-летия со дня смерти Василия Николаевича (31 августа 2012 года) и 85-летия со дня его рождения (10 января 2013 года).

Через несколько дней после разговора по телефону мы получили от Ларисы Гавриловны бандероль с книгой В.Н.Орла «В поисках истины» и взволнованное письмо, полное светлых и добрых воспоминаний о том времени (1962 – 1963 годы), когда они с Василием Николаевичем жили и работали в восьмилетней школе ст.Малотенгинской.

Думаю, что участникам конференции и читателям будет небезынтересно прочитать эти искренние воспоминания, навеянные событиями многолетней давности, но не забытые до сих пор.

Письмо Л.Г. Орёл к С.Г. Немченко

Уважаемый Сергей Гариевич!

Звонок Бориса Николаевича Берендюкова, а затем Ваш, всколыхнули во мне светлые и добрые воспоминания о событиях 50-летней давности, когда мы с супругом, Орлом Василием Николаевичем, приехали работать в ст. Малотенгинскую: он – завучем, а я – старшей пионервожатой, где без преувеличения оставили частички своих сердец. Мне очень дороги эти воспоминания, даже сейчас по прошествии стольких лет.

Мы не просто работали, а стали организовывать музей великого украинского поэта и художника Т.Г. Шевченко, пробуждая в детях уважение к культуре и литературе братской республики Украины.

Почему именно музей Шевченко, да потому, что Василий Николаевич стал заниматься исследованием и восстановлением имен людей, стоящих у истоков кубанской литературы, в том числе Якова Герасимовича Кухаренко, основоположника истории и литературы Кубани.

Имя Кухаренко тесно связано с именем Шевченко, благодаря которому и стал известен атаман Кухаренко как литератор и историк.

Шевченко посвятил нашему писателю свое произведение «Москалёва криница» (Солдатов колодец), дружил и переписывался на протяжении десятков лет, очень уважал и высоко ценил Кухаренко. «Замечательное явление между людьми этот истинно благородный человек», – написал Шевченко в далёкой солдатской ссылке в дневнике, который вёл на русском языке.

Об их дружбе, взаимоотношениях написаны и опубликованы десятки исследований и статей.

Ребята загорелись этой идеей, были написаны десятки писем с обращением к школам, писателям, художникам, поэтам, учёным, различным организациям с просьбой прислать экспонаты для будущего музея – книги, рисунки, плакаты, значки и все, что имеет отношение к великому «Кобзарю».

Откликнулись очень многие люди, письма, посылки и бандероли проходили почти ежедневно, дети бежали навстречу почтальону и с восторгом принимали эти дары, т.е. музей, можно сказать, творили всем миром. Из Киева мы даже получили бюст поэта.

Я не буду описывать сейчас, сколько было положено труда, затрачено энергии и т.д. Об этом немало было написано в прессе, об открытии музея можно прочитать и в отрадненской газете «Сельская жизнь» за 1963 год, в сборнике материалов третьих Кухаренковских чтений за 1999 год и др.

Сам В.Н. Орел составил подробную справку об экспонатах, присланных музею, его организации, Совете музея, приветствиях по поводу открытия музея и т.д. Такая справка имеется в школе ст. Малотенгинской (я уже им послала её 22 мая 2007 года, когда переехала в г. Краснодар), в том числе 33 единицы ценнейших материалов из личного архива Василия Николаевича. Я Вам посылаю этот список, возможно, хотя бы это не развеяли, как развеяли то, что было создано с такой любовью предыдущим поколением в 1962 – 1963 годах.

Главное, что тогда жизнь ребят в сельской школе приобрела смысл, у детей появилось интересное живое дело, заинтересованность в изучении и познании истории и литературы другого народа, родственного русскому самым тесным образом.

Кроме этого, мы с ребятами ходили в походы по родному краю, в том числе побывали на «Ильиче». Это было незабываемо. Я до сих пор помню, как мы пошли в лес, остановились на берегу реки, чтобы наловить рыбы для ухи. Ребята форель вынимали из реки прямо руками, столько её тогда было.

Но вдруг стали надвигаться тучи, предвещая дождь. Что делать, где укрытие? И тогда решили быстро построить шалаши – получилось что надо. Только успели закончить, как пошел дождь сплошным потоком, но нам уже было не страшно. Все были счастливы и потом долго вспоминали это происшествие.

В самой школе, чтобы повысить успеваемость и дисциплину, придумали щит, на котором разместили все классы, от которых вверх натянули струны к космосу, а на каждой струне укрепили ракеты.

Ежедневно по итогам дня <...>, если класс не получал ни одной двойки и замечания по дисциплине – ракета на одной струне взлетала вверх, если хоть одну двойку – опускалась вниз на ступеньку. Ребята постоянно толпились у стенда, обсуждали итоги, и подчас доставалось нерадивым их товарищам. Казалось бы, игра, но она сыграла важную роль в улучшении показателей по учебе. Это было здорово.

А потом мы уехали, и жизнь опять потекла тихо и размеренно. Как писали нам ребята, Василий Николаевич был душой всех интересных дел, а главное – музея. Найдётся ли энтузиаст, который возродит если не музей, то хотя бы уголок, посвящённый Кухаренко и Шевченко, их творчеству, переписке, взаимоотношениям. По большому счету – дружбе двух великих народов – русскому и украинскому. На этой основе можно было бы организовать и встречи ребят, теперь уже двух стран, обмен информацией, переписку, поездки и т.д.

Было бы, конечно, здорово – воспитание у детей интернационализма, уважения, любви и знания истории не только своей страны, но и других стран, культуры и взаимопонимания.

Все это надо воспитывать, а не пускать на самотек, как это произошло, к сожалению, в последнее время.

Можно много говорить на эту тему, но я думаю и так понятно, что только добро и любовь – залог нравственности, а не ненависть. «Всякое нравственное действие добавляет нравственность в лице, а безнравственное – безнравственности», – по-моему, это точно сказано.

Мне кажется, Сережа, Вы как раз и занимаетесь добрыми делами, удачи Вам в этом.

Я Вам посылаю книгу В.Н.Орла «В поисках истины» и ещё ряд материалов. Надеюсь, если не подведёт здоровье, приехать в Отрадную, а, может быть, и в Малотенгинку. Хотелось бы увидеть родные места Василия Николаевича, а потом и так, побывать возле дома по ул. Революционной № 24, где жили мы в доме его родителей, остановиться возле редакции газеты, где он работал и где мы впервые познакомились. Вот такие мои мечты.

Если побываете в Малотенгинке, напишите или позвоните мне, что там у них. 9 марта 2013 года исполнится 50 лет со дня открытия музея, 31 августа с.г. – 25 лет как не стало Василия Николаевича, а 10 января 2013 года – 85 лет со дня его рождения.

9 марта 2014 года – 200 лет со дня рождения Т.Г.Шевченко.

Вот сколько я Вам всего написала.

С уважением, Л.Г. Орёл. 29 мая 2012 года, г. Краснодар.

IV. Казачество Поурупья в исторических событиях XIX– XX веков

С. Н. Лукаш

«Двадцать лет назад проезжал я уже Кавказскую линию...»

Герой Отечественной войны 1812 года Алексей Петрович Ермолов был назначен командиром отдельного Кавказского корпуса рескриптом императора Александра I в апреле 1816 г. Прибывая к месту своей новой службы, А.П. Ермолов писал в своих дневниках: «Двадцать лет назад проезжал я уже Кавказскую линию, будучи капитаном артиллерии, в молодых весьма летах и служа под начальством генерал-аншефа Зубова, который с корпусом войск действовал против персиян в 1796 г.» (Записки А.П. Ермолова. 1798 – 1826. М., 1991. С. 270). Помимо военных инструкций А.П. Ермолов имел карт-бланш на проведение административных преобразований, получив, как и водилось в практике того времени, ещё и должность управляющего по гражданской части на Кавказе и в Астраханской губернии.

Талантливый ученик А.В. Суворова и М.И. Кутузова, генерал от инфантерии и артиллерии русской армии, так же, как и его учитель А.В.Суворов, «рвывший Кубань от Чёрного моря в смежности Каспийского», приступил к укреплению границы – линии от Усть-Лабинской крепости до Кизляра. Ермолов начал с инспекции вверенных ему крепостей и личного состава войск. Здесь генерала ждало некоторое разочарование. Дело в том, что Ермолов имел отнюдь не абстрактное представление о линейных терских казаках, участвуя вместе с ними в Персидском походе при покорении Дербента, взятии Баку и Кубы. У генерала остались прекрасные впечатления о линейцах: «Всегда отличались они от прочих особенной лёгкостью, исправностью оружия, добротой лошадей» (Там же. С. 270). Генерал не узнаёт линейцев в высланных ему навстречу конвойных командах: «Я, напротив, увидел между ними не менее половины чрезвычайно молодых людей, нигде не служивших, и даже ребят» (Там же). Силы кубанских линейцев (в недалёком прошлом

донских казаков) в этот период действительно были на исходе – это результат деятельности И.В. Гудовича, предшественника А.П. Ермолова, который из-за малочисленности и естественной убыли населения при переселении на Кубань, а также, свирепствовавших на линии болезней, постановил, что на службу должны были выйти «все малолетние и даже находившиеся в отставке казаки...»

К слову сказать, поселённые более 20 лет назад на Среднюю Кубань донские казаки заканчивали свой болезненный этап адаптации к военно-бытовым условиям Северо-Кавказской границы. Известно бытующее выражение: «Один переезд хуже двух пожаров». Чтобы преодолеть тяжелейший адаптационный период с его запредельными нагрузками на казаков и их социальные институты, необходимо было время – годы и десятилетия. Помимо бытовых неурядиц, совершенно по-иному необходимо было выстраивать военную тактику, применять новое оружие и форму одежды.

Вновь поселённым линейцам противостоял серьёзнейший противник. Черкесское наездничество породило особый тип воинов, закованных в лёгкие, но прочные кольчуги, индивидуальное мастерство владения шашкой, луком, кинжалом и дротиком, управление конём которых доходило до совершенства. Долгое время переселенцы «мучились» со своими пиками, доставшимся им от донских казаков. Это оружие хорошо было в чистом поле, при атаке лавой – излюбленном военном приёме донцов. В условиях пограничной службы пики были зачастую просто обузой для казака.

На первых порах сшибки кубанских линейцев с черкесами заканчивались с явным перевесом в сторону последних. Черкесы называли своих противников, ошестинившихся пиками, несколько пренебрежительно –«камыш». Не только древки донских пик навели на противника такую ассоциацию, были здесь причины и более трагичные. Известно немало случаев (особенно в первые годы поселения донских линейцев на Кубани), когда несколько черкесских панцирников, закованных в кольчуги, пробить которые не могла даже пуля, на лошадях, имеющих серьёзную защиту, могли врубиться в строй казаков и пройти его насквозь, положив противника, как «камыш», направо и налево.

Естественно, казаки не могли мириться с таким положением дел. Всё, что приносило им успех в бою: шашки, кинжалы, одежда (удобные черкески, лёгкие пояса с подогнанной амуницией), – все это заимствовалось казаками. Эта своеобразная мода принимала, зачастую, гротескные формы. Так, казаки, стремясь во всём походить на своих противников черкесов, брили головы и специально вращивали на её поверхность лишай – плешь. В линейных станицах ходила и такая поговорка: когда хотели подчеркнуть удалство казака, говорили: «Чистый черкес, только просом не с...т». Просяная каша была в те времена основной пищей местных племен.

Уже спустя два-три десятилетия после своего переселения линейные казаки на Кубани представляли грозную силу для горцев. Научились они справляться и с надёжной, до сей поры, защитой горцев – кольчугой. Об этом приёме поведал нам в одной из своих статей профессор, основатель историко-региональной кавказоведческой школы В.Б. Виноградов. Речь идёт об эпизоде из стихотворения Н.С. Мартынова «Гирзель-аул» (1840), в котором описывается поединок линейного казака с горским всадником – «панцирником». Приведём этот отрывок:

Напрасно наши в них стреляют,
Они лишь бранью отвечают,
У них кольчуга на груди...
Смекнул урядник, догадался,
Взяла досада казака,
Но пособить он горю взялся.
И с видом дела знатока
Поверх заряда в ствол винтовки
Пучок иголок посадил,
И вновь готовый к джигитовке
Во весь опор коня пустил.
Избрав противника, он круто
На задних бабках повернул...
Прошла ещё одна минута,
Ружейный ствол его сверкнул,
Раздался выстрел без раската,

Как будто щёлкнул кто орех,
Пред нами пыль столбом поднята,
Мы все в надежде на успех

Глядим на место... Прояснилось:
В испуге конь от нас бежит,
А тело всадника свалилось,
В траве пустой оно лежит...

В.Б. Виноградов отмечает, что приём «огневого контакта» с грозным «панцирником» был воспринят казачье-армейской средой на Кавказе непосредственно от адыгов и «является ещё одним знаком интеграционных процессов в многомерных и противоречивых условиях т.н. Кавказской войны» (В.Б. Виноградов, О.Н. Терещенко. А.А. Бестужев-Марлинский об одном кавказском приёме «огневого контакта» // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир-Железноводск, 1998. С. 27 – 28).

К моменту прибытия А.П. Ермолова на Северный Кавказ труднейший адаптационный период кубанских линейцев подходил к концу. Генерал, по существу, завершил этот этап своей инспекционной поездкой по крепостям Среднего Прикубанья. Он деятельно переустраивает укрепления: Усть-Лабинское, Кавказское, считая, что в существующем виде «они не могут быть обратимы против неприятеля» (Записки А.П. Ермолова. 1798 – 1826. М., 1991. С. 301). Ермолов остался крайне неудовлетворён инспекцией Прочного Окопа – «небольшого укрепления... в худом весьма состоянии». Безрадостную картину завершил осмотр станицы Прочноокопской, лежавшей в развалинах после необыкновенного разлива кубанских вод, «которые произвели величайшие опустошения в поселениях казаков Кубани» (Там же. С. 296).

Прочноокопская в те времена располагалась на месте нынешней армавирской Старой Станицы, у подножия высокого правого берега Кубани. Вспыхнувшая после наводнения 1817 года малярия довершала бедственное положение казаков. В своём дневнике А.П. Ермолов пишет о событиях того времени: «Болезни и смертность превосходили вероятие...» (Там же). Главнокомандующий действовал по-военному решительно. Прочноокопская крепость была заметно расширена и усилена новыми фортификационными сооружениями. Станица, лежащая у подножья крепости, была перенесена за две версты ниже по течению Кубани на то место, где она находится в настоящее время.

Генерал прекрасно понимал, что сил для охраны Кавказской линии, протянувшейся от берегов Каспийского моря до Усть-Лабинской крепости, явно недостаточно. В своих «Записках» А.П. Ермолов отмечает: «Вообще можно сказать о правом фланге Кавказской линии, что по причине протяжения его и мест повсюду открытых нет никаких средств сделать его более твёрдым... Неприятель имеет весьма сильную конницу; стоящие на кордоне казаки наши, если бы и не были рассыпаны на большом пространстве, не могли бы противостоять оной по несоразмерности сил...» (Там же. С. 302). Ознакомившись с положением дел, главнокомандующий в марте 1821 г. обращается к императору Александру I со своим планом. Суть его была в следующем: укреплялась граница по Кубани путём образования ещё нескольких станиц, заселялся район «от Кисловодска вниз по Подкумку до Горячих вод», переводились в звание казаков казённые крестьяне целого ряда сёл Ставропольской губернии. Хотя данный план вызвал резкое возражение у министра финансов, А.П. Ермолов настойчиво пробивал его, мотивируя тем, что «страна при Кавказе окружена народами мятежными». В конечном счёте Ермолов убедил кабинет министров, и в декабре 1823 г. вышел правительственный указ, узаконивший его предложения (Клычников Ю.Ю. Казачья колонизация кавказской линии в Ермоловский период // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы первой Кубанско-Терской научно-просветительской конференции. Армавир-Железноводск, 1998. С. 24).

Осуществлять и координировать непосредственное выполнение плана главнокомандующего должен был начальник штаба Кавказского корпуса генерал-майор Вельяминов. В период с 1825 по 1827 гг. в рамках осуществления ермоловской идеи были основаны следующие станицы: казаками Волжского полка – Ново-Марьинская, Ново-Полтавская, Ново-Георгиевская, Ессентукская, Кисловодская, Бургустанская и Бабуковская; казаками Кубанского полка – Темнолесская, Николаевская; казаками Хоперского полка – Барсуковская, Баталпашинская, Невинномысская, Беломечетская, Карантинная, Бекешевская (Клычников Ю.Ю. Казачья колонизация кавказской линии в Ермоловский период. С. 25).

А.П. Ермолов предложил и новую тактику борьбы с немирными горцами, которая, как показало время, явилась наиболее эффективной и во многом способствовала умиротворению Кавказа. Тактика эта заключалась в основании военными поселениями, в первую очередь казаками, опорных пунктов на территории противника, неуклонное и постепенное движение границы-линии вглубь вражеской территории и поселение там казачьих станиц. Ермолов начал претворять этот план ещё в 1818 г. в Чечне, затем – в Кабарде, заложив основу для организации Сунженской линии и, так называемого, «сухого участка» кавказской линии. Природные условия, дремучие леса, которые вставали перед русскими богатырями здесь не были помехой. А.П. Ермолов приказал рубить просеки, прокладывать по ним дороги, укрепляя пограничные коммуникации. Л.Н. Толстой отразил в литературной форме события того времени в известном рассказе «Рубка леса».

Подобную просеку генерал повелел прорубить через пойменный кубанский лес вблизи Прочноокопской крепости во время своей инспекции в 1817 году. Просека, связывавшая крепость с кубанскими бродами и переправами, стала именоваться у местного населения «Ермоловской». Для борьбы с заболачиванием местности Старой Станицы и сопутствующими этому болезнями, решено было прорыть ирригационные каналы, которые заметно оздоровили микроклимат вблизи Прочноокопской крепости. В середине 20-х годов XIX столетия Прочный Окоп постепенно превращается в одну из главных крепостей на Кубанском участке границы (Виноградов В.Б. Страницы истории Средней Кубани. Методическое краеведческое пособие для студентов и учителей. Армавир, 1993. С. 44).

К концу одиннадцатилетнего пребывания А.П. Ермолова на Кавказе вся северокавказская граница была заметно укреплена на всём своём участке – от Усть-Лабинской крепости до Кизляра, что заметно усилило обороноспособность Линии и сократило военные потери. Следует отметить, что казаки и солдаты любили и превозносили своего «грозного» генерала. Прекрасные слова о А.П. Ермолове мы встречаем у замечательного русского писателя Н.С.Лескова: «Ермолов поистине характернейший представитель весьма замечательного и нескучно распространённого у нас типа умных, сильных, даровитых и ревностных, но по некоторым чертам "неудобных русских людей". Славу его протрубили не пристрастные газеты, не реляции... славу его пронесли во всю Русь на своих костылях и деревяшках герои-калеки, ходившие с Алексеем Петровичем и в огонь, и в воду, и после, за мирным плетением лычных лаптей, повешавшие «чёрному люду», как «с Ермоловым было и умирать красно...»

При Ермолове на Кавказе воспиталось целое поколение «чудо-богатырей»: русских солдат, казаков-линейцев, блестящих военачальников, которыми по праву гордиться наш народ. Имя одного из таких героев запечатлено в названии мыса, возвышающегося на правом кубанском берегу в непосредственной близости от Прочноокопской крепости. Эта небольшая гора, известная ныне тем, что на ней располагается мемориальный комплекс «Форштат», носит название «Стрижипкин мыс». Годы не сберегли каких-либо письменных источников, чётко проливающих свет на название данного топонима. Однако в Армавирской и Прочноокопской округе до сих пор живёт предание о подвиге, совершённом солдатом Прочноокопской крепости Стрижипкиным в стародавние ермоловские времена. Легенда эта такова.

Два солдата из крепости были направлены начальством на пополнение гарнизонного провианта. Основной целью их охоты были дрофы – крупные птицы размером с индюка, – в изобилии водившиеся в ковыльных балках и оврагах крутого правого кубанского берега. Главным охотником в паре выступал старослужащий солдат Стрижипкин – один из лучших стрелков крепости. Его сопровождал молодой крепкий солдатик, выполняющий в данном деле роль мехоноши. Охота проходила за несколько верст к юго-востоку от крепости в живописной местности под название Кутан.

Солдаты были довольны – Стрижипкину удалось подстрелить несколько крупных дроф. Путники начинали уже было собираться обратно, как вдруг увидели с высоты кубанского берега небольшую партию абреков в составе семи человек, переправлявшихся через реку. Решение было принято мгновенно. Молодой солдат оставил своё ружьё и побежал за подмогой, в крепость. Стрижипкин, знавший округу, как свои пять пальцев, выбрал удобную позицию для обстрела и стал поджидать абреков. Внезапность послужила ему на руку. Выстрелами из двух ружей Стрижипкин уложил двоих противников и, воспользовавшись замешательством врагов, быстро перезарядил своё оружие. Солдат понимал, что необходимо было выиграть время для подхода подкрепления из Прочного Окопа. Завязалась перестрелка, во время которой меткому стрелку удалось подстрелить ещё одного нарушителя. Прошло некоторое время, прежде чем противники поняли, что им противостоит всего лишь один человек. Абреки бросились, как водиться в таких случаях, в шашки,

но по пути потеряли ещё одного бойца от пули Стрижипкина. Последнего пятого врага отважный солдат тяжело ранил штыком, но и сам тут же пал под ударами черкесских шашек.

Совсем немного не успела подмога из крепости. Прискакавшие во весь аллюр казаки, увидели окровавленное тело героя и пять вражеских тел, оставленных абреками на поле боя (что происходило крайне редко и свидетельствовало о поспешности отступления неприятеля).

По преданию, Стрижипкин был похоронен на высоком, выступающем отроге правого берега Кубани, неподалёку от Прочноокопской крепости, получившем название «Стрижипкин мыс» (История о Стрижипкине передаётся автором статьи в изложении известного армавирского краеведа, ныне покойного Н.И. Навротского. Автор, посещая в юном возрасте историко-краеведческий кружок Армавирского Дворца пионеров, не раз слышал её непосредственно от Николая Ивановича, которому, в свою очередь, её поведали старостаничные старожилы).

В 1827 году, спустя 11 лет после своего назначения на Кавказ, А.П. Ермолов впал в монаршую немилость и был отозван со своей должности. Значение деятельности А.П. Ермолова на Кавказе трудно переоценить. За период его командования кавказская линия-граница была серьёзно укреплена. Он обосновал необходимость значительного усиления линейного казачества путём присоединения к нему однодворческих крестьянских селений, располагавшихся в непосредственной близости от линии. Спустя несколько лет после его ухода, в 1832 году, эта задача была успешно решена во вновь созданном Кавказском Линейном казачьем войске. А.П. Ермолов выработал принципы и тактику ведения военных действий на Кавказе, пройдя проверку временем и воплотившись в деятельности его последователей и учеников (например, А.А. Вельяминова, Г.Х. Засса), обеспечили, в конечном счёте, спустя несколько десятилетий, завершение кровопролитных военных действий и закрепление северокавказских территорий за Россией. Воистину, был прав А.С. Пушкин, когда, обращаясь в своём письме к А.П. Ермолову, написал такие слова: «Подвиги Ваши – достояние Отечества; Ваша слава принадлежит России и Вы не вправе ее утаивать...»

Л.Н. Хлудова

Изобразительное искусство как источник по военной повседневности линейного казачества

Изучение повседневности является одним из перспективных направлений в современных исследованиях по истории кубанского казачества. Аспекты повседневной жизни и быта казачества являются частью монографических исследований общего характера, предметом специального рассмотрения в диссертационных работах (см.: Нечитайлов М. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817 – 1864 гг.): материальный аспект. М., 2005.) В отдельный и весьма существенный источник по данной теме, несущий важную информацию, можно выделить памятники изобразительного искусства – они позволяют использовать зрительную память современников и очевидцев событий, более полно реконструировать картину прошлого.

Живописные и графические работы позволяют восстановить подробности повседневной службы, которую несли казаки на южных рубежах страны. Они отражают эволюцию казачьей формы, вооружения, особенности несения сторожевой службы, специфику данного театра военных действий. Пик интереса художников-любителей и профессионалов к военно-казачьей тематике вообще и линейцам в частности приходится на годы активных военных действий последних против горцев. На рисунках и акварелях 20 – 40-х гг. линейцы изображены в одежде и с вооружением, унифицированными по черкесскому образцу. Это обстоятельство лишний раз подчеркивает специфику казачьей службы на Линии. «Казаку некогда было оглядываться кругом, когда всё его внимание было обращено вперед на врага-горца, которого нужно было не выпускать из виду... и собственно для маскировки от которого и была перенята черкеска» (Матвеев О.В. Форменная одежда казаков-линейцев Кубани. Краснодар; Армавир, 1995. С.7 – 8.). На литографии неизвестного автора «Схватка горцев с казаками» (40-е гг. XIX в. – Басханов А.К. Линейцы. Очерки истории станицы Лабинской и Лабинского отдела Кубанской области. Никосия, 1996.) на фоне горного аула в мареве жаркой битвы среди солдат регулярной армии различимы несущиеся на лошадях казаки с пиками в руках. Детали облика всадников – черкески, шапки, обшитые мехом, говорят о принадлежности их к линейцам. Поселившись на Линии, линейное казачество изначально вошло в состав регулярной армии в качестве подвижной кавалерии и постоянно осуществляло совместные

боевые операции, тем более, что старших офицеров в казачьих полках назначали обычно из армейских чинов, служивших в кавказской армии. Литография Д. Россова «Взятие горского укрепления русскими войсками» (1858) демонстрирует еще один пример боевого содружества. Укрепление на вершине горы кажется надёжно защищённым каменными стенами. Внимание художника сосредоточено на переднем плане, на гуще русских войск. Именно отсюда ведётся артиллерийский обстрел, в подзорную трубу наблюдают командиры за ходом сражения. Здесь же гарцуют на лошадях и бравые линейцы.

Литография «Пленение казака с женою» (1840-е гг.) изображает один из нередких на Линии случаев пленения казачьей семьи. Жители линейных станиц постоянно подвергались опасности нападения со стороны горцев, особенно работая в поле, выезжая за пределы станицы. Пленённых казаков либо выкупали, либо обменивали, случались и побеги из неволи. Фигура казака на литографии полна сдержанного достоинства, угрюмо шагает он по каменистой тропе, весь в думах о судьбе своей и жены, ведь молодую, привлекательную женщину вполне могли продать в Турцию или другую ближневосточную страну. О судьбе пленных любопытно свидетельство очевидца тех событий поляка Т. Лапинского. «Казаки, попадающие в плен к адыгам, часто тоже выкупаются своими семьями за высокую цену; напротив, военнопленный линейный солдат имеет мало надежды увидеть свой полк. ...Больше всего достойны сожаления бедные женщины и дети черноморских казаков и поселенцев, которые похищаются адыгами. Здоровая женщина, которая может ещё рожать детей, освобождается только за большой выкуп, и так как абазы знают, что русские женщины во многих домашних работах искуснее, а также работоспособнее, чем их собственные, то они не очень спешат с их продажей» (Лапинский Т. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Нальчик, 1995).

На литографиях А. Пржецлавского «Кубанская кордонная линия. Тревога на посту» и «Казачий разъезд на Кубанской кордонной линии» изображены казачьи пикеты – сторожевые вышки, шалаши, обнесенные плетнем. Отсюда велось наблюдение за границей, и в случае тревоги поджигались смоляные бочки – т.н. «фигуры». Это длинные жерди, установленные недалеко от поста, вблизи вышки, обвитые сеном, соломой, пенькой или паклей и политые нефтью; на самой вершине этих шестов привязывается куль или укрепляется небольшая кадка, наполненная также пенькой с нефтью (Походные записки на Кавказе с 1835 по 1842 г. М.Ф.Федорова // Кавказский сборник. Тифлис, 1879. Т. III. С. 32). После получения сигнала нарочные должны были оповестить население и военные силы об опасности. Высокие шапки изображённых на этих литографиях казаков несколько напоминают мерлушковые шапки черноморцев, но мы вполне допускаем бытование таких головных уборов и на Линии. Акварели швейцарского художника И. Мейера «Лагерь» и «Сражение», выполненные художником с натуры в 1843 г., посвящены походу генерала В.О. Гурко во главе отряда 14 – 15 июня в районе нынешней ст. Преградной на Урупе (Махлевич Я.Л. «И Эльборус на юге...» М., 1991).

На акварели «Лагерь» среди солдат Житомирского егерского и Тенгинского пехотного полков гарцуют на лошадях, стоят возле орудий казаки в темно-синих черкесах с алыми газырями, алыми бешметами и верхами мохнатых шапок. Эта форма была присвоена Кавказскому линейному казачьему полку, что подтверждает участие линейцев в закубанском походе 1843 г. в составе регулярной армии.

Рассматривая повседневный быт кубанского казачества 60-х гг. XIX в. можно сделать некоторые выводы. По внешнему облику, отдельным моментам сторожевой службы, отражёнными многими, часто неизвестными художниками, линейцы были ближе к горцам, нежели черноморцы (исключение, пожалуй, составляют пластунские отряды). Эту разницу между казаками в своё время отмечал еще Ф.А. Щербина, когда писал, что по роду оружия и приёмам борьбы линейец стоял ближе к черкесу, чем черноморец. Он же говорил о более враждебных отношениях между горцами и линейцами: «Черноморец был миролюбивее по натуре и относился к врагу легче и гуманнее, чем линейец. Иными были отношения линейцев к горцам. Они чаще и более резко, чем у черноморцев, переходили во взаимную вражду и ненависть» (Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1910. Т. 2. С. 825 – 826). Эта особенность была вызвана и обстоятельствами появления линейцев на Кубани, и географически более тесным и близким соседством с враждебными племенами. Известно также, что эта часть казачества отличалась наиболее сильной и развитой по сравнению с черноморцами кавалерией, которая позволяла успешно противостоять горским набегам. В этой связи можно отметить тот факт, что на большинстве рисунков линейцы изображены вместе с лошадьми – конными или спешившимися.

Для современного исследователя интересно сравнить изображения казаков и горцев. На первый взгляд их практически нельзя различить. Судя по рисункам, казаки брили голову или носили очень короткую стрижку, практически все отпускали бороду, что можно объяснить и горской модой, и старообрядческой традицией. Головным убором служили высокие папахи, которые предохраняли владельца не только от жары, но и от удара шашкой. Верхняя одежда была точной копией горской, и даже в мелочах повторяла тогдашнюю мужскую моду – «черкеска рваная и грязная, с оборванными полами, зато все оружие в серебре». Кроме неё казаки носили бешмет, широкие шаровары, ноговицы с чувяками, башлык и бурку. Оружие линейных казаков состояло из длинной кремневой «пластырной» винтовки, с узким прикладом и кнопочным спуском, заряжавшейся пулей в сальной тряпочке, которую носили в чехле за спиной, 1 – 2-х кремневых пистолетов «черкесской работы», к которым прикреплялись цветные шейные шнуры, чтобы не потерять оружие в бою; шашка в глубоких ножнах на плечевой портупее; кинжал с подкинжальным ножичком. Обязательными принадлежностями казака были нагайка, узкий наборный пояс с оселком, отверткой, «жирницей», кресалом и запасными кремнями, а также нашитые на черкеску 20 и более газырей с зарядами, для винтовки и пистолетов. Часть рисунков изображает казаков верхом на своих лошадях – небольших, с обрезанной гривой, с лёгкими черкесскими сёдлами, с завязанными в узел хвостами и без подков. Интересна особая «казацкая посадка» на лошади, отличавшаяся от традиционной русской кавалерийской.

О.Б. Емельянов

Несколько свидетельств об участии казачества Терского левобережья в ратных делах на Северо-Западном Кавказе в начале 60-х гг. XIX века

Многолетняя нестабильная военно-политическая обстановка на значительной территории Северного Кавказа потребовала от линейного казачества мобилизации всех сил. Невосполнимые потери, которые несли иррегулярные полки в течение нескольких десятилетий в кровопролитных сражениях, вынуждали Российское правительство неоднократно возвращать в строй ветеранов прошедших битв, отслуживших положенные сроки, пополнять поредевшие сотни жителями ближайших государственных селений, переселенцами из внутренних губерний страны, отправлять на службу юношей не всегда достигших 20-летнего призывного возраста и др. (Российский государственный военно-исторический архив /РГВИА/. Ф. ВУА. Д.18504. ЛЛ.12 – 12 об.; Государственный архив Ставропольского края /ГАСК/. Ф.1300. Оп.1. Д.608. Л.7 – 7 об.; Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания /ЦГА РСО-А/. Ф.3. Оп.1. Д.58. Л.10 об.; ЦГА РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д.63. Л.8 об., 9 об. – 10; ЦГА РСО-А. Ф.3. Оп.1. Д.69. Л.73 об., 74 об.). Позднее, после окончания основных боевых операций на Северо-Восточном Кавказе, многие из тех казаков, кто находился «во время минувшей войны на полевой службе более положенных сроков», были особо отмечены Военным министерством и приказом от 23 июля 1861 года за № 57 были награждены «серебряными медалями с надписью “За усердие”, для ношения в петлицах на Анненской ленте» (ЦГА РСО-А. Ф.16. Оп.1. Д.62. Л.75 об. – 76 об.).

Вместе с тем, несмотря на сложившееся мнение, далеко не для всех станичников левого фланга Кавказской линии боевые невзгоды завершились с пленением имама Шамиля в августе 1859 года. Служащие Кизлярского, Гребенского и Моздокского казачьих полков не только продолжали охранять сложившуюся в годы войны кордонную линию, но и принимать непосредственное участие в подавлении последних очагов сопротивления разрозненных шаек, не желавших наступления мирной жизни, а также в «усмирении восстания в Ичкерии и Аргунском округе» весной 1861 года. (ЦГА РСО-А. Ф.16. Оп.1 Д.162. Л.3 об. – 5 об., 76). Более того, по решению военного командования было сформировано сводное подразделение из нескольких сотен терских казаков для продолжения ратной службы на Северо-Западном Кавказе, что и нашло свое отражение в скупых строках канцелярии наказного атамана Х.Е.Попандопуло.

Отдельным приказом по Терскому казачьему войску за № 31 от 20 апреля 1861 года гребенский урядник из станицы Червлённой, ранее уже награжденный орденом “Святого Георгия Победоносца”, Парфентий Кулебякин (в скором времени офицер гвардейского подразделения, получивший тяжёлое ранение при покушении на Александра II, после чего оставил военную службу) был отмечен знаком отличия “Военного ордена” под № 29 «за отличия, оказанные в делах с

горцами в Шапсугском и Адагумском отрядах летом 1860 года в Кубанской Области». (ЦГА РСО-А. Ф.16. Оп.1. Д.62. Л.44).

На следующий год боевая служба казаков старейших полков Северного Кавказа продолжилась. В «Приказной книге по Терскому казачьему войску за 1862 год» под № 16 от 28 января хорунжий Гребенского полка Юлий Пережогин получил орден «Святой Анны» 4-й степени с надписью «За храбрость», который в числе прочих отличился «...в делах против горцев во время зимних действий Шапсугского отряда в 1860 и 1861 годах». (ЦГА РСО-А. Ф.16. Оп.1 Д.162. Л.14 об.).

Для поддержания должной боеспособности терских сотен, помимо вручения боевых орденов, нижние чины в качестве поощрения получали и следующие воинские звания. «В приказе по войскам Терской области от 26 сентября объявлено... Гребенского полка приказные Архип Зайцев и Семён Мицкевич, казак Ивлий Казберов..., за отличия в делах с мятежными горцами в зимнюю экспедицию 1861 года и за труды, понесённые ими в течение этой экспедиции... произведены господином Командующим войсками этой области в урядники». В Моздокском полку приказом от 14 мая за № 81 Петр Атарщиков и Иван Бычков были произведены в приказные, Иван Негоднов, Петр Клишин и Емельян Лосев стали урядниками, а приказом от 19 декабря за № 242 приказной Михаил Бычков получил заслуженные нашивки урядника. (ЦГА РСО-А. Ф.16. Оп.1 Д.162. Л.46 об, 94 об., 116 об.). К сожалению, из контекста обнаруженного архивного документа не совсем ясно, где и в каких именно боевых операциях принимали участие отмеченные казаки, но признание их ратных заслуг военным командованием позволяет и нам вписать их достойные имена в славную летопись северокавказского казачества.

Однако не для всех служащих казаков с Терского левобережья направленных на Северо-Западный Кавказ все складывалось благополучно. Так, отобранный для весьма почётной службы в Собственном Его Императорском Величества конвое трубач Стефан Зубков из Кизлярского полка в июле 1863 года находился «по собственному желанию» в составе «вновь сформированного Сборного Терского полка» в Кубанской Области, где должен был получить «знак отличия за военные дела», после чего отправиться в Санкт-Петербург. Однако судьба распорядилась иначе, и уже в ноябре 23-летний казак находился за сотни километров от места прикомандирования в лазарете своего полка. Из представленного документа не понятно, что так быстро подкосило здоровье молодого парня, но в апреле следующего года он был срочно заменён «по случаю продолжительной болезни... и не способным к строевой Гвардейской службе». (ЦГА РСО-А. Ф.16. Оп.1 Д.58. Л.56, 132, 240.).

Вместе с тем, в апреле 1863 года началось следствие в отношении есаула Кизлярского полка по факту угона горцами стада баранов из окрестностей аула Армавир. За допущенные нарушения по кордонной службе, несмотря на многочисленные былые заслуги, Матвея Алпатова отправили в крепость Кизляр «для содержания в каземате». Была произведена подробная опись скромного имущества, которое, начиная от 15-рублевого деревянного домика «длиною в 3 сажени, шириною в 1,5 сажени об одной комнаты с сенцами и с камышовой крышей» в станице Бороздинской и заканчивая «старым топором», оцененного в 10 копеек, составило всего 55 рублей 22,5 копейки, то есть немногим более стоимости строевого казачьего коня. Было решено освободить заслуженного боевого офицера «только от денежного взыскания во внимание к бедному состоянию его», но все-таки в качестве наказания, отправить его «на год на передовые позиции». (ЦГА РСО-А. Ф.16. Д.568. Л. 9, 19 – 20 об., 60).

Таким образом, обнаруженные отрывочные сведения позволяют прийти к заключению, что вооруженные стычки с немирными горцами для казачьих подразделений Терского левобережья не закончились в конце 50-х годах XIX века, а продолжались еще несколько последующих лет. Причём не только в зоне ответственности Кизлярского, Гребенского и Моздокского полков, но и далеко за пределами, в том числе на территории Северо-Западного Кавказа. Многие казаки-терцы помогали своим кубанским собратьям приблизить наступление мирной жизни. При этом особо отличившиеся в сражениях станичники, как и прежде, удостоивались высоких правительственных наград и быстрее продвигались по служебной лестнице. Однако в случае упущения по службе, виновные, несмотря на высокие звания и прошлые отличия, строго наказывались. Судя по всему, терские сотни несли невосполнимые людские потери, ещё более трагичные в условиях недалёкого замирения края, но позволившие более чем на полвека принести спокойствие и экономическое процветание южному региону России.

Варшавский дивизион: Из истории службы линейцев в Царстве Польском

В историческом прошлом кубанского казачества особое место занимает служба казаков Кубани в Царстве Польском, полуавтономном образовании в составе Российской империи. Пребывание здесь казаков было связано с обеспечением русского господства в Польше, основные территории которой вошли в состав России в 1815 г. В 1830 г. польская шляхта подняла здесь восстание, для подавления которого были стянуты крупные силы русской армии. От станиц Линейного казачьего войска был выставлен Сборно-Линейный полк, специально и в спешном порядке созданный по случаю вспыхнувшей таким образом русско-польской войны.

Период от завершения русско-польской войны 1831 г. до начала Первой мировой войны отмечен довольно активной умирительной и др. деятельностью казаков Кубани в Польше. В это время служба их эпизодически протекала в пределах не только Царства Польского, но и в западных губерниях. Однако лишь в польских землях кубанцы были представлены постоянно действующей частью. Она путем эволюции образовалась из Сборно-Линейного полка. Наиболее известна эта часть под названием «Варшавского дивизиона», хотя официально она именовалась иначе (на разных этапах – по-разному). В виде и под названием Сборно-Линейного полка часть существовала до июля 1842 г. Затем Сборно-Линейный полк был приведен в двухсотенный состав, и вместе с двухсотенным дивизионом кавказских горцев (Кавказско-Горский дивизион) вошел в Кавказский Сводно-Иррегулярный полк (Казачьи войска. Хроника. Б. М., 1992. С. 122).

В феврале 1845 г., в связи с утверждением положения о Кавказском линейном казачьем войске, был определен штат «Кавказского линейного казачьего дивизиона в составе Кавказского Сводно-Иррегулярного полка», «находящегося при 1-й армии». Согласно положению, определялся следующий его штат: 1 штаб-офицер (войсковой старшина – командир дивизиона), 2 есаула, 2 сотника, 2 хорунжих, 8 старших урядников, 8 младших урядников, 16 приказных, 250 казаков, 3 нестроевых. Всего – 292 человека (Полное собрание законов Российской империи [далее – ПСЗ]. Собр. 2. Т. XX. (1845 г.). Отд. 2. СПб., 1846. Ст. 18739. Прилож. VIII). Нижние чины назначались в равном количестве от всех кавказских линейных казачьих полков. Состав дивизиона сменялся в Варшаве через каждые три года, причём смена нижних чинов производилась в полном, а офицеров в половинном составе. Смена выступала с Кавказа в середине июня, а сменяемые части отправлялись из Варшавы в октябре (ПСЗ. Отд. 1 СПб., 1846. Ст. 18739; см. также Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГАРСО-А).Ф. 2. Оп. 1. Д. 135. Л. 158).

В августе 1856 г. Кавказско-Горский дивизион был упразднён, а полк переформирован в Сводно-Иррегулярный дивизион в составе двух сотен линейцев. После этого, по штатному положению, в Сводно-Иррегулярном дивизионе в 1858 г. было: 1 штаб-офицер, 5 обер-офицеров и 285 нижних чинов (ЦГАРСО-А. Ф. 16. Оп. 1. Д. 89. Л. 62).

После образования Кубанского казачьего войска в 1860 г. дивизион стал комплектоваться исключительно кубанцами (терцы были освобождены от этой обязанности). Соответственно изменилось название части: сначала – Кубанский казачий дивизион при 1-й армии, а с августа 1870 г. – Кубанский казачий дивизион. Штатный же состав части остался без изменений (ПСЗ. Собр. 2. Т. XXXV (1860 г.). СПб., 1862. Ст. 36327; ПСЗ. Собр. 2. Т. XIX (1870 г.). СПб., 1874. Ст. 48607).

Служба полка, а затем дивизиона линейцев в Варшаве имела много общего со службой гвардейцев. Хотя формально часть не считалась гвардейской, но при этом она находилась в личном распоряжении командующего 1-й армией, а затем командующего войсками Варшавского военного округа и наместника (Военный состав и служебная деятельность Кубанского казачьего войска за 1911 год. Екатеринодар, 1912. С. 6).

В качестве конвоя верховного представителя русской власти в Царстве Польском часть пребывала в продолжении более восьмидесяти лет, вплоть до Первой мировой войны. Начало этому было положено графом (с 1831 г. – также князем Варшавским) Иваном Федоровичем Паскевичем-Эриванским, умирителем польского мятежа 1830 г. и наместником Царства Польского. Не случайно после возведения в 1870 г. в Варшаве памятника Паскевичу охранять его было поручено дивизиону (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Л. 11,13). Собственно, Паскевич не только инициировал постоянное квартирование Сборно-Линейного полка в Варшаве, но и приложил немало сил к превращению его в часть достойную фактического статуса гвардейской. Ведь еще в 1833 г., по сообщению Паскевича, полк состоял «из людей большею частью молодых, поступивших недавно на

службу и неопытных, частью же невидных собою и даже неодобрительной нравственности» (цит. по: Петин С. Собственный Его Императорского Величества Конвой. СПб., 1899. С. 86). Тем не менее со временем ситуация меняется в лучшую сторону. Дисциплина и боевая подготовка казаков непрерывно улучшаются. Это видно из отчётов о ежегодно проводившихся в районе польского города Калиша (во время летних лагерей) смотрах и манёврах (РГВИА. Ф. 14014. Оп. 3. Д. 1. Л. 2; ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 2. Л. 120; ЦГАРСО-А. Ф. 97. Оп. 1. Д. 38. Л. 466-467). А уже спустя четыре десятилетия, в 1874 г., в июне, когда дивизион совместно с 19-м, 21-м и 25-м донскими полками блестяще проявил себя на манёврах, император Александр II, прямо во время учений, сказал находившемуся рядом походному атаману казачьих полков Варшавского военного округа генерал-лейтенанту Фомину: «Казачья отлична! Любо глядеть! И замечь, всегда это каждый год я тебе говорю» (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 19. Л. 78 об). Постоянным же местом расположения линейцев в Варшаве скоро становится т.н. Замок, являвшийся резиденцией наместников Царства Польского (РГВИА. Ф. 484. Оп. 1. Д. 2. Л. 30).

Однако охрана резиденции и персоны наместника составляла лишь часть обязанностей дивизиона. Важное значение имело также пребывание в конвое высоких лиц, прибывавших в Варшаву. Например, 30 января 1874 г. по случаю приезда в польскую столицу австрийского императора командир дивизиона получил из окружного штаба приказ, согласно которому должна быть «наряжена от дивизиона команда конных казаков: 21 казака и 4 урядников при 2 обер-офицерах для сопровождения багажа Его Величества», а также персональный конвой (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 18. Л. 5). Затем, 7 апреля того же года подобным приказом назначался конвой от дивизиона, который должен был находиться неотлучно при великой княгине Александре Иосифовне (Там же. Л. 21 и об). Такой же конвой назначался 11 июня 1874 г., когда в Варшаву прибывал великий князь Константин Николаевич, а 14 числа того же июня месяца для самого Александра II (Там же. Л. 65, 74). Последнего казаки дивизиона сопровождали и ранее, в 1868 г. (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 7. Л. 93), и позже, в 1879 г. (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 28. Л. 23). То есть функции дивизиона имели особенности, явно уподоблявшие его не просто гвардии, но лейб-гвардии. Действительно, своего рода обмен кадрами Сборно-Линейного полка, а затем дивизиона, с собственно царским конвоем, набиравшимся из линейцев, имел место на протяжении всего времени существования части. Еще в 1832 г., когда в составе С. Е. И. В. конвоя была образована команда линейных казаков (из 33 человек), её основу составили отличившиеся в русско-польской войне 1831 г. казаки Сборно-Линейного полка (ГАКК. Ф. 332. Оп. 1. Д. 10. Л. 114). Туда, например, из Кавказско-Горского полуэскадрона (в 1831 г. входил в Сборно-Линейный полк) зачислили урядников Рассветаева и братьев Нефёдовых (Петин С. Указ. соч. С. 80). Однако, в августе 1833 г. 9 человек первой льготной смены команды гвардейских линейцев были отправлены в Варшаву в Сборно-Линейный полк, с тем, чтобы их заменили казаки этого полка (Петин С. Указ. соч. С. 86).

Таким образом, Сборно-Линейный полк поначалу был как бы резервом для линейцев-гвардейцев (т.е. «конвойцев»). Причём, зачисление в гвардию имело для казаков полка характер поощрения. Так, в январе 1847 г. 8 казаков во главе с есаулом Давыдовым конвоировали из Варшавы в Петербург тело умершей великой княгини Марии Михайловны. По прибытии в столицу казаки были произведены в урядники и определены в собственный конвой великого князя Михаила Павловича, с зачислением сверх комплекта в команду гвардейских линейных казаков (Петин С. Указ. соч. С. 124). В то же время служба в самом Сборно-Линейном полку открывала перспективы карьерного роста для служивших в нём казаков.

В формулярах офицеров полка мы встречаем указания на связь быстрого продвижения в чинах со службой в данной части. Например, послужной список есаула 1-го Хоперского полка Дмитрия Расторгуева (за 1858 г.) сообщает, что тот с июня 1843 по ноябрь 1851 г. служил в «Кавказском линейном казачьем дивизионе» (так в документе. – 3.3., С.Т.) и успел за это время подняться от казака до хорунжего, не участвуя в боевых действиях (РГВИА. Ф. 1058. Оп. 2. Д. 1635. Л. 42 об., 43).

Наконец, в 1881 г. дивизион (в это время он назывался уже Кубанским казачьим дивизионом) был даже переведен в Петербург «для усиления конвоя» (Столетие Военного министерства. Т. 11, ч. 2, СПб., 1907). С.Петин пишет: «Из Варшавы кубанцы пришли под начальством своего командира полковника Есаулова 29 апреля и в тот же день участвовали на репетиции майского парада». При этом казаки проявили такое мастерство, что великий князь Михаил Николаевич с удовольствием заметил: «Это могут сделать только казаки» (Петин С. Указ. соч. С. 236 – 237). В столице дивизион находился около полутора лет, выполняя обязанности лейб-гвардейской части (ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д. 30. Л. 131), после чего был вновь возвращён в Варшаву

(ГАКК. Ф. 401. Оп. 1. Д.31. Л.1).

Выполняя обязанности по обеспечению деятельности центральной власти в Царстве Польском, дивизион выступал в качестве достаточно значимой силы. Специфическая служба выковывала из кубанцев настоящих гвардейцев. Однако вплоть до 1861 г. функции кубанских казаков в Польше, как видно, не предполагали активного участия в полицейских мероприятиях русских властей против местного революционного и повстанческого движения. С 1831 по 1861 г. включение дивизиона в систему мер, направленных против польских национально-освободительных сил, имело место лишь в 1849 г. (в ликвидации Краковской республики в 1846 г. дивизион не участвовал). Что касается участия дивизиона в подавлении польского мятежа 1863 г., то это отдельная довольно обширная тема, рассмотрение которой одним из авторов данной статьи уже предпринималось (Телепень С.В. 1861 – 1865 гг. в Царстве Польском: манифестации, восстание и кубанские казаки // Вопросы северокавказской истории. Сборник научных статей аспирантов и соискателей. Вып. II. Армавир, 1997. С.47 – 54).

С.Г.Немченко

**К истории Рождество-Богородицкой церкви
в станице Отрадной
(по материалам клировой ведомости за 1914 г.)**

Здание Рождество-Богородицкой церкви (бывшая Покровская) построили в станице Отрадной одним из первых, за счёт приходских средств и силами прихожан, в 1858 году. Первоначально небольшая Покровская церковь было деревянной, без колокольни. После пожара, в 1866 году, на субсидии Кубанского казачьего войска и пожертвования прихожан церковь была перестроена и переосвящена во имя праздника Рождества Пресвятой Богородицы. На ремонт и переустройство церкви из войсковых сумм было выделено 9000 руб., отраденские прихожане со своей стороны собрали 3800 руб. Теперь здание храма хотя и оставалось деревянным, покоилось на каменном фундаменте вместе с колокольней, которая находилась «в связи» с основным строением; церковь и колокольня были покрыты железом, а вокруг церкви возведена каменная ограда. Престол храма освятили 12 сентября 1866 г. На средства, пожертвованные священником Максимом Сапежко, в 1894 г. был заменён старый разбитый колокол; вместо него станичники приобрели новый – в память об избавлении императора Николая II от болезни, постигшей его в январе 1894 г., о чём и была сделана надпись на самом колоколе. Число прихожан почти за полвека умножилось; в церкви первоначально было два престола: главный – в честь Рождества Пресвятой Богородицы, и придельный алтарь – в честь Сретения Господня, который был устроен в 1900 г. Церковной утвари, согласно клировой ведомости, было достаточно, но к началу XX в. она уже изрядно изнашивалась и обветшала, поскольку многие предметы и принадлежности были приобретены ещё в 1859 г. По штату при церкви полагалось иметь два священника, диакона и два псаломщика. Первый штат был открыт в июле 1858-го, второй – в июне 1892 года. Протоиерей получал в 1914 г. содержание в сумме 200 рублей 70 коп. в год из войсковых сумм Кубанского войска, что примерно составляло менее среднегодовой заработной платы рядового петербургского или московского рабочего. Для сравнения укажем, что фунт (400 г.) «железной» копчёной колбасы стоил 35 копеек, а связка баранок – гривенник; минимальный прожиточный минимум на одного человека составлял примерно 10 рублей. Войсковое содержание священника (в денежном исчислении) на Кубани не увеличивалось с 1860-х годов. Священнику содержать семью помогал только кружечный сбор. Кружечные доходы церкви за 1914 год составили – 3980 рублей 71 копеек; при этом, приходской священник жалования от казны и общества не получал, но из братской кружки ему полагалось 30 копеек с рубля; за 1914 год о.Максиму было выделено приходской общиной 1184 руб. 21 коп. Единственным материальным источником к содержанию причта являлся земельный участок в количестве 150 десятин. Участок находился в 5 верстах от станицы и был отведён станичным обществом в 1908 году, вопреки желанию причта и взамен прежнего участка в 198 десятин. Земля эта оказалась неудобна для хлебопашества, поэтому сдавалась в аренду всем желающим станичникам по 6 руб. за десятину в год. Часть земли, оставшаяся при церкви, на которой находились и церковные постройки вместе с погостом, составляла 5 десятин.

По инициативе и на средства отраденского протоиерея Максима Сапежко на общественной земле были возведены два деревянных здания: для мужской и женской церковно-

приходских школ, которые затем были подарены Ставропольскому епархиальному училищному совету. При церкви Рождество-Богородицкой церкви исправно велась вся необходимая церковная документация: копии метрических книг и исповедные росписи хранились с 1859 года, опись церковного имущества была заведена в 1875 году. В двух церковно-приходских школах обучалось в 1914 г. 67 мальчиков и 35 девочек. Церковная библиотека насчитывала 200 томов богослужебной и духовно-нравственной литературы. Последним церковным старостой за год до начала Первой мировой войны был избран урядник Спиридон Резников, пребывавший в этой должности с 19 сентября 1913 г.

Бессменным приходским священником в станице Отрадной был на протяжении полувека протоиерей о.Максим (Иоаннович) Сапежко – личность уникальная, священник, снискавший себе славу истинно народного пастыря, неустанно заботившегося не только о духовном окормлении отраденских станичников в мирное и военное время, но и о просвещении подрастающего казачьего поколения. Вот несколько штрихов к его биографии.

Родился Максим Иоаннович Сапежко в 1829 году в семье письмоводителя Витебского духовного правления, т.е. происходил из семьи духовного звания. Окончив полный курс богословских наук в Могилевской духовной семинарии, он со степенью студента в 1853 г. был уволен в Епархиальное ведомство, где по собственному прошению к обер-священнику отдельного Кавказского корпуса протоиерею Михайловскому назначается на священническое место в станицу Чамлыкскую Кубанской области. Продвижение бывшего семинариста по ступеням духовного служения началось стремительно: Преосвященный Анатолий, архиепископ Могилевский и Мстиславский, рукоположил его в сан диакона 11 июля, а уже 12 июля 1854 г. в сан священника в Николаевской церкви станицы Чамлыкской. После четырех лет службы в Чамлыкской о.Максим «по собственному прошению» был переведен 12 августа 1858 г. на новое священническое место в станицу Отрадную.

Здесь, в отраденских предгорьях, начался долголетний духовный подвиг пастыря: результаты его многотрудной и плодотворной деятельности фиксируются различными наградами и поощрениями, лаконичные сведения о которых сохранились в послужном списке. За год до перевода в Отрадную, в 1857 г., о. Максим был награжден наперсным крестом на Владимирской ленте и такую же медалью на Андреевской ленте в память Крымской (как тогда говорили, «англо-французской войны») 1853 – 1856 гг. В нелёгкие годы Кавказской войны, в которой урупские линейцы принимали самое активное участие, о.Максим в походах и сражениях не участвовал, но «по поручению начальника Урупской кордонной линии исполнял все христианские требы при населении станиц Урупской линии и в Малотегинском отряде, подвергая во всё это время свою жизнь опасности, вследствие неприязненных действий со стороны непокорных горцев». За безупречную пастырскую службу в военных условиях 15 октября 1871 года о.Максим, по представлению начальника Урупской кордонной линии полковника Семенкина и с соизволения епархиального начальства, получает бронзовый вызолоченный крест, установленный за службу на Кавказе в 1854 – 1864 годах.

Старательного и ответственного священника замечает как главный священник Кавказской армии, так и епархиальное начальство: о.Максим Сапежко «за отлично-усердную и полезную службу» в течение многих лет был награждён Священным Синодом набедренником (1862), удостоен благословения (1864), «высочайше» награждён бархатною фиолетового цвета скуфьёю (1866), такого же цвета камилавкою (1871), наперсным крестом (1880), орденом Св. Владимира IV степени (1903), «высочайше награждён палицею» (1910), орденом Св. Владимира III степени (6 мая 1914 г.).

Отраденский пастырь пользовался заслуженным авторитетом и глубоким уважением священнослужителей ближних и дальних станичных приходов. С 18 августа 1860 г. отец Максим был назначен исправлять должность благочинного церквей и духовенства 5-й бригады ККВ, а 15 мая 1864 г. был утвержден в должности благочинного. С 30 января 1873 г. о.Максим Сапежко был утвержден в должности благочинного X благочиннического округа Преосвященным Германом; по истечении положенного срока исполнения обязанностей, он был оставлен по просьбе духовенства на новый пятилетний срок, и лишь уступая личной просьбе о.Максима, который по немощи не мог уже нести на себе обязанности по окормлению большого округа, Преосвященный Агафодор уволил его от должности «с объявлением благодарности» за долголетнюю и беспорочную службу. 2 февраля 1874 г. священник Максим Сапежко был «высочайше сопричислен к ордену Святой Анны III степени за двенадцатилетнюю беспорочную благочинническую службу». Преосвященный Агафодор возвёл его в сан протоиерея в 1897 г.

С 26 августа 1859 г. по 1888 г. отец Максим непрерывно исполнял должность законоучителя в министерских школах, а с 1889 по 1895 год преподавал только в одном женском училище; в 1895 г. он принял эту должность в одноклассной церковно-приходской школе, однако по состоянию здоровья в 1897 г. о. Максим ушёл из женской школы, оставив за собой должность законоучителя в мужских и женских классах церковно-приходской школы. Затем он был вынужден вновь сократить учебную нагрузку, оставив за собой преподавание (с 1896 г.) только в женской церковно-приходской школе, в которой контингент учащихся не превышал 30 человек. 24 апреля 1889 г. по представлению Директора народных училищ Кубанской области «за отлично-усердное и безвозмездное преподавание Закона Божия в народной школе» отец Максим был «высочайше награждён» орденом Святой Анны II степени. Вероятно, свою деятельность на школьном поприще он не оставил, о чём говорит награждение о. Максима Библией «за ревностное наставление детей школьных в вере и благочестии» от имени Священного Синода (1904). Даже начало Первой мировой войны не изменило жизненных правил протоиерея Максима Сапежко: несмотря на свои 85 лет, он вошёл в класс учителем Закона Божьего в «первоначальном» казачьем училище 1 октября 1914 года. Как отмечалось в его послужном списке, он всегда «состоял в штатном месте».

К моменту составления клировой ведомости о. Максим был уже давно вдов. Его супруга Лидия Ивановна (р. 1836 г.) родила ему сына Ивана, первенца, 2 сентября 1855 г. Иван в свои 59 лет ещё служил в Царском Селе. Второй сын, Пётр, родился 13 июня 1865 г., тоже служил, и с семьей жил в Кагезмане Карской области. К сыну Петру отец Максим ездил дважды: первый раз – в 1893 г., в Батум, а затем, второй раз – в 1911 г., когда сына перевели по службе в Кагезман. Последней в семье священника родилась дочь Татьяна (9 января 1868 г.), оставшаяся девицей и находившаяся при отце. Мать отраденского священника Евдокия Фоминична была уже вдовой в 1859 г. О ней известно, что она родилась в 1811 г., накануне нашествия Наполеона на Россию, и её семья должна была испытать все тяготы Отечественной войны 1812 г., прокатившейся через белорусские земли. Родной дядя о. Максима Сапежко был приходским просфорником.

Об отношениях казаков-отраденцев и настоятеля Рождество-Богородицкой церкви красноречиво говорит прошение станичников, которые во время русско-турецкой войны 1877 – 1878 гг. решили почтить о. Максима по случаю его бессменного двадцатилетнего служения иконой с образом св. Максима Исповедника и обратились за благословением к епископу. Приводим этот любопытный документ полностью.

*Его Преосвященству Преосвященному
Герману, Епископу Кавказскому
и Екатеринодарскому и Кавалеру
Общества жителей ст. Отрадной*

ПОКОРНЕЙШЕЕ ПРОШЕНИЕ

С мая месяца 1857 года получила начало существования наша станица. 29 август 1858 года прибыл в станицу нашу назначенный Главным священником Кавказской армии, первый приходской священник наш, отец Максим Иоаннов Сапежко, священнодействующий у нас, по милости Божией, и подчас (по настоящее время). Прожив с ним около 20 лет, мы, духовные его дети, как в домашней жизни его, так и в служебной (в храме Божиим при Богослужении и в делах наших при исполнении христианских треб) – всегда видели и видим в нем пастыря деятельного, исполнительного, рачительного о благолепии храма Божия и обходительного с каждым; видим неутомимую его ревность о спасении душ наших чрез постоянное проповедание слова Божия в храме, и разъяснении его в домах, при каждом удобном к тому случае; видим к величайшему душевному утешению, искреннюю его готовность подать каждому из нас благой совет в нужде нашей, в особенности всегда услаждаемся чистосердечною благоговейною его службою в храме Божиим, совершаемою им неопустительно каждый Воскресный и Праздничный день, в узаконенное время.

В настоящую пору, когда у каждого из нас служит на поле брани за Веру Святую, Царя и Отечество и проливает кровь свою – сын, брат или ближний какой другой, либо родственник, и когда каждый из них и из нас, всего более, желает и нуждается в молитве к Отцу Небесному о сохранении жизни их и о даровании им сил победить врага Христианства, посягающего на спокойствие дорогого нашего Отечества, мы не в состоянии достойно оценить неподдельные и безкорыстные труды нашего духовного наставника и совершителя Тайн Христовых, обнаруженные им в самой задушевной молитве о благоденствии детей и сродников наших и всех вообще

христоролюбивых воинов, подвигающихся за Веру, Царя и Отечество, – а также и о блаженном упокоении тех, которые, исполняя этот святой долг, уже обагрили кровью своею поле брани и положили там свою жизнь с верою и упованием.

Чтобы фактически выразить нашу полную признательность своему приходскому пастырю, отцу М. Сапезко, и тем хоть несколько воздать заслуженное им, – мы поставляем себе долгом святым, во-первых, все вышеизложенное повергнуть на Архипастырское благоусмотрение Вашего Преосвященства; во-вторых, дарим ему в вечное потомственное владение всю усадьбу, на которой он в настоящее время жительствоует, и которая отведена ему по распоряжению начальства, в количестве двух казачьих поместьев или одного обер-офицерского; в-третьих, благопокорнейше просим у Вас милостивейшего разрешения и благословения заказать на собственные наши средства, икону Исповедника Максима (празднуется 13 августа) с изображением над ним Покрова Царицы Небесной и поднести ее духовному нашему отцу в день его Ангела, 13 августа 1878 года, как залог непритворной нашей к нем у сыновней любви, и во знак постоянной нашей молитвы к Исповеднику Максиму об укреплении сил нашего пастыря и благопопечении его на пути к истине и добру.

Как чада Православные Кафолической Христовой церкви мы уповаем, что Небесная Царица и заступница рода Христианского, по молитвам и предстательству упомянутого Святого, – покроет нашего духовного отца и нас всех от всякого зла честным своим омофором и уверены, что пастырь наш (отец Максим) чрез Святой от нас ему дар, еще теснее соединится с нами союзом любви, заповеданной всем нам Святейшим Исккупителем нашим, и усугубит ходатайственный пред Богом труд свой о спасении душ наших, просвещая нас словом истины.

Льстим себя надеждой, что Ваше Преосвященство, как Архипастырь наш и отец, осчастливит нас и любимого нами пастыря нашего, своим Святительским соизволением на осуществление задуманного нами и представляемого на благоусмотрение Ваше дела, относящегося к чести и награде Духовного отца нашего, который составляет и нашу честь еще и потому, что проходит бессменно.

К сему прошению подписуемся:

Войсковой старшина *Саньков*

Сотник *Василий Куксов*

Отставной сотник *Беседин*

Урядники и казаки грамотные: *Иван Мальцев, Егор Белоусов, Никифор Крыгин,*

Андрей Посевин, Петр Бородин, приказный Григорий Мальцев

[несколько фамилий расшифровать не удалось. – С.Н.]

Кроме подписавшихся в сем прошении числа грамотных лиц, значится в состоящем в 20 день сего июля лица на тот предмет общественного приговора неграмотных 81 человек, каковой приговор хранится при станичном правлении.

Что действительно настоящее прошение составлено обществом станицы Отрадной, в том Отрадное станичное Правление подписями и приложением станичной печати свидетельствует 23 июля 1878 года.

Станичный атаман, есаул *Кляров*

Писарь *Винокуров*

Преосвященный епископ Герман (Осецкий) на документ наложил следующую резолюцию: *«Августа 13 число уже миновало. Но если и теперь еще нужно мое благословение на поднесение иконы о. Максиму Сапезко, я с радостью дам таковое. В высокой степени отрадно мне бывает встречаться со всякими фактами, свидетельствующими о чувствах уважения, которые умеет внушить к себе пастырь в своих пасомых».*

Историческое описание храмов Отраденского благочиния

В истории Церкви можно проследить постоянное стремление церковной власти к разделению Церкви по епархиям, сообразно административному разделению государства. Объектом работы стала история христианства на Кавказе, а предметом – созданная весьма поздно, по сравнению с прочими епархиями дореволюционной России, Кавказская, а с 1886 года – Ставропольская епархия. Более узкие территориальные рамки: Отраденский округ, в современных границах. Мы рассмотрим, как складывалась дореволюционная церковная жизнь приходов на территории современного Отраденского благочиния в контексте общего хода развития христианства в регионе.

Территория нынешнего Отраденского благочиния – это два соседних района, Отраденский и Успенский – расположенных в юго-восточной части Краснодарского края, граничащей здесь с Карачаево-Черкесской республикой и Ставропольским краем.

До революции эта территория подчинялась двум отделам – Баталпашинскому и Лабинскому. Храмы входили в несколько благочиннических округов, из которых округ №10, с центром в ст. Отрадной, содержал наибольшее число приходов.

В наиболее концентрированном виде источники информации по названной тематике содержатся в архивных фондах учреждений духовного ведомства. Источники этого вида подразделяются на две большие группы «ведомости» – неопубликованные клировые ведомости церковью епархии синодального периода; и сведения из печатного органа – «Ставропольские (или «Кавказские») епархиальные ведомости».

Так, данные о времени постройки храмов имеются в клировых ведомостях, ежегодно предоставлявшихся причтами в Ставропольскую (Кавказскую) духовную консисторию, в распорядительных документах и переписке консистории с благочинными.

Клировые ведомости представляют собой своеобразный паспорт церкви или отчет о работе причта за год. Экземпляр клировой ведомости ежегодно предоставлялся в духовную консисторию и содержал сведения о дате постройки и освящения молитвенного дома или церкви, дате открытия штата причта и его составе, размере земельного надела причта, финансовом состоянии церкви. Второй раздел составляли послужные списки священников, дьяконов и псаломщиков с указанием состава их семей. Здесь же приводятся сведения о семьях бывших членов причта – о вдовах священнослужителей, их детях. В ГАСК клировые ведомости хранятся в фонде консистории.

Другая группа источников – «Епархиальные ведомости» – интересна тем, что разносторонне и подробно освещает жизнь Ставропольской епархии в разные периоды её существования. Журнал был учрежден в 1873 г. по инициативе епископа Германа (Осецкого). Выходя еженедельно, он подшивался за год в объемные книги со сквозной нумерацией в тысячи страниц. Кроме рубрики «Официально», в ведомостях отражались ход миссионерской работы и просветительской деятельности, финансовое состояние епархии, сведения о пожертвованиях прихожан и многое другое. Стоит отметить и открытость «Ставропольских епархиальных ведомостей» для высказывания священнослужителями самых разнообразных мнений. Причём их статьи «на злобу дня» содержали предложения и замечания по исправлению наблюдающихся негативных явлений в епархиальной жизни. Всё это говорит о «Ставропольских епархиальных ведомостях» как о важном историческом источнике.

По времени возникновения храмов на территории современного Отраденского благочиния, расположенных в Отраденском районе (в нынешних его границах), приходы распределились так. В 1856 году была выстроена Константино-Еленинская церковь ст. Попутной, в 1858 году – Покровская церковь ст. Отрадной. В 1859 году завершается строительство сразу нескольких станичных храмов: Свято-Димитриевской церкви в ст. Передовой, Свято-Георгиевская церкви в ст. Подгорной, Свято-Успенской церкви в ст. Удобной. К 1860 году возведена Николаевская церковь в ст. Спокойной, а в 1860 – 1861 гг. – Михаило-Архангельская церковь в ст. Надёжной.

Ближайшим к Ильичёвскому городищу населенным пунктом является станица Передовая. Историю её храма по состоянию на 1914 год мы рассмотрим подробнее.

Возглавлял Епархию в это время преосвященный Агафодор (Преображенский, 1893 – 1919 гг.). Он стал последним Кавказским владыкой синодального периода. Ни одному из прежних ее архипастырей не довелось столько потрудиться для Епархии, ведь на своей кафедре он был 26 лет!

Период его управления стал временем расцвета церковной и миссионерской деятельности Ставропольской епархии. Ведь основную ставку владыка делал на просвещение народа Божия, на истинно христианские отношения пастырей и пасомых. Развитие приходских школ, библиотек, миссионерские и катехизаторские курсы – все это было поставлено во главу угла развития жизни Епархии.

Вид первых, временных церквей при постройке в большинстве был таким: деревянное здание на каменном фундаменте. А вот храм ст. Передовой имел некоторые особенности: это было покрытое камышом деревянное здание на деревянных столбах, пространство между которыми заложили камнем.

Храмы были временными до тех пор, пока не появлялась возможность перестроить церковь или построить новый храм. Строили прихожане своими силами и на свои средства с добавлением сумм от Кубанского казачьего войска.

Новая Свято-Димитриевская церковь ст. Передовой была построена в 1885 г. тщанием прихожан и на Высочайшее пожалование в 9 000 рублей. Возведение храма с иконостасом и ограждением обошлось в 27 000 рублей. В 1886 г. церковь освятили. Была она деревянной, с такой же колокольной, на каменном фундаменте, холодная, крытая железом, крепкая. Церковная ограда была тесовая. Престол в церкви был один – во имя св. вмч. Димитрия Мироточивого.

Утварью церковь была снабжена вполне достаточно. Книг церковного круга для совершения богослужений также хватало. Приходской библиотеки, по-видимому, не было. Последний факт был скорее исключением чем правилом в приходах Отрадненского района накануне революции 1917 года. Например, свои библиотеки и читальни имели церкви станиц Отрадной, Попутной, Спокойной, Подгорной.

Причтовый земельный участок Свято-Димитриевской церкви дал в 1914 г. 660 р. дохода: из них 260 руб. пришлось на долю священника, а по 200 р. – диакону и псаломщику. При церкви было 957 кв. саженей земли, 60 десятин пахотной, 50 десятин сенокосной земли, а также около 39 десятин «сплошного камня» в 10 верстах от церкви. В целом, земля оценивалась как малопригодная для хлебопашества. Приходу принадлежали здания сторожки и церковно-приходского училища с квартирой для учителя и кухни в отдельном здании. Состояние домов признавалось удовлетворительным.

С 1885 года, по Синодальному определению, в приходах, где жило менее 700 душ мужского пола, устанавливался двухчленный состав причтов (священник и псаломщик), а для более крупных приходов – трёхчленный (священник, диакон и псаломщик). На Кубани в начале XX в. почти половина причтов были трёхчленными. Таким же был и приход ст. Передовой. По штату в этом храме в 1914 г. служили священник, диакон и псаломщик.

Отметим, что при бурном росте строительства новых церквей в Закубанье в конце XIX – начале XX века, остро ощущалась нехватка священнослужителей. Первоначально, по мнению генерала А.Евдокимова, священники должны были назначаться из числа «охотников», т.е. желающих, по вызову из других епархий, а если и их окажется недостаточно, то предлагалось посылать на Кубань окончивших курс семинаристов. Для «охотников» намечалось установить денежное пособие и ряд льгот. План генерала Евдокимова предусматривал для всякого без исключения духовенства, назначаемого на службу в Закубанский край, в течение трёх лет выплачивать офицерское жалованье, а также единовременное пособие: священникам по 200 руб., а причетникам по 50 руб. После официального принятия этого предложения закубанское духовенство поступило в подчинение главного священника Кавказской армии протоирея Стефана Гумилевского. Таким образом, процесс формирования духовенства в Закубанье должен был складываться совершенно иначе, чем за 70 лет до этого в Черномории, где оно выбиралось из среды самих казаков.

В 1914 г. настоятелем храма ст. Передовой служил священник Георгий Лукич Лукьянов, 39-ти лет; из духовного сословия. Он учился в Ставропольской духовной семинарии, в 1899 г. окончил по второму разряду её полный курс и архиепископом Агафодором был сразу назначен учителем-диаконом к Димитриевской церкви ст. Передовой. Через полгода он был рукоположен во священники к этой же церкви. Свято-Димитриевский храм оказался первым местом его служения в сане священника. Со времени рукоположения о. Георгий стал заведующим и законоучителем церковно-приходской школы, а также местного министерского одноклассного училища. В 1903 г., когда открылось министерское одноклассное училище для девочек, о. Георгий стал преподавать и там.

Все эти, несомненно, прогрессивные начинания владыки Агафодора, имели твердую основу: его справедливое убеждение в том, что новые условия взаимоотношений пастырей и паствы приведут к настоящему обновлению и возрождению жизни приходских общин, подтвердилось. Преосвященный Агафодор считал, что дети и школа – вот тот путь, который выведет священника из сложившегося в епархии отчуждённого положения. Поэтому церковно-приходские школы стали предметом постоянных забот владыки. «... Во имя вашего апостольского служения и ради собственной пользы усугубьте вашу ревность о Господе, отдайте свой досуг школьному обучению детей, а паче же непрестанному наставлению их в Законе Божием», – так горячо он призывал священников.

Во время частных поездок по епархии он обязательно после осмотра храма навещал местную церковную школу, не только проверяя уровень знаний учеников, но также вникая во все материальные нужды школы. Благодаря заботам владыки, количество церковно-приходских школ в епархии более чем удвоилось, достигнув 475, а число учащихся в них почти утроилось. Так, в ст. Передовой действовали школы: одноклассная церковно-приходская и две министерские – двухклассная мужская и одноклассная женская. В церковной школе в 1914 г. обучалось 58 мальчиков и 10 девочек.

Большинство школ Епархии получило собственные хорошие здания, располагая всеми необходимыми принадлежностями, учебными пособиями и библиотеками для внеклассного чтения. В строительство новых школ было вложено около двух миллионов рублей. Из числа законоучителей начальных школ только 76 получали плату, остальные наставляли детей Закону Божьему безвозмездно.

Отец Георгий не только преподавал и выполнял пастырские обязанности. По решению духовенства округа он был избран депутатом окружного миссионера, а в 1905 г. назначен миссионером благочиния. За примерную службу отец Георгий в 1908 г. был награжден набедренником. Проработав в церковной школе 12 лет, он был в 1912 г. освобожден от преподавания Закона Божия по причине «умножения обязанностей».

Действительно, епархия в то время представляла собой обширное поле для миссионерской деятельности. В её состав входили Кубанская область: 1 млн 925 тыс. жителей и Ставропольская область: 875 тыс. жителей. Кроме православных, среди населения были приверженцы ислама, католики, армяне-григориане, протестанты, а также до 40 тыс. сектантов различного вида и старообрядцев различных толков. Поэтому в Духовной консистории был учрежден особый «миссионерский стол», позже были избраны окружные миссионеры, а в 1908 году в епархии были учреждены должности пяти уездных миссионеров. В 1910 году «Епархиальные ведомости» писали о приходских миссионерских кружках. Ставропольский епархиальный Миссионерский Совет напечатал распоряжение для причтов епархии, об открытии миссионерских кружков. Возглавляемые приходским священником, в своем составе миссионерские кружки должны были иметь: членов причта, учителей церковноприходской школы, церковных старост. Поимённые списки сдавались в двух экземплярах в Миссионерский совет. Членство в кружках было добровольным и бесплатным, а его члены имели довольно широкие права, свобода деятельности, как правило, «сверху» не ограничивалась.

Иерей Георгий с семьёй жил в «лично приобретенном» доме с надворными постройками. Семейство его в 1914 году составляли жена Ольга Ивановна 43-х лет и три дочери: 13-летняя Екатерина, 9-летняя Александра и 7-летняя Елена. Старшая дочь училась в Ставропольском епархиальном училище, остальные ещё жили дома. В феврале 1916 г. священник Георгий Лукьянов был перемещён по решению епархиального начальства к церкви ст. Дондуковской, а на его место в марте того же года был назначен священник с. Удельного Василий Булатов.

Диакон Свято-Димитриевской церкви Аркадий Григорьевич Кононов, 1876 г. рождения, происходил из казаков Кубанского войска. В 1898 г. он окончил курс Кубанской учительской семинарии, сразу после чего учительствовал в Хадыженском станичном министерском училище. В течение следующих семи лет последовательно занимал должности: с 1899 г. второго учителя в Старощербиновском двухклассном министерском училище; а потом – заведующего в трёх разных министерских училищах Кубани. В 1909 г., успешно выдержав испытания на принятие диаконского сана, оставил учительскую работу и был рукоположен в сан диакона к церкви ст. Передовой. В течение года стал учителем в церковно-приходском училище; в 1912 г. стал в нём и законоучителем, вероятнее всего, вместо о. Георгия Лукьянова. Доля о. диакона из братской кружки в 1914 г. составила 352 рубля; за земельный надел – 200 руб.; за преподавание Закона Божия в церковно-приходской школе – 60 р., столько же составляло квартирное пособие от станичного общества.

Семейство о. Аркадия состояло из супруги, Софии Прохоровны 36-ти лет, и пятерых детей: Бориса 13-ти лет, Николая 12-ти лет, Вячеслава 9-ти лет, Всеволода 7-ми лет, и младшей дочери Нины 1 года 4 месяцев. Двое старших сыновей обучались в Ставропольском духовном училище, все остальные дети жили дома.

Псаломщик Пётр Павлович Вознесенский был 1873 г. рождения и происходил из духовного звания, в 1891 году окончил курс в Ставропольском духовном училище, в 1894 г. был зачислен в ратное ополчение, до перевода в ст. Передовую служил псаломщиком краткое время (в 1897 – 1898 гг.) в других церквях епархии. В ст. Передовую Пётр Вознесенский был переведен в 1898 г. Семья Петра Павловича в 1914 г. состояла из жены Стефаниды Васильевны, 34-х лет, и шестерых детей: Сергея 15-ти лет, Клавдии 12-ти лет, Антонины 9-ти лет, Марии 7-ми лет, Владимира 3,5 лет, и годовалой Зинаиды. Из кружечного дохода получил в 1914 г. около 176 р.; арендной платы за участок – 200 р.; и 30 р. за ведение письменной годовой отчетности по церкви. Семья Вознесенских жила в «лично приобретённом» доме с надворными постройками. Квартирное пособие равнялось 36 рублям.

Церковным старостой в 1914 г. был выбран и утвержден епархиальным начальством казак ст. Передовой Андрей Савельевич Болдырев, семейный, малограмотный. Получал жалованье от церкви в сумме 36 рублей.

Просфорней с 1907 г. была Мария Николаевна Конуринова, 44-летняя девица из духовного звания, имевшая домашнее образование. За работу она получала 25 р. от церкви, и еще 20 р. эмеритуры ежегодно. Имела собственный, «лично приобретенный» дом с надворными постройками.

На этом дореволюционные страницы открытой летописи жизни Свято-Димитриевского прихода ст. Передовой обрываются. Будем признательны всем, кто обладает информацией о дальнейшей судьбе людей, служивших в приходах на территории нынешнего Отраденского благочиннического округа.

О.В. Матвеев

Из жизни и наследия офицера Урупской бригады

В Отраденском районе Краснодарского края имеется хутор Саньков. Однако мало кто из жителей Приурупья подозревает, что своим названием поселение обязано Матвеем Ивановичем Санькову, незаурядному казачьему офицеру, полковому историку и заметному персонажу в жизни станицы Отрадной. Архивные разыскания позволили выявить некоторые штрихи к портрету М.И. Санькова.

28 февраля 1865 г. командующий войсками Кубанской области получил отзыв начальника Главного штаба Кавказской армии, в котором, в частности, отмечалось: «Его Императорское высочество Главнокомандующий армиею, желая сохранить для потомства по возможности полное и подробное повествование тех подвигов, которые совершены были частями войск и отдельными лицами в течение продолжавшейся шестьдесят лет непрерывной войны с горцами, приказал мне просить Ваше Сиятельство объявить по вверенной Вам области: 1) чтобы во всех полках и отдельных батальонах была составлена история их действий и всей жизни на Кавказе. Офицеров, которые будут избраны для составления сего описания, Его Высочество разрешает освободить от некоторых служебных обязанностей и увольнять для занятия в тех архивах, где хранятся старые дела и документы; 2) пригласить всех военных и других звания лиц, у кого окажутся какие-либо записки и воспоминания, имеющие какое либо отношение к событиям минувшей войны, или записанные ими частные рассказы и случаи, доставить всё это в Главный штаб армии, с тем, что желающим записки их будут возвращены в тот срок, какой они сами назначат» (ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 2).

Соответствующее распоряжение вскоре поступило из штаба Кубанского войска в бригады и полки, в том числе, в Урупскую бригаду. Полки этой бригады имели небольшой, но весьма значимый опыт участия в Кавказской войне с конца 50-х г. XIX в., ею командовал прославленный командир полковник Евпл Филиппович Семенкин, награждённый Золотой шашкой на Георгиевской ленте с надписью «За храбрость», кавалер многих орденов (Шкуро В.И. Генерал-майор Е.Ф. Семенкин – воин и администратор (штрихи к биографии) // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Армавир, 2002. С. 70). 18 августа 1865 г. Е.Ф. Семенкин сообщал в Войсковое дежурство Кубанского казачьего войска: «Относительно составления истории действий

воинских частей № 18 и 19-го казачьих полков вверенной мне бригады, мною предписано командующим этими полками, но от них доселе ещё не получено донесений об окончании этих описаний, а потому мною внесено повторно о скорейшем составлении» (ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 29). Лишь 29 августа подполковник Могуков представил «Описания о действиях на Кавказе урупских казаков» (ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 35). Но, ознакомившись с ними, начальник штаба в конце октября известил Семенкина: «Командующий 18-м конным полком подполковник Могуков, 29 августа за № 1027, доставил в Войсковое дежурство копии с представленных в штаб Кавказской армии 10-ти записок о некоторых подвигах урупских казаков в последнюю войну с горцами. Записки эти не подписаны никем, неизвестно кем составлены, и они заключают случаи боевой жизни урупцев только с 1858 года. Во всяком случае, эти сведения не могут не иметь своей особенности, поведанные одним только офицером, они не могут быть достаточным материалом для истории о службе и военных подвигах строевых частей и отдельных лиц 5-й бригады, так недавно образованной, а следовательно, все случаи военных событий урупцев в свежей памяти» (ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 36–36 об.). Начальник штаба передал приказ Наказного атамана «о непременно составлении» описания истории бригады (ГАКК. Ф. 254. Оп. 2. Д. 216. Л. 36 об.).

Тогда, видимо, и было поручено составление истории Урупской бригады бригадному адъютанту сотнику Санькову. Возможно, что он только обработал упоминаемые выше записки, придал им завершённость и целостность, подписал своей фамилией, как того требовало начальство. Матвей Иванович Саньков родился в ст. Михайловской (ныне г. Михайловск Ставропольского края) в 1829 г. В 1858 г. хорунжий М.И. Саньков был переведён из Ставропольского во вновь сформированную Урупскую бригаду, в рядах которой он участвовал в обустройстве новых кордонных линий и в завершении Кавказской войны. Деятельный офицер (его заслуги нашли отражение во многих наградах, среди которых ордена Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом), обрёл в Приурупье вторую родину, обосновав на пожалованном личном участке и поныне существующий одноимённый хутор возле ст. Отрадной. На нём дослужившийся до чина войскового старшины Матвей Иванович Саньков и был погребён (Колесников В.А. Проблемы нобилитации однодворцев Кавказской линии в конце XVIII – начале XX вв. (противоречия, инициативы, последствия) // *Дворяне Северного Кавказа в историко-культурном и экономическом развитии региона*. Краснодар, 2002. С. 113–114).

В 1868 г. на страницах «Кубанских войсковых ведомостей» было опубликовано «Описание поселений 5-й (Урупской) бригады Кубанского казачьего войска и отдельных действия ея частей против непокорных горцев». В «Описании» речь идёт в основном о боевых действиях 18-го полка, в которых непосредственно участвовал и сам Саньков (его фамилия неоднократно встречается в изложении подробностей боёв с горцами) (Саньков, есаул. Описание поселений 5-й (Урупской) бригады Кубанского казачьего войска и отдельных действий ея частей против непокорных горцев // *Кубанские войсковые ведомости*. 1868. № 12).

«Поселение 5-й бригады, – писал Матвей Иванович, – производилось в самое тревожное время – с 1858 г., в близком соседстве с хищными и непокорными племенами Тамовским и Кызылбековским, которые делали частые хищнические набеги. Полки 5-й бригады, составляя кордонную стражу на Урупской линии, неоднократно были в действовавших отрядах и делах с горцами под начальством генералов Евдокимова, Ольшевского и Геймана, полковников Семенкина, Полькена, Ишинского и Шульги» (Саньков. Указ. соч. № 12). Первые станицы, занятые Урупским полком в 1856 г. на р. Уруп, по словам Санькова, были Бесскорбная и Попутная. В следующем году возле этих станиц была поселена Отрадная, затем, в 1858 году – Удобная и Передовая, вверх по р. Уруп, Исправная – по р. Большой Зеленчук (бывшее Каменноостское укрепление), Сторожевая – у Надёжинского укрепления, при слиянии рек Псефира и Бежгона, Спокойная – на р. Большой Тегень. «При присоединении к этим 9-ти станицам 3-х старых поселённых ещё в 40-х годах на р. Чамлык и Уруп (Вознесенской, Чамлыкской и Урупской) из этих 12 станиц в 1858 г. составлена бригада, которой дано название Урупская в составе 2-х полков 1-го и 2-го Урупских (ныне № 18 и 19)», – писал Саньков (Саньков. Указ. соч. № 12). Затем, при переформировании в 1861 г. бригад, Вознесенская и Чамлыкская отошли к 6-й бригаде, а Преградная и Подгорная к 7-й. «В конце 1866 г. по упразднении и расформировании 7-й бригады к 5-й причислены 6 станиц: Подгорная, Бесстрашная, Ахметовская, Псеменская и Преградная, а от 5-й бригады отчислена в то же время станица Урупская – в 6-ю бригаду», – педантично констатировал Матвей Иванович (Саньков. Указ. соч. № 12).

Истории отдельных воинских частей, написанные в большинстве случаев офицерами этих подразделений, являются наиболее ярким вкладом русского офицерства в отечественную историографию. Эти работы были основаны на первоисточниках, а поскольку полковые архивы в первые годы Советской власти были зачастую уничтожены, полковая историография приобрела ныне и источниковую значимость (Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 308). Труд, написанный адъютантом Урупской бригады, занял достойное место среди военно-исторических сочинений Кубани (См. Матвеев О.В. Из исторического и военно-культурного наследия казачества Кубани. Краснодар, 2011. С. 8–33).

О жизни М.И. Санькова в отставке дают представление лишь некоторые архивные данные. Изучение документов показывает, что, по-видимому, деятельная и предприимчивая натура М.И. Санькова не всегда вписывалась в ценностные установки казачьего служилого сословия. В начале 1893 г. мещанин станицы Передовой Михаил Забашта донёс атаману Баталпашинского отдела о том, что Саньков «слывёт за ростовщика, который громадными % составил изрядный капитал и в то же время тайно занимается пропагандою хлыстовской ереси». Произведённое адъютантом атамана Баталпашинского отдела есаулом Бесединым в 1893 г. выявило следующие факты. При оставлении службы в начале 1870-х гг. М.И. Саньков, «не имея никакого хозяйства, занялся более лёгким и выгодным трудом, это отдачею в рост капитала, скопленного им на службе, по неимоверно высокой уплате. Но чтобы не быть ответственным перед законом и придать сделке законную форму, возможные проценты прибавлял к капиталу и на эту сумму брал векселя, писанные его рукою. Такие сделки он имел не только с жителями ст. Отрадной, из коих в настоящее время 2/3 состоят и состояли должными, но и в соседних станицах и селениях, как, например, в ст. Надёжной, Удобной, Передовой, Спокойной, селениях Кунлинском, Ивановском, Ливентель и других» (ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2407. Л. 15).

Отставной казак Фёдор Фисенко показал, что он, «имея крайность по хозяйству, вынужден был занимать деньги у войскового старшины Санькова несколько раз по 100–200 р. с платою за 8 – 9 месяцев по 40 р. В настоящее время он взял у него ещё 40 р. на 5 месяцев и вексель вновь на 50 р.» Проживающий в ст. Отрадной колонист Фридрих Эйфлер показал, что, занимаясь производством и продажей колбас и окороков, он занимал у Санькова 100 р. на 6 месяцев за проценты 45 руб. Такие займы делал ежегодно, «да и в настоящее время ещё состоит должником». Отставной казак Роман Долженко занимал у Санькова по 50 руб. на полгода и всегда платил по 15 руб. процентов, «но если случалось не отдать к сроку какой-либо части денег, то он требовал другой вексель и, прибавивши наложенные им проценты, по своему усмотрению и старого векселя до окончательного расчёта не возвращал». Среди должников М.И. Санькова в архивном деле фигурируют также отставные урядники Пётр Черенков и Пётр Караченцев, казаки Алексей Караченцев и Моисей Макаренко, крестьянин Яков Захаров.

П. Караченцев также заявил, что М.И. Саньков «помимо ростовщичества занимался ещё распространением между жителями хлыстовской секты, что может подтвердить вся станица». Казак неслужилого разряда Дмитрий Маньшин показал, что лет пятнадцать назад Санькова «совратил в хлыстовскую секту проживающий в г. Георгиевске отставной солдат Пётр Данилович Лордучин. С того времени г. Саньков занимается распространением среди жителей ст. Отрадной и окрестных станиц по рр. Урупу и Лабе хлыстовской секты, в которую совратил и его, Маньшина». В этой секте Маньшин состоял около десяти лет, но, «убедившись в ложности учения, отказался от хлыстовства и принёс повинную отраденскому священнику Сапежко, заявив ему письменно о всех действиях войскового старшины Санькова, указал поставленных им по станицам проповедников, к которым ему приходилось ездить с г. Саньковым». Однако священник, связанный узами тесного общения с семьёй отставного офицера более 30 лет, хода делу не дал. Казак Алексей Караченцев свидетельствовал: М.И. Саньков распространяет учение хлыстов «с левой стороны р. Кубани, как это делает по правой стороне Кубани отставной есаул ст. Баталпашинской Уклеин».

По свидетельству Д. Маньшина, Саньков «при отдаче в рост денег совращённым им лицам не брал процентов, но за то все сектанты в летнее время косят сено, убирают хлеб, возят дрова и всё это бесплатно». Отставной урядник Георгий Шмайлов подтвердил, что М.И. Саньков «действительно принадлежит к секте хлыстов, часто посещает дом бывшего когда-то у него вестовым казака Васильева, где и развращает народ» (ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2407. Л. 7 об.). О том, что Саньков ходит в дом известного в станице хлыста Васильева «для проповедования ложного учения», заявил и казак Моисей Макаренко.

Правда, отставной офицер решительно отверг все обвинения. 12 июля 1893 г. М.И. Саньков пишет рапорт на имя наказного атамана Кубанского казачьего войска Я.Д. Маламы с просьбой

оградить его «от весьма обидных придирок и подозрений». «Может быть, я не нравлюсь начальству Баталпашинского отдела потому, что по наклонности моей к религиозности я уже давно перестал посещать клубы, ночные и дневные оргии, танцы, картёжные игры и вообще стал удаляться разгульной и антихристианской жизни, – писал Матвей Иванович, – все же христианские догматы, изложенные в символе веры, все правила и уставы нашей святой православной церкви я признаю и исповедую за истинные, спасительные и искренно желал бы пробыть в ней до конца моей жизни. У исповеди и Святого причастия я бываю своевременно. Я не только не отступился от православия, но даже ревнитель, что подтверждается тем обстоятельством, что моими убеждениями и стараниями семейство станицы Отрадной урядника Тимофея Щербакова из секты баптистов обращено и присоединено к православной церкви в конце минувшего 1892 года» (ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2407. Л. 19–19 об.). Автор обращения отмечал, что стареется жить «согласно Евангельского учения Господа нашего Иисуса Христа и постановлениям Святой и Апостольской церкви многократно очищенной от различных ересей на семи вселенских соборах». К обращению было приложено свидетельство приходского священника станицы Отрадной Максима Сапежко. Последний свидетельствовал, что всё семейство М.И. Санькова «неуклонно исполняет все обязанности православного христианина, именно: ежегодно говеет, исповедывается и причащается Святых тайн Христовых; Церковь Православную чтит и почитает в Воскресные и праздничные дни, когда бывает дома и относится с благоговением. Вообще всё семейство Санькова Матвея Ивановича во главе с ним ведёт себя в жизни домашней и общественной так, как подобает это благочестивому члену Православной Церкви Христовой» (ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2407. Л. 23).

Из дела сложно однозначно судить, был ли это заговор обиженных Саньковым должников, или Матвей Иванович действительно увлёкся учением хлыстов. Ведущий специалист в области истории линейных станиц Кубани В.А. Колесников указывает на значительную роль сектантства в религиозной жизни казачества второй половины XIX в. (Дело мира и любви: очерки истории и культуры православия на Кубани / Научн. ред. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009. С. 99). По крайней мере, член Ставропольской духовной консистории священник Пётр Овсянников в обращении от имени консистории к начальнику Кубанской области 17 февраля 1894 г. пишет, что Саньков «изобличается в принадлежности к сектантству и распространению лжеучения между православными» (ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2407. Л. 26). То есть консистория, проведя, по-видимому, собственное расследование, говорит об этом как об установленном факте, просит начальника Кубанской области учредить за М.И. Саньковым полицейский надзор и одновременно обращается к прокурору Екатеринодарского окружного суда с привлечением отставного офицера-сектанта к суду. 23 марта 1894 г. замещающий атамана Баталпашинского отдела войсковой старшина Захаров сообщал Я.Д. Маламе, что «вследствие предписания Вашего Превосходительства от 10 февраля за № 1691 полицейский надзор за войсковым старшиной Саньковым учрежден» (ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2407. Л. 27). С другой стороны, Матвею Ивановичу, видимо, удалось выйти из этой щекотливой для него ситуации. В деле есть запись: «Сенат признал жалобу Забашты не заслуживающей уважения. Оставить без последствий» (ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 2407. Л. 33).

Очевидно одно: реальная повседневная жизнь казачьих офицеров не всегда совпадает с идеальными моделями поведения и ценностными категориями, которые порой выстраиваются в современной литературе о казачестве. Поэтому изучение архивных источников приобретает для подобного рода работ первостепенное значение.

В.В. Якубов

**Общественная жизнь дореволюционной Лабинской: благотворительность, меценатство,
попечительство
и христианское милосердие**

(по материалам личных архивов и воспоминаниям
станичников-старожилов)

По традиции, идущей еще с советских времен, в Лабинске общественные процессы неклассового характера изучались поверхностно и односторонне. Такие живые проявления человеческих взаимоотношений, как сострадательность, жертвенность, милосердие, а тем более благотворительность, меценатство и попечительство, на печатных страницах не поднимались и в заинтересованной среде не обсуждались. Между тем в последние годы возникло определенное

внимание к теме духовности и нравственности, корнящееся, видимо, в здоровом желании преодолеть моральное оскудение, поразившее все слои общества. Среди конвульсий поиска духовного стержня и нравственного ориентира проглядывает мысль о необходимости обретения такового в опыте прошлых времен. И такая концепция определенно верна, поскольку непременно приведёт к осознанию, что все новое – хорошо забытое старое. Из когда-то сформированной, устоявшейся и зарекомендовавшей себя духовно-нравственной системы после запретов, гонений или намеренного замалчивания не осталось почти ничего. Ушли живые носители традиций. Но и на этой несправедливо заброшенной ниве можно собрать благодатный урожай поучительных фактов, воспитательных примеров и назидательных поступков, способных стать действенным стимулом гуманизации современного общественного устройства.

На рубеже XIX – XX веков Лабинская – густонаселенная и экономически крепкая станица в Кубанской области. В ней развивались производство, ремесло и торговля. Одновременно с достижениями в хозяйственной жизни начали активизироваться общественные и культурные процессы. В ту пору в инициативных слоях местного общества зародилось направление деятельности, ставившее целью своей работы улучшение жизни «недостаточной части населения». И сегодня этот феномен любопытно рассмотреть подробнее.

Справедливости ради отметим, что проявление христианского милосердия было нередким явлением ещё в первые годы существования станицы. Тогда сострадательная активность лабинцев распространялась исключительно на раненых солдат госпиталя, существовавшего при Махшевском укреплении, а позднее – и гарнизонной казачьей больницы.

Навыки участливого отношения к ближнему с детства впитывал каждый ребенок, наблюдая, как старшие, особенно во дни церковных праздников, «почти в массовом числе» на Рождество и Пасху, везли «гостинцы» заключенным войсковой тюрьмы, арестантам гауптвахты, подследственным камеры мирового судьи или находившимся на излечении в местном приюте для умалишённых хроников. Родители сызмальства приучали чад к раздаче милостыни на папертях обеих станичных церквей, наставляя расхожей поговоркой: «От суммы и от тюрьмы не зарекайся!» Все же заметим, это были хотя и привычные, но хаотические всплески сострадательности отзывчивых граждан. По воспоминаниям старожилов, казаками-домовладельцами снаряжались целые подводы, загружавшиеся от щедрот семейного подворья: хлебом, куличами, пирогами, баранками, блинами, сливками и сметаной, колбасами, салом и варёными курами, яйцами, борщами и мочёными яблоками. Таким мог быть набор «милостыни», которую лабинцы доставляли к воротам казенных заведений. Для большинства семей такой поступок не считался редкостью, а являлся естественной потребностью, доброй традицией, что передавалась от предков.

Первые, упоминаемые в источниках, целенаправленно созданные общественные попечительские институты появляются в Лабинской только к середине 70-х годов XIX века, ко времени массового прибытия так называемых «иногородних». В этой связи остро встал вопрос о необходимости расширения числа школьных мест для детей новых поселенцев. Согласованными действиями инициативной группы, продвигавшей общепользную проект, вопрос был разрешен постройкой нового училищного (школьного) здания.

Заботы о размещении новых переселенцев, о вдовах, об одиноких стариках-солдатах, оставшихся на жительство в станице, ложились не только на плечи станичного схода и атамана, но и на каждого равнодушного обывателя. Как правило, одиноких, калечных или немощных брали на иждивение родственники или соседи. Тем же способом на воспитание в «приличные и достаточные» семьи распределялись сироты, оставшиеся без родителей. Любопытный способ помощи ближним можно было наблюдать в старину. Используя выгодное торговое положение Лабинской, группы сердобольных граждан и отдельные доброжелатели систематически практиковали денежные и «натуральные» (продуктами) сборы на Старом базаре и Ярмарке для того, чтобы из собранного «подавания» приготовить 1-е или 2-е блюда и раздать нуждающимся.

К началу XX века благотворительность и меценатство стали привычным явлением станичной жизни. Люди, умевшие по чести трудиться, зарабатывать и думать не только о себе, были в почёте. Их знала и уважала станица. Активно подвизались на общественной ниве заводчики братья Захаровы. При широкой постановке семейного дела они не зазнавались, были и щедрыми жертвователями и радателями о просвещении, попечителями о нуждающихся. Другим достойным упоминания примером была деятельность владельцев поташных заводов Галанина и Ржехина. Первый заводчик был жертвователем нескольких учебных заведений, а сын второго состоял членом попечительского совета лабинской Женской гимназии.

Не отставал от заводчиков в продвижении богоугодных дел и торговый капитал. Купцы Сурины, Сушковы, потомки Тюриной и Кухарцов – активнейшие из известных в настоящее время. Например, отец и сын Сурины были не только солидными станичными торговцами, но и уважаемыми в местной среде людьми. И такое общественное признание было не случайным. В традициях этого купеческого семейства была забота о постановке школьного дела, попечение о сиротах, покровительство искусствам. Иван Иванович Сурин старший был в числе инициаторов и одним из основных жертвователей на постройку в Лабинской нового Божьего дома – Успенской церкви. Постоянно проживавший в станице майкопский купец Сушков до последних дней своей жизни состоял в почетных попечителях станичных школ и гимназий, а о его вкладе в расширение и украшении Николаевской церкви можно написать целую историю. Старший Кухарцов был в числе активных участников благотворительных проектов Успенской общины.

Все благотворительные инициативы и общественно-полезные проекты дореволюционной Лабинской так или иначе были связаны с церковью. Собственно церковное и светское начало в жизни станицы были неотделимы, и то и другое взаимопроникало и тесно соприкасалось друг с другом. Местное духовенство в лице настоятелей обеих станичных церквей были инициаторами многих полезных начинаний.

В 80 – 90-е годы XIX века священник Николаевской церкви Илларион Смарагдов достойно проявил себя на поприще народного просвещения, активно способствуя открытию церковной школы, библиотеки духовной литературы, лично проводя занятия по Закону Божию. В благодарной памяти народа о. Илларион запечатлелся как составитель назидательных проповедей, покровитель церковно-певческого хора казаков и щедрый жертвователь собственных сбережений на общепархиальные душепопечительские нужды. Позднее его соратники и последователи священники Александр Хламов и Николай Веселов развивали просветительские традиции, заложенные отцом Смарагдовым. Но каждый из них взял собственное направление общественной работы, на котором впоследствии преуспел.

В созидательном ключе работали и ктитория Николаевского прихода: отец и сын Пожаренко, А.М. Нитипин, Н.В. Гринькин. Практиковавшиеся по их инициативе и при их финансовом участии тарелочные и кружечные сборы приносили средства на помощь увечным воинам, на содержание и пополнение духовной библиотеки, на поддержку нуждающихся учителей и учащихся. Кроме того, сборы средств для отдельных семейств, пострадавших от природных стихий и пожаров, были обычным явлением. Не говоря уже о том, сколько личных сбережений «не в одну тысячу рублей» было передано вышеперечисленными казаками «доброхотно» (т.е. по собственной инициативе) на содержание и украшение станичного храма и школы. И это только в Николаевской общине.

Со времени образования Успенского прихода, ещё на этапе строительства самого здания храма, Совет попечителей озаботился о создании при нём школы и приюта для сирот. Общине повезло иметь в среде своих бескорыстных помощников цвет станичного купечества. Иждивением семейств Суриных, Сушковых, Изосимовских, Тюриных и Кухарцовых содержался причт и семь школ с 211 учащимися. Поэтому пользу от их денежного участия в приходских проектах извлекала не только узкая группа постоянных прихожан (как это можно представить, исходя из современных реалий). В дореволюционной станице в состав прихода было включено все население станицы, проживавшее от улицы Центральной (Пушкина) до южной окраины. А это означало, что любой станичник в том или ином масштабе был её получателем.

В первые годы прошлого века (особенно после беспорядков 1906г.) человеколюбивый настрой местного общества, расширяясь, стал приобретать более организованные формы. Тогда впервые в своей истории станица столкнулась с проявлениями бунта, неповиновения и беспорядков. Местное общество было потрясено и подавлено. Виновники и подстрекатели событий были известны: легкомысленная часть заезжей интеллигенции, считавшая себя «прогрессивной», состоявшая из учителей, фельдшеров и недоучек-гимназистов. В течение нескольких лет эта разномастная группа вела разрушительную работу среди иногороднего населения, подталкивая «простецов» на акции неповиновения и антиправительственные выступления. Подогреты революционными листовками, брошюрами и лекциями заводские рабочие и крестьяне осенью 1906г. были вовлечены в социальный конфликт.

Сделав необходимые выводы, ответственная часть общества в тот же год удвоила усилия на преодоление создавшегося конфликта, развенчания революционной пропаганды и удаления из станицы его инспираторов. В течение последующих предреволюционных лет было приложено много усилий к увеличению числа образовательных, попечительских и благотворительных учреждений. В авангарде гуманитарных процессов стояла, как правило, все та же интеллигенция –

активная и бескорыстная соратница, а нередко и инициатор всяких благих начинаний. Но, в отличие от вышеописанной, никогда не называвшая себя «прогрессивной».

Отрадно отметить, что к 90-м годам XIX века в Лабинской почти ежегодно основывались новые школы. Как правило, возникновению одно - двухклассных начальных училищ предшествовало открытие школы грамоты. Содержались такие скромные, но невероятно востребованные учебные заведения исключительно благодаря щедрой благотворительности станичных заводчиков, купцов и отставных войсковых офицеров.

В эту среду благотворителей входили люди разных возрастов, сословий и имущественного положения. Вклад каж-дого по мере сил, способностей и возможностей был различным: один – активным действием по устройству филантропической ярмарки, другой – безвозмездным участием в благотворительном концерте, третий – проникновенным назидательным словом, а четвертый – просто рублем. Теперь большинство из тех людей давно забыты, хотя каждый был бы достоин отдельного рассказа. Ограничимся перечислением только некоторых известных на сегодняшний день фамилий: супруги Рассветаевы и чета Агринских, сестры Томсон, Г.Р. Бородин, С.Ф.Вольных, А.М. Шуянов, Г.А. Галковский, И.М. Перепелицын, П.Н. Павлов, И.Д. Конечный, С.В. Бураков, Е.А. Елец, Н.А. Америков, Б.А. Ярошинский, М.А. Карлин, И.А. Вьюнников, Н.В. Веселов, К.Н. Руденко, И. Каратеев, Л.М. Голицинская, И.В. Козлов, Д.И. Шабанов и многие другие.

С 1906 по 1917 гг. трудами энтузиастов из числа интеллигентов предпринимались попытки привить выходцам из социальных «низов» понятия о «культурной жизни». Для достижения поставленной цели делалось многое: устраивались базары, спектакли, аукционы по сбору средств в пользу «беднейших» слоев. Станичным духовенством проводились лекции и индивидуальные разъяснительные беседы об отравляющем воздействии пьянства и других пороков на человеческую жизнь.

Ниже приведен список, немногих известных на сегодняшний день попечительских и благотворительных обществ, действовавших в станице Лабинской в досоветский период:

- «Попечительство о детях, вдовах и круглых сиротах» – при Успенской церкви,
- «Общество вспомоществования недостаточным ученикам»,
- «Общество благоустройства»,
- «Общество попечения о детях»,
- «Общество ревнителей просвещения»,
- «Отдел туберкулёзной лиги»,
- «Общество вспомоществования нуждающимся уча-щимся Лабинского начального для иногородних училища»,
- Общество пособия бедным,
- Отделение областного попечительства о тюрьмах комитета.

Остается только сожалеть, что явление общественной жизни, о которых говорилось выше, не исследовались в недавнем прошлом. Многие из того, что созидалось на этом благодатном поприще, утрачено безвозвратно. Упущенных возможностей не вернуть. Теперь канву событий приходится склеивать из того малого, что осталось. Благо, некоторые материалы по теме отложились в старой периодике и в нескольких кратких рассказах ушедших старожил.

Подводя итоги, хочется привести выдержку из одного воспоминания, в котором идёт речь о благотворительном базаре 1916 года. В нём вместе с братьями участвовала представительница одного из зажиточных семейств станицы Клава Щербинина, которой в ту пору только исполнилось пять лет. Со всей открытостью детского сердца она восприняла слова священника, произнесённые в конце приветственной речи: «Богатейте добрыми делами!» Мудрая фраза, адресованная состоятельной публике, впоследствии не раз повторялась в доме Щербининых, а для маленькой девочки сделалась лейтмотивом всей последующей жизни. Сколько подобных проповедей нужно произнести теперь, чтобы тронуть огрубевшие сердца людей, охваченных неумной жадной стяжания. Сколько времени необходимо нынешнему человеку для того, чтобы обратить взор на нужды ближнего, как это делали наши мудрые предки.

С.Ю. Яковлев

Кубанское казачество на фронтах Первой мировой войны

История казачества, как и всей нашей страны, имеет ещё много непрочитанных страниц. И среди них встречаются такие, которые могут любому народу составить славу и почёт. В настоящее время мы пытаемся восстановить всё, что было в недавнем прошлом: и трагическое, и героическое. К последнему, несомненно, относится участие кубанских казаков в Первой мировой войне.

По своим масштабам эта война не имела себе равных во всей предшествующей истории человечества. В военных действиях участвовали многомиллионные армии, оснащённые по тем временам новейшими техническими средствами борьбы.

Первая мировая война отличалась от предшествующих войн широким применением новой боевой техники и современных средств ведения боя. Во всех воюющих странах численность кавалерийских частей в ходе войны постепенно сокращалась. Однако в русской армии конница использовалась достаточно активно, а в конце войны был поставлен вопрос о придании ей статуса стратегического вида войск. При этом рост кавалерийских соединений в русской армии происходил за счет увеличения числа казачьих частей и соединений. Кроме того, казаки успешно использовались русским военным командованием и в пешем строю, особенно в период оборонительных и позиционных сражений, в том числе на Кавказе. К 1914 году Россия обладала самой многочисленной в мире конницей. В военное время она могла выставить до полутора тысяч эскадронов и сотен. Казачья конница составляла более 2/3 численности всей русской кавалерии.

Кубанское казачье войско выставило 37 конных полков, 2 гвардейские сотни, Отдельную казачью дивизию, 24 пластунских батальонов, отдельный пластунский дивизион, 51 сотню, 6 батарей – всего свыше 89 тыс. казаков. Они также использовались русским командованием на самых опасных участках, и поэтому состав, например, некоторых кубанских полков за годы войны сменился 3 раза.

В архивном отделе администрации муниципального образования г. Армавир хранится немного документов, представляющих историю Первой мировой войны. Среди них можно выделить архивные фонды «Армавирская городская управа» (1915–1920 гг.), «Гулькевичское волостное правление» (1915 – 1918 гг.), «Акционерное общество Армавир – Туапсинской железной дороги» (1909 – 1927 гг.). Но особенно ярко события первой мировой войны нашли отражение в городской периодической печати – газете «Отклики Кавказа», которая представлена в архиве за 1916 – 1917 гг.

Материалы этой газеты являются также и уникальным источником для изучения жизни города Армавира в период Первой мировой войны. Война оказала огромное влияние на политическую и экономическую обстановку в Армавире. В городе на некоторое время была снята острота социальных противоречий. Все слои общества сплотились в борьбе за победу над врагом. Наблюдался небывалый рост патриотических настроений. Многие горожане стремились внести свой вклад в победу.

В газетных публикациях основное место занимают сообщения о положении на фронтах: Русско-германском, Русско-австрийской, Западном, Балканском, военных действиях в Италии и Румынии. Практически в каждом номере газеты публикуются сводки и о положении на Кавказском фронте. Военная хроника представлена телеграфными сообщениями, статьями, перепечатками из других периодических изданий, сводками, откликами и письмами с фронта. На первых полосах газеты публикуются официальные сообщения от Петроградского телеграфного агентства. Причем приводятся в основном сведения о победах России и её союзников на полях сражений.

О действиях противника в газете говорится немного, хотя есть небольшие заметки об энергичных неприятельских атаках на позиции русских войск и их союзников, которые заканчивались, как правило, поражением противника. Это особенно характерно для изложения событий на Кавказском фронте, где русские войска успешно развивали наступление на турецкие позиции.

К началу войны Турецкая империя занимала огромную территорию, включая весь арабский мир, часть Европы, два стратегических пролива: Босфор и Суэц. Турки всегда были стойкими солдатами, а ими к тому же командовали лучшие немецкие генералы.

В ночь на 16 октября 1914 года турецкий флот без объявления войны обстрелял черноморские порты России: Новороссийск, Севастополь, Одессу, а пехота атаковала русские города в Закавказье. В связи с чем 20 октября Россия была вынуждена объявить войну Османской империи (Е.А. Попов, И.А. Климушин Вести с Кавказского фронта (К 90-летию начала Первой мировой войны и 100-летию присвоения Первому Лабинскому полку ККВ имени генерала Засса) //

Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы Четвертой международной Кубанско-Терской конференции. Краснодар – Армавир, 2004. С. 108).

Начались военные действия на Кавказском фронте. Первый удар противника приняли на себя кубанские части. Среди сообщений Петроградского телеграфного агентства (ПТА) за 22 и 25 октября были такие: «Одна из наших казачьих сотен лихо атаковала в конном строю окопы и порубила турецкую пехоту»; «наша казачья артиллерия, выдвинутая... в тыл туркам, открыла убийственный огонь». Но это было лишь начало, главные действия развернулись позже.

В начале войны в России была сформирована Кавказская армия общей численностью 170 тысяч человек. В ноябре и декабре Кавказская армия повела тяжелые бои с противником на трех направлениях. Особенно напряженными они были на одном из них — Сарыкамышском, на котором действовала оперативная группировка войск из первой и второй кубанских пластунских бригад первой Кавказской казачьей дивизии. Перед ней стояла задача не только оборонять крепость Сарыкамыш, падение которой могло поставить в безвыходное положение значительную часть русских войск, но и овладеть горными перевалами, превращенными турками в укрепленные позиции. 8 декабря началось наступление на Сарыкамыш. Основные силы Сарыкамышского отряда вынуждены были отойти восточнее крепости. 13 декабря стал первым днем сражения за крепость. Энвер-паша бросил на штурм крепости несколько батальонов. В критический момент обороны к осажденным подоспел первый Запорожский казачий полк. Спеша на помощь и слыша канонаду тяжелого боя, казаки пускали коней рысью всюду, где позволяла зимняя горная дорога. С ходу они ввели в бой пулеметы, четыре конных артиллерийских орудия и отбросили противника. Поздно вечером 15 декабря в Сарыкамыш вошла первая пластунская бригада генерал-майора М.А. Пржевальского, который принял общее руководство обороной. В боях под Сарыкамышем турецкая армия потеряла 90 тысяч человек.

К 1916 г. во всех казачьих войсках было мобилизовано около 350 тысяч казаков. На казачью конницу приходилось до двух третей русской кавалерии, насчитывавшей до четверти миллиона сабель. Казачьи части вошли в 1, 2, 3, 4-ю Кубанские, четыре Кавказские и сводные казачьи дивизии. Ряд полков третьей очереди являлись резервными. Большинство кубанской конницы и пластунские бригады находились на Кавказе.

Кубанское войско было единственным, в котором всегда имелись пешие казачьи части — пластунские бригады. Наличие пластунских бригад говорит не только об особенных традициях кубанцев, но и о том, что там было много бедных казаков. Пластунов собирали со всей Кубанской области: Екатеринодара, Майкопа, станиц Кавказской, Прочноокопской, Уманской.

Кубанские казаки воевали и на Западном и Юго-Западном фронтах. Широкое применение во время войны нашли так называемые "особые сотни", для выполнения специальных заданий в тылу врага и на фронте. Например, при штабе Юго-Западного фронта находилась 21-я кубанская казачья особая сотня. Всего Кубанское войско выделило около 30 таких сотен.

По инициативе А.Г. Шкуро в конце 1915 г. из казаков-кубанцев организуется «Кубанский конный отряд особого назначения» для партизанских действий в тылу противника на Германском фронте. Чёрное знамя отряда с изображением волчьей головы, шапки из волчьего меха, боевой клич, подражающий волчьему вою, породили неофициальное название — «волчья сотня». А.Г. Шкуро совершал карательные рейды по тылам, взрывал мосты, склады, громил обозы. Отряд получил на фронте широкую известность и неоднозначную популярность... Барон П.Н. Врангель оценивал действия этого отряда негативно: «...Полковника Шкуро я знал по работе его в Лесистых Карпатах во главе «партизанского отряда». За немногими исключениями туда шли главным образом худшие элементы офицерства, тяготившиеся почему-то службой в родных частях. Отряд А.Г. Шкуро, во главе со своим начальником, действуя в районе 18 корпуса, в состав которого входила и моя Уссурийская дивизия, большей частью болтался в тылу, пьянствовал и грабил, пока, наконец, по настоянию командира корпуса Крымова, не был отозван с участка корпуса.» (Врангель П.Н. Записки. Ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г. Воспоминания. Мемуары. — Минск, 2003. Т. 1. С. 109).

Большая часть Кубанских казаков, своего рода спецназ Российской империи, сражалась именно на Кавказском фронте. Бои на Арарате, спасение армянского народа от поголовного уничтожения, беспримерные конные разведывательные рейды через территорию нескольких враждебных государств, крупнейшие сражения под Сарыкамышем и Эрзерумом, где русские, в первую очередь казачьи войска, одержали полную и безоговорочную победу.

В газете «Отклики Кавказа» за 5 июля 1916 г., в рубрике «Кавказский фронт», сообщалось: «Наступление наших войск к западу от меридиана города Эрзерума продолжают успешно; захвачен целый ряд новых турецких позиций; наши части находятся в 15 верстах от города

Байбурта. Лихие пехотные части, комплектуемые кубанскими и терскими казаками и руководимые генералом Крутенем, вновь значительно продвинулись вперед. Бой в районе к юго-западу от города Муша, несмотря на упорное сопротивление турок, развивается для нас успешно... Кубанцы при преследовании турок окружили часть отступающего 49 пехотного турецкого полка и после короткой схватки взяли его остатки в плен, причем был захвачен командир полка с адъютантом, 29 офицеров и 282 аскера, пулемет, полковая канцелярия и запасы патронов. К юго-западу от гор. Муша турки сбиты со всех своих сильно укрепленных позиций» (Отклики Кавказа. 1916. № 148).

В газете содержатся и перепечатки из других изданий. Так, здесь публикуются сведения из официальной газеты «Кавказ», издававшейся в Тифлисе. В сводке за 9 августа 1916 г. сообщалось: «Бои на Кавказском фронте принесли новое разочарование турко-германцам... Уже теперь всякая надежда нанести нашей Кавказской армии удар окончилась как в свое время мамахатунская авантюра. Перешедшая было на несколько дней в руки турок инициатива вновь взята в свои руки генералом Юденичем...» (Отклики Кавказа. 1916. № 180).

Положение дел на Кавказском фронте в конце 1916 года – начале 1917 года отличалось относительной стабильностью. Во многих номерах газеты в рубрике «Кавказский фронт» указывалось: «Без перемен». Но, начиная с февраля 1917 г., военные сводки пестрят сообщениями о победах русских войск на Кавказском фронте: «На биджарском направлении наши войска, преследуя противника, ведут бой у Сенне. На хамаданском направлении наши войска овладели Асад Абадским перевалом и преследуют турок, отступающих на Тянгавер. На Довлет-Абадском направлении преследование турок продолжается» (Отклики Кавказа. 1917. № 43).

Кубанские казачьи части обнаружили наибольшую степень надежности и мобильности, а сами казаки – высокий боевой дух и отменную воинскую выучку. Потери среди них были наименьшими. Многие казаки были награждены орденами и медалями.

В.А. Савельев

О поземельных отношениях крестьянства и казачества на Дону и Кубани в начале XX в.

Необходимо отметить, что на Северном Кавказе, в частности, на Дону и Кубани, аграрные отношения носили несколько иной характер, чем в Центральной России. Особенностью казачьего региона являлось слабое развитие помещичьего землевладения, которое составляло 352 тыс. дес. или 6% от общего количества обрабатываемой земли. К тому же, эта площадь постоянно сокращалась за счёт продажи крестьянам-переселенцам (История Советского крестьянства. Крестьянство в первое десятилетие Советской власти (1917 – 1927 гг.). М., 1986. С. 27). Такая же тенденция наблюдалась и на Дону. К началу XX в. площадь помещичьего землевладения здесь составляла 1005.45 тыс. десятин.

(Электронный ресурс: http://grants.rsu.ru/osi/Don_NC/XIXend-XX/Sels_xoz_zemled.thm).

Основную часть земельного фонда в регионе занимали казачьи земли. В то же время казачество в начале XX в. не было преобладающим по численности населением. Так, по переписи 1897 г. в Области войска Донского насчитывалось 40% казаков (1 026 163 чел.), а коренных и иногородних крестьян – 1 222 621 чел. (48%). Казачье население преобладало в 1-м и 2-м Донских, Усть-Медведицком и Хопёрском округах. В Донецком и Сальском округах казаки лишь немного превосходили численностью представителей вневойсковых сословий, зато последние имели большинство в Черкасском, Ростовском и Таганрогском округах.

(Электронный ресурс: http://grants.rsu.ru/osi/Don_NC/XIXend-XX/Soc_razv_Ref.thm).

Такая же тенденция наблюдалась и на территории Кубани. Приток в конце XIX в. иногороднего населения в регион привёл к тому, что количество семей иногородних (141.474 тыс.) превысило количество семей казаков (126.666 тыс.) (Население Кубанской области по данным вторых экземпляров листов переписи 1897 г. Екатеринодар, 1907 – 1908. С. 548). В начале XX в. численность вневойскового населения относительно казачьего составляла 55,4% (Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 1. Ставрополь, 1906. С. 14).

Данная ситуация, несомненно, оказывала влияние на экономическое мышление как казачества, так и крестьянства. В результате «диалога культур» происходили процессы, в ходе

которых осуществлялся взаимообмен хозяйственным опытом, что, в свою очередь, приводило к обоюдным подвижкам и в хозяйственных представлениях данных социальных групп.

Следует отметить, что проживающее на территории региона крестьянское население испытывало острый недостаток земли. По данным Министерства финансов, в 1900 г. донские крестьяне в совокупности имели 1 116 тыс. дес. земли, из них 526 тыс. наделной и 590 тыс. купленной. Всего же по области на конец XIX в. числилось 14 543 053 дес. Земли (Шершенко А.И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. 1. Ставрополь, 1906. С. 14). В начале 1905 г. в Донской области большая часть крестьянского населения имела от трёх до пяти десятин земли на двор, что в три раза было меньше чем на Кубани (Юго-Восток. 1922. №2. С. 46), где в 1899 г. войсковые земли охватывали 79% земельных угодий (Доклад о результатах командировки начальника Главного управления казачьих войск генерал-лейтенанта Щербов-Нефедовича в 1899 г. в Кубанскую и Терскую области. СПб., 1902. С. 3). В целом же, по утверждению Б.А. Трёхбратова, в конце XIX в. кубанскому казачеству принадлежало 90,5% земельного фонда (Трёхбратов Б.А. История Кубани с древнейших времён до нач. XX века. Краснодар, 2000. С. 289).

Казачи в личной собственности земли не имели, как правило, она принадлежала обществу – юрту и находилась у отдельных казаков в пожизненном пользовании. Достигший семнадцати лет казак получал надел пропорционально юртовой земле и населению станицы. В результате подобного принципа наделения землёй нередко выходило, что в некоторых станицах казаки имели надел в 16 – 20 десятин, а в других 3 – 4 десятины (Кушетёров Р.М. Аграрная политика Советского государства. М., 1997. С. 62).

В связи с этим, для Дона и Кубани было характерно не только крестьянское малоземелье, что отображало общероссийское положение этого сословия, но и недостаток земли в среде беднейших и части середняцких казачьих хозяйств. Коренное и «иногороднее» крестьянство вместе с вышеперечисленными слоями казаков требовали отчуждения части земельного фонда, находящегося в основном в руках зажиточных слоёв казачества. Именно эта социальная группа являлась основным держателем земли в регионе. Так, в начале XX в. из общего числа казачьих хозяйств Дона зажиточных насчитывалось от 20 до 24% (середняцких хозяйств – 50 – 52%, бедняцких – 24 – 30%) (Козлов А.И. На историческом повороте. Ростов-на-Дону, 1977. С. 113; Воскобойников Г.А., Прилепский Д.К. Казачество и социализм. Исторические очерки. Ростов-на-Дону., 1986. С. 7).

Для обработки своей земли зажиточные казаки прибегали к использованию наёмного труда. В качестве батраков в основном выступали крестьяне, хотя, случалось, батрачили и обедневшие, маломощные казаки. Зажиточные станичные казаки брали в аренду на выгодных для себя условиях паи нуждающихся казаков и нередко переарендовывали их иногородним крестьянам. За счет практики такой субаренды богатые станичники увеличивали свои доходы. Такой способ хозяйствования во многом был схож с эксплуатацией крестьянского труда помещиками центральных областей страны и в целом не способствовал развитию новых хозяйственных представлений крестьянства и казачества.

В ситуации недостатка земли крестьянам не виделось иной хозяйственной перспективы, как вступать с казачеством в арендные отношения, причём зачастую на кабальных условиях. Кроме казачьих паёв арендовались и земли войскового запаса. На Дону казаки арендовали около 18,6% (Электронный ресурс: http://grants.rsu.ru/osi/Don_NC/XIXend-XX/Sels_hoz_zemltd.thm.) земель этой категории, а остальные – в основном крестьяне и крестьянские общества. Но войсковой запас также постоянно сокращался, так как земли из него выбывали (на прирезки юртам или организацию новых юртов, под промышленные концессии, строительство железных дорог и т.п.).

Аренда земли получила распространение в трёх видах. Первый из них – единоличная аренда, характерная в основном для более богатых крестьян. Второй вид назывался артельной или «компанейская аренда». Этот вид аренды был популярен в среде середняков и бедноты. Подобный же вид аренды процветал и у казаков (около 27% арендованных земель обрабатывались казаками в «супряге»). Третий вид аренды предусматривал условия выплаты части урожая – «скопщина». Уже на этом этапе проявляют себя различные варианты землепользования, что определялось изначальной многоукладностью крестьянского хозяйства.

Безземельное крестьянство, расселявшееся по казачьим станицам и хуторам, было поставлено в положение бесправных, подчинённых станичной администрации, «иногородних». В мелкой крестьянской аренде на помещичьих и казачьих землях получили широкое распространение кабальные формы. Арендаторам приходилось платить посаженную плату – налог от 24 до 120 рублей в пользу станичной администрации (ЦДНИКК. Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1171. Л. 4), тогда как

арендная плата в довоенный период в среднем составляла 15 – 20 рублей за десятину (ЦДНИКК Ф. 2830. Оп. 1. Д. 1171. Л. 5).

Хозяйственная деятельность крестьян, владевших усадьбами участками в станицах, сковывалась такими ограничениями, как запрещение свободного строительства и ремонта пришедших в ветхость жилых и хозяйственных построек; часто встречался запрет на пользование станичным лесом, выгоном, камышом, водами и т.д. (Революционное движение на Кубани в 1905 – 1907 гг. Краснодар, 1956. С. 56). Поэтому крестьянство не было довольным тем, что его хозяйственную инициативу искусственно ограничивают, стремилось к самостоятельности, но без собственного земельного надела эта проблема не могла быть принципиально разрешена.

Таким образом, можно констатировать не только своеобразие земельных отношений в рассматриваемом регионе, но и их потенциальную социально-классовую взрывоопасность. К выявленным особенностям следует отнести сравнительно высокую обеспеченность казаков землёй и материальные возможности использования более совершенных средств производства. Кроме того, казачья община была неоднородна, что также способствовало размыванию единых представлений о целях и характере хозяйственной деятельности. Привилегированная казачья верхушка уже с начала XVIII в. демонстрировала стремление к росту своего личного достатка. Эти побудительные мотивы в последующее столетие способствовали расширению земельной площади и её более интенсивной обработке. Одновременно с этим крестьянство и часть казачества были ограничены в своих хозяйственных стремлениях естественным недостатком земли. Всё вышеизложенное и заложило внутренние предпосылки революционных событий в стране и регионе, предопределило революционную направленность крестьянского движения, основной целью которого стало решение земельного вопроса.

А.М. Бровко, В.И. Казанков

Атаман С.К. Яценко и основание Бесскорбненской учительской семинарии

Во время атаманского правления Степана Кузьмича Яценко в ст. Бесскорбной, в 1912 г., начинается строительство Учительской семинарии. Как вспоминают местные старожилы, у станичного правления, благодаря экономному ведению хозяйства, скопилась внушительная сумма, в несколько десятков тысяч рублей. Правление справедливо рассудило потратить эти деньги на какое-нибудь общепольное учреждение, а старики были за постройку новой кирпичной церкви. Степану Кузьмичу пришлось даже прибегнуть к непопулярным мерам: чтобы отстоять идею строительства семинарии пришлось прибегнуть к аресту ретивых противников просвещения, в том числе и своего отца. Также надо было доказать необходимость строительства семинарии перед руководством Лабинского отдела и Войска. В результате, на общем сходе станичников казаки большинством голосов всё же постановили ассигновать имеющуюся сумму на открытие в Бесскорбной учительской семинарии. Следует отдать должное мудрости наших предков, людей глубоко религиозных, но вместе с тем чутко осознающих насущные нужды и требования жизни, что позволило им сделать выбор в пользу педагогического учебного заведения, а не новой церкви. Часть суммы, необходимой для строительства семинарии, выделило, конечно, и войсковое правительство.

Строительство началось без промедления, 15 мастеров-каменщиков из г. Чугуева, под руководством Ивана Михайловича Морицева (в 1963 г. Морицев был ещё жив и присылал письмо на педколлектив школы с поздравлениями по случаю 50-летия семинарии) возводили стены, общее руководство стройкой вёл инженер Григорий Петрович Бережной.

В 1912 г. строительство велось до осени, была полностью отстроена подземная часть здания и возведены стены до окон первого этажа, к строительству привлекалось и местное население, примерно 25 человек работали на стройке, выполняли гужевою повинность, доставляя строительные материалы из Армавира. Высокая сознательность, замешанная на патриотизме и гордости, придавали некий радостный смысл сопричастности каждого станичника к великому делу Просвещения. С весны 1913 г. стройка продолжалась и к концу года было возведено прекрасное 2-х этажное, Г-образное в плане, здание, выполненное из облицовочного кирпича на высоком архитектурно-строительном уровне. Фасад здания расчленен на три ризалита с кокошниками, средний ризалит – центральный вход, отмеченный изящным кованым балконом на двух чугунных

колонах. Внутри здания планировка коридорная, с односторонним размещением помещений, на второй этаж ведёт лестница с перилами из ажурных кованых наборных элементов, напольную плитку в вестибюлях клали мастера из Арзамаса.

Семинария была прекрасно оборудована, кроме светлых классов на верхнем этаже разместился и просторный актовый зал со сценой, имелись спортзал, богатая библиотека, современные по тем временам химический и физические кабинеты. Абсолютно невероятные темпы строительства до сих пор поражают воображение современников. Здание прекрасно сохранилось и по сей день служит украшением станицы. Конечно, от уровня современных требований заметно отстает инженерная начинка, но крепкая конструкция, просторные коридоры-вестибюли, удобная планировка с большими помещениями для классов, высокими потолками, звуконепроницаемыми стенами, дубовыми и каменными полами, светлыми большими окнами с мраморными подоконниками, водяным отоплением и прочими элементами, выполненными выше всяких похвал, по самым взыскательным меркам строительного искусства, до сих пор соответствуют условиям высокого качества и комфорта. По большому счёту, это самое грандиозное здание в Бесскорбной, даже в советское время ничего подобного больше не возводилось.

Были также построены надворные постройки-сарай, погреба, конюшня для лошадей. Содержалась всё это на средства местного бюджета.

Немалую сумму на строительство семинарии выделила вдова войскового старшины Варвара Михайловна Несмашная. Она проживала в Бесскорбной и была крупной землевладелицей, продав все свои земли и имущество, она направила полученные средства на благо родной станицы. На её деньги была построена также и одна из школ в Бесскорбной. В.Н. Несмашная регулярно жертвовала суммы на школьные принадлежности, одежду и обувь для бедных учащихся, на рождественские ёлки и подарки. В семинарском саду находилась великолепная беседка (внизу, примерно напротив автостанции), которую очень любила Варвара Михайловна и часто отдыхала в ней. В бывшем её доме находится сейчас поликлиника. Судьба В.М. Несмашной сложилась трагически, она умерла в начале 20-х годов, можно сказать под забором, выброшенная большевиками, а где похоронена – неизвестно. В сохранившихся документах находим, что «белая» власть, в отличие от «красной», заботилась о таких людях, как Варвара Михайловна, до самых последних дней:

1919 год. Глава 9. Декабрь. Протокол 383.

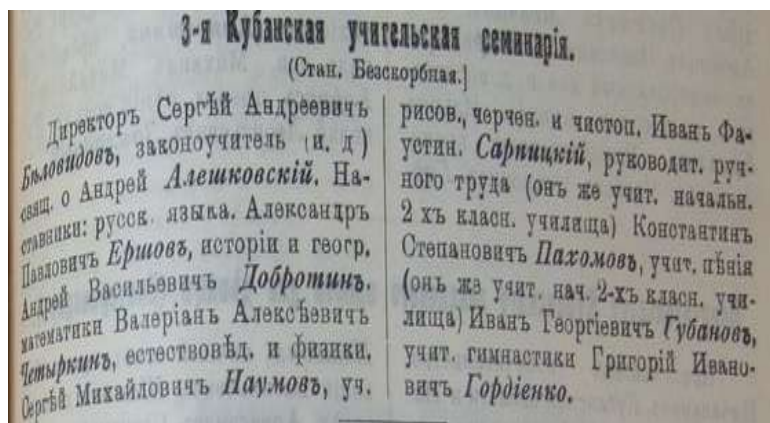
Слушали: 18. Доклад члена Правительства по Ведомству военному генерал-майора Звягинцева по вопросу о назначении пенсии вдове войскового старшины Варваре Михайловне Несмашной в размере 3 240 р. в год, начиная с 1 августа 1918 г. и % надбавку с 1 января 1919 г. **Постановили:** Согласно п.6 ст. 96, п.1 ст. 101, ст. 111, п.5 ст. 115 пенсионного устава Кубанского края, утвержденного 11 июля 1919 г., назначить вдове войскового старшины Варваре Михайловне Несмашной пенсию в размере три тысячи двести сорок(3 240) р. в год, начиная с 1 августа 1918 г. и % надбавку с 1 января 1919 г. с выдачей таковых из Екатеринодарского казначейства.

В 1914 г. семинария была торжественно открыта, она получила название 3-й Кубанской учительской семинарии. Первым её директором был Сергей Андреевич Беловидов, историк по образованию. Вместе с учениками-семинаристами пополнилось и учительское сообщество станицы. Учителями, именовавшимися «наставниками», были ряд лиц с университетским образованием – В.А.Четыркин, окончивший Одесский университет, А. В. Добротин, из Ярославского юридического лицея, А.П. Ершов из Московского Университета и др.

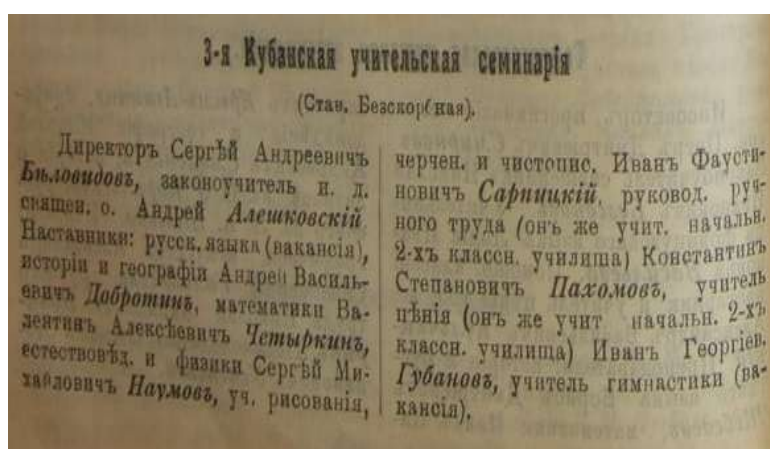
В 1916г. директором становится Евгений Игнатьевич Коровницкий, русский язык вёл Вадим Константинович Матюхов, математику – Михаил Иванович Фролов, ручной труд преподавал Иван Максимович Плахов.

Слушатели Бесскорбненской учительской семинарии изучали следующие предметы: русский язык, литературу,

Штат учителей семинарии в 1914 г.

Штат учителей семинарии в 1915 г.

математику, физику, химию, минералогию, зоологию, ботанику, гигиену, историю, экономическую и физическую географию, Закон Божий, церковно-славянский язык, чистописание, рисование, пение, логику, педагогику и методику преподавания естествознания. При изучении каждого учебного предмета общеобразовательного блока на первый план выдвигалось его практическое значение в качестве предмета преподавания в начальной школе. Поощрялись внеклассные занятия, чтение, рисование, пение, а также садоводство, пчеловодство, ручной труд, столярное, кузнечное дело.

В семинарии изучались все учебники начальной школы и метод руководства к ним. Практиковались сочинения на педагогические темы, педагогика со всеми вспомогательными дисциплинами стала обязательным и важным элементом педагогического образования, велись протоколы анализа уроков. Семинаристы закрепляли свои профессиональные навыки на педагогической практике в станичных училищах, где вели уроки некоторые преподаватели семинарии.

Пробные уроки воспитанников были под постоянным наблюдением директора семинарии и подвергались его тщательному анализу. Пробные уроки считались важнейшей частью всей теоретической и практической подготовки. Для более углублённой теоретической и практической подготовки учащиеся писали годовые сочинения на литературно-педагогические темы, которые включали анализ собственного практического опыта, полученного на педпрактике.

Основной формой занятий в учительской семинарии был урок, продолжительность которого составляла 50 минут. Он включал в себя проверку домашнего задания, объяснение нового материала и закрепление изученного путем собеседования. Регулярно устраивались музыкальные и литературные вечера, был свой духовой оркестр, ставились любительские спектакли. Обычно в день проходило 5 уроков.

До революции в Бесскорбненской семинарии обучалось 120 слушателей и работало 8 учителей. При семинарии был посажен прекрасный сад в 15 десятин, который находился возле р. Уруп. Его остатки и сейчас ещё можно определить по кустам боярышника, шиповника и кизила.

Отметим также, что учительская семинария, являлась сословно-представительным учебным заведением, на обучение принимались прежде всего жители Кубанского казачьего войска, которые и составляли основной контингент учащихся. Право на получение стипендии, на содержание имели исключительно лица казачьего сословия. Желаящие же получить такую стипендию, но не принадлежащие к казачьему сословию по рождению, а лишь приписанные к нему по месту жительства, обязаны были предоставить некоторые справки о семейном и материальном положении, на основе которых и могла решаться судьба молодого человека. Стипендия Кубанского войска назначалась и в качестве поощрения для лучших учеников «образцовой школы» при семинарии. При семинарии, для будущих учителей, существовал пансион (общежитие). Кубанская администрация не скупилась в средствах, помогая получить образование своим наиболее способным землякам. Благодаря общим заботам и стараниям Бесскорбненская семинария быстро превратилась в первоклассное учебное заведение.

В целом, до 1917 г., система народного образования достигла определённых успехов как в общероссийском масштабе, так и в границах территории Кубанского казачьего войска, и даже позволила Кубани опередить некоторые российские регионы. Факты опровергают расхожий тезис о том, что до 1917 г. уровень образования в России был крайне низким. Традиционный большевистский вывод о том, что «царское правительство стремилось всячески заглушить в народе интерес к просвещению, вернуть его в «темное царство». И так было вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции», звучит как на примере Бесскорбной, так и всей Кубани неубедительно. Стремительные события, которые произошли после 1917 г. не дезорганизовали народное образование. Как мы видим, подготовка учителей даже в прежних масштабах не прервалась – семинария работала и в годы Гражданской войны (1918 – 1920). Выявленные документы свидетельствуют, что даже в это грозное время казачье правительство находило время для решения проблем народного образования.

1919 год. Глава 9. Декабрь. Протокол 362

Слушали: 17. Доклад члена Правительства по Ведомству народного просвещения по вопросу об утверждении в занимаемых должностях и.д. директора Новомалороссийской смешанной гимназии Н.Кулика с 1 октября 1919 г., и.об. директора Бесскорбненской учительской семинарии А.Ф.Снарского. *Постановили:* Утвердить Н.Кулика в должности директора Новомалороссийской смешанной гимназии с 1 октября 1919 г., А.Ф.Снарского в должности директора Бесскорбненской учительской семинарии с 1 июля 1918 г.,

По решению Народного комиссариата просвещения в июле 1920г. Бесскорбненская учительская семинария была преобразована в 3-х летние педагогические курсы. В этот период здесь обучалось 130 человек. Преподавательский состав на курсах остался почти прежним. Список изучаемых предметов расширился и приобрел явно политизированный характер. Из учебных планов были исключены Закон Божий и Церковно-славянский язык. При поступлении теперь учитывалось классовое происхождение. При зачислении в педагогический техникум приоритет имели рабочие, «трудовые крестьяне» из бедняков, воспитанники детских домов, красноармейцы, представители командно-административного и политического состава Красной Армии, флота и ОГПУ, а также их дети, инвалиды Красной Армии и флота и их дети, дети сельских работников просвещения, участковых врачей и агрономов.

Слушатели курсов изучали литературу, химию, физику, математику, политэкономия, естествознание, учение о государстве, социологию, историю социализма, рабочее движение, историю педагогических идей, общую и педагогическую психологию, логику, гигиену, рисование с методикой, пение, посещали уроки физкультуры. Недостатками обучения на курсах были отсутствие специально выделенных в учебном плане часов для изучения методики преподавания предметов и совершенно необъяснимое игнорирование педагогической практики. Основными формами учебного процесса стали лекции и практические занятия. На третьем курсе учащиеся давали пробные уроки. Ввиду того, что потребность в учителях начальной школы в стране не только не ослабевала, но и с объявлением правительственной программы «ликбеза» стала ещё острее, Народный комиссариат просвещения был вынужден отказаться от мысли о всеобщей подготовке учителей с высшим образованием.

На первом этапе было решено ограничиться налаживанием массовой подготовки учителей начальной школы со среднеспециальным образованием. Поэтому Бесскорбненские учительские курсы решением Коллегии Наркомпроса в июне 1921 г. были реорганизованы в Педагогический техникум. Срок обучения при этом увеличивался до 4 лет.

В ряде современных исследований утверждается, что Бесскорбненская семинария (педтехникум) просуществовала до 1923 – 1924 г. В армавирской газете «Трудовой путь», за 17 июня 1923 г. была опубликована статья «К вопросу о переносе педтехникума из станицы Бесскорбной в Армавир». Из этой заметки армавиры узнали, что недавно отпраздновавшая свой 10-летний юбилей Бесскорбненская учительская семинария, преобразованная в педтехникум, с будущего учебного года переводится в Армавир. Как отмечал автор статьи, «с обывательской точки зрения станице жаль лишаться этого культ-рассадника, но с другой стороны, семинария настолько отстала от текущего темпа жизни, что для ее поднятия до уровня современности необходима основательная революционная встряска. В этом смысле перевод педтехникума в г. Армавир, как культурный центр Юга Кубани, вполне обоснованная мера». В июле 1923 г., по решению Народного комиссариата просвещения, Бесскорбненский педтехникум был переведен в Армавир и переименован в Армавирский педагогический техникум. Это учебное заведение разместилось в здании бывшего Александровского училища. Здесь же с 21 января 1921 г. уже действовала советская партийная школа Лабинского отдела, в которой местные активисты коммунистической партии и агитаторы совершенствовали свои знания по политэкономии, идеологии, марксизму и т.п. Преподавателями педтехникума стали некоторые учителя Бесскорбненской учительской семинарии. Размышляя о причинах перевода Бесскорбненского педагогического техникума в Армавир, автор уже упоминавшейся статьи, опубликованной 17 июня 1923 г. в газете «Трудовой путь», отмечал: «Обстановка работ педтехникума в истекающем учебном году говорит также в пользу проводимого в жизнь перевода. Так – педагогический персонал сократился до минимума, влача жалкое существование на крохи, созданные самообложением учащихся; все они голы, босы и полуголодны. Дивный сад в 15 десятин отобран Исполкомом. Культурный уровень учащихся отдает плесенью местной обывательщины. Самодеятельности среди них почти никакой. Учебно-воспитательный клуб у них работает вяло, лишь изредка освежаясь спецлекциями преподавателей... Ни газет, ни журналов. Богатая библиотека работает слабо. К сожалению, одной из основных причин указанной обстановки была почти полная заброшенность данного высокоценного рассадника культуры. Город с его бьющею ключом политической жизнью, его театрами, музеями, клубами, выставками, экскурсиями – вновь вольет живую душу в педтехникум и вознаградит станицы очередными выпусками подготовленных учителей трудовой школы».

Однако, рассказы местных жителей и некоторые обнаруженные определённые факты (в станичном музее есть фото учащихся педтехникума, датированное 1932 годом) позволяют предполагать, что семинария (педтехникум) в Бесскорбной была упразднена только *после 1933г.*

Так, И.Антюшин в статье «Добрый – добрая слава» (газета «Рассвет» Успенского района за 20.07.2010 г.), со слов Дмитрия Ивановича Точинова, который был комиссаром народного образования Лабинского отдела, потом директором Бесскорбненской семинарии (педтехникума), пишет следующее: «А после окончания гражданской войны Д.И.Точинов вновь берется за свое кровное дело: преподает в школах Армавира историю, а в начале 30-х годов возглавляет учительскую семинарию в станице Бесскорбной. Здесь он и встретился со своим однополчанином времен первой мировой войны - с моим отцом Наумом Акимовичем Антюшиным. Эта встреча определила судьбу нас, четверых детей Наума, его внуков и правнуков. Бесскорбненскую семинарию окончили мои старшие брат и сестра, двоюродные братья Савелий и Афанасий.

Вместе с ними обучались Екатерина Николаевна Вяткина, Евдокия Григорьевна Губарева, Федор Федорович Кретов из Новокубанска. Отдав свои жизни школе, они долгие годы поддерживали между собой дружеские связи. Многие тогда получили заветную путевку в жизнь, окончив Бесскорбненскую семинарию. А ведь то было время голодомора на Кубани - 1932-1933 годы. Но Д.И.Точинов, как крестьянский сын, организовал при семинарии подсобное хозяйство, поэтому учителя и студенты относительно легко пережили те суровые времена на Кубани».

После выхода материала И.Антюшина «Добрый – добрая слава», в газету «Рассвет» пришёл отклик Н.Целых из с.Успенского, который приводит воспоминания своей матери Полины Васильевны Целых (в девичестве Бойко) о её учебе в Бесскорбненской педагогической семинарии, в которую она поступила в далеком 1932 году(!). И факты можно ещё продолжать. Где же здесь истина?

Что это – неточность историков, или сознательное искажение исторических событий. Учитывая, что в это время (1933г.) и в ст.Полтавской также был ликвидирован педтехникум (тоже бывшая учительская семинария), напрашивается определенный вывод – голодомор проводился параллельно с массовым уничтожением казачьей культуры, казачьего образования и

интеллигенции, а сокрытием истины и фальсификацией большевизм пытался скрыть свои жесточайшие преступления перед собственным народом.

Трагично сложилась судьба, стоявшего у истоков Бесскорбенской учительской семинарии станичного атамана *Степана Кузьмича Яценко*, а также всей его семьи. По сохранившимся сведениям, родители Степана Кузьмича были хопёрскими казаками, было у них шесть сыновей и три дочери. После женитьбы трёх старших братьев за стол садились сразу четырнадцать человек, а затем появились и внуки! Трудились сначала все под началом отца, работали, не покладая рук, для содержания большой дружной семьи. Занимались хлебопашеством, разводили скотину, птицу. Все дети учились, будущий атаман закончил три класса. Потом была «действительная», с которой Степан Кузьмич вернулся с полным сундуком книг. Сразу после службы Яценко женился на вдове Федосье Дмитриевне, взяв её с двумя маленькими дочками, став для неё верным другом, а для её дочерей родным отцом. Летело время, Степан Кузьмич выделился из семьи отца и начал жить самостоятельно. Жизнь начиналась почти без личного имущества, потребовались огромные усилия, чтобы стать на ноги – построили свою хату, которая сохранилась до нынешних времён, постепенно прирастало хозяйство, прибавлялась и семья – Федосья родила Степану Кузьмичу ещё четверых (по другим данным пятерых) дочерей – так что хлопот хватало.

Трезвого, грамотного, хозяйственного и справедливого Степана Кузьмича уважали в Бесскорбной. И не случайно, что его, 27-летнего казака, в 1908 году станичное общество избирает атаманом. На этой должности Степан Кузьмич прослужил до начала 1918 года. Зарекомендовал себя как администратор идеальной честности, поборник народного образования и хозяйственных интересов рядовых казачьих масс. Станичники уважали и высоко ценили своего атамана как отзывчивого и разумно строгого, не терпящего нарушений и уважающего порядок человека.

Особенно значителен был вклад Яценко в дело народного просвещения в родной станице. Он был инициатором и руководителем строительства народных училищ: «Неграмотный казак – не казак». Построенные по краям станицы училища преобразили и до сих пор украшают станичные окраины, строились школы также и для иногородних. И, конечно же, самой значимой заслугой Степана Кузьмича является организация и строительство среднего специального учебного заведения – Бесскорбенской учительской семинарии, на которую возлагалась задача «действительного обслуживания образовательных нужд родного края».

Много времени Степан Кузьмич уделял самообразованию. Вспоминает Надежда Степановна, одна из дочерей С.К. Яценко: «К сожалению, прожить рядом с отцом мне привелось недолго. Но хорошо помню, что Степан Кузьмич очень любил книги, которых в доме было немало. Учился он и в армии, и дома. Даже в перерывы во время работы в поле он всегда брал в руки книгу...»

К дореволюционному образованию на Кубани до сих пор наблюдается пренебрежительное отношение. Его подвергают критике и постоянно указывают на неспособность ликвидировать полностью неграмотность, внимание историков всегда сосредотачивалось на выделении негативных черт и всегда подчеркивалось превосходство советской системы. А между тем, это абсолютно не так. Очевидцы постоянно отмечали довольно высокий уровень развития кубанских станичных школ. Система образования в Кубанской области быстро совершенствовалась.

Сохранилась записка инспектора народных училищ второго района Кубанской области Е. Григорьева. В ней он ёмко характеризует школьное образование на Кубани: «Кубанская дирекция народных училищ по размаху организации всего школьного дела и должной постановке учебно-воспитательной части занимает одно из первых почётных мест в Российской империи». В те времена русское правительство, во главе с П.А. Столыпиным, хорошо осознавало тесную зависимость экономического и политического развития страны от уровня просвещения и профессиональной подготовки населения. Был разработан даже проект «О введении всеобщего начального обучения в Российской империи», были разработаны и типовые образцы школьных сетей – начальных и высших начальных училищ, составлены необходимые инструкции, планировалось повышение заработной платы учителям. Не всё, конечно, получило законодательное разрешение, но правительство Столыпина приложило массу организационных решений, чтобы «становящая личность» была грамотной. От этого, без преувеличения, зависел успех столыпинских реформ. За 1907 – 1911 годы ассигнования на начальную школу выросли в 4 раза: с 9 до 35,9 млн. рублей. Законом от 22 июня 1909 г. был образован специальный школьный строительный фонд, из которого отпускался льготный кредит на строительство школ. Поощрялась и частная инициатива в народном образовании. В контексте общего стратегического замысла модернизации и увеличения доступности образования был разработан пакет проектов в области подготовки учительских кадров.

Правительство ассигновало значительные средства для преодоления недостатков в подготовке учителей и улучшения их материального положения. Много было сделано и для высшей школы.

Степан Кузьмич Яценко был, безусловно, эффективным проводником этих замыслов правительства и, конечно же, настоящим патриотом своей станицы. Доказать необходимость учительской семинарии именно в Бесскорбной и получить разрешение на строительство было делом не простым как тогда, так и сейчас, наверное. Как это удалось Яценко, мы пока не знаем. Конечно, история сложилась так, как она сложилась, однако роль Степана Кузьмича по достоинству ещё не изучена и не оценена последующими поколениями бесскорбненцев. В истории станицы ещё немало белых пятен, заполнение которых потребует не только самоотверженного труда исследователей, но и ещё некоторым смелости, необходимой для того, чтобы перешагнуть через догмы исторической науки советского периода.

Мы изучали историю по учебникам, в которых далеко не всегда говорилась правда. Атаман казачьей станицы, как правило, изображался так – человек жестокий, малограмотный, беспощадно злой, уничтожавший коммунистов и красноармейцев. В тех учебниках было прописано, что гуманизм революции заключался ещё и в том, что “сын за отца, а отец за сына не отвечает”, и мы не знали, что дети «врагов народа» навсегда лишались тех равных возможностей, которые должны быть одними из главных основ демократического общества. Судьба С.К. Яценко и его семьи – ещё одно свидетельство казачьего геноцида и классовой «справедливости» того далёкого времени.

В 1994г. Фоменко И.Д., основатель народного музея в ст.Бесскорбной, известный краевед Ложкин М.Н. и атаман Бесскорбненского казачьего круга Бровка А.М. с казаками навестили Надежду Степановну – дочь С.К. Яценко, проживавшую тогда в селе Дмитриевском Ставропольского края. Надежда Степановна показала интересный документ, который она бережно хранила всю жизнь

От Педагогического Совета Бесскорбненской учительской семинарии.

«Гражданин Степан Кузьмич Яценко является инициатором народного образования в Бесскорбненской станице. Благодаря его усиленным трудам и популярности среди местного населения в 1912г. была им создана наша учительская семинария, которая ежегодно выпускает кадры народных учителей, обслуживающих Кубанскую область. При его горячем участии в нашей станице открыта общественная смешанная гимназия и несколько начальных народных школ в короткий промежуток времени. Его же стараниями открыты ремесленно-учебные мастерские для насаждения в трудовом населении сапожного, столярного, кузнечного и других ремесел. Такие люди, как Степан Кузьмич Яценко, крайне ценны своей любовью к народному просвещению. Почему весьма важно иметь его в рядах деятелей по народному образованию».

Председатель Педагогического Совета ... (подпись).

Члены Педагогического Совета ... (подписи).

6 марта 1920г.

Эта характеристика благонадёжности, выданная на бланке директора Бесскорбненской учительской семинарии, казалось, должна была защитить семью С.К. Яценко от тех бед, которые им пришлось пережить с приходом «красных». Однако этого не произошло.

Из дневника Надежды Степановны: *«Когда началась гражданская война, отец ещё работал в станичном правлении. Вечерами к нему стучали какие-то «станичники», предлагали уехать. В это время мама и старшая сестра болели тифом, потому отец не мог этого сделать. Потом стали угрожать убийством...»*

Пришлось уехать сначала в Новороссийск, а оттуда за границу. Денег отец нам не оставил, всё ушло для строительства мельницы для станицы, которую он так и не достроил...»

Степан Кузьмич, как и десятки тысяч других кубанцев, оказался на чужбине – за границей. Много было среди эмигрантов и бесскорбненцев, держались все вместе, остановились в Сербии. Что пережил отец большого семейства, можно только предполагать. Что пережила жена, без мужа-эмигранта, «врага народа» и «чуждого элемента», с дочерьми в Бесскорбной, в обстановке подозрительности, травли, унижения, злобы и презрения, об этом можно догадываться. Семья осталась практически одна среди чужих людей, большинство сторонилось семьи атамана, хотя, может быть, и уважали, другие – открыто издевались. Долгое время никаких вестей от отца не было. Не хватало хлеба, жизнь становилась всё труднее.

Но и это оказалось не самым горьким. Безжалостная государственная машина тогда работала без остановки, перемалывая неудобные жизни. Вскоре всем детям «бывшего атамана»

запретили учиться в школе. В тех самых школах, которые он Яценко, когда-то строил. В одном из писем Степан Кузьмич писал: *«Дорогая моя дочь Варя, я не когда не думал, что мои дети останутся за бортом школы. Старался строить школы для всех детей; и бедных и богатых. Твой плач я слышу на далёкое расстояние. Рву на себе волосы, осознавая, что ничем не могу вам помочь...»*

Письма от атамана приходили не часто, наполненные сердечной болью о семье и Родине. В 30-е годы переписка с границей прекратилась.

Семья Яценко сначала работала на подёшшине. В 1929 году вступили в колхоз. Пару волов и бричку увели на общий двор. Потом пришли плотники и разобрали два сарая на доски, которые понадобились для колхозной стройки. Дальше – хуже. «Станичный актив» ходил по дворам и подчистую выгребал зерно, муку, крупу, фасоль, «ломаю саботаж» во имя безумных планов хлебозаготовок. Братья у Яценко особо было уже нечего, забрали утварь – тарелки, корыто, сельхозинструменты... Семью практически разорили. Хотели «припаять» расстрельную статью – «эксплуатацию рабочего класса», но не смогли – семья трудилась сама, батраков никогда не нанимала. Не «выгорел» эксплуататор! Начались аресты за так называемый «саботаж», забирали всех подряд, даже домохозяек. Дочери, боясь за мать, уговорили уйти к старшей дочери.

Из дневника Надежды Степановны: *«В период, когда со всех колхозников брали большие налоги, ходил по станице актив из молодёжи. Со штыками отыскивали они ямы с зерном, сначала у зажиточных, потом у всех подряд. Когда уже нечем было платить, отбирали скот и всё, что есть в доме. Так мы остались с одной кроватью и одним одеялом на всех. Всё чаще и чаще старших в семье стали забирать в тюрьму. Под угрозой находилась жизнь матери. Чудом она осталась жива, уехав накануне ареста далеко от этих мест».*

Вскоре была арестована Евдокия (Евронья) – старшая дочь, и отправлена в Армавирскую тюрьму. Тюрьма стала символом того времени. Несчастная умерла в тюремной больнице, у неё осталось трое малолетних детей.

Продолжать сколько слез и горя перенесла эта семья можно долго – бесконечные увольнения с работы по доносу «доброжелателей», которые каким-то образом узнавали происхождение сестёр; были переходы из одного селения в другое длиною 60 – 70 км зимой, в мороз, налегке, без одежды и еды, чтобы остаться в живых.

Несмотря на всю эту страшную, бесчеловечную действительность, всю тяжесть пережитого, у дочерей С.К. Яценко не опустились руки, не загубили души. Надежды получить образование и стать учителями не покидали сестёр всё это время. Хотелось хотя бы так быть ближе к отцу и делу его жизни. Много трудились, учились заочно, создали семьи, воспитывали и учили своих детей и сотни своих учеников, ставших достойными гражданами нашей Родины. Дочери не подвели своего отца, Степана Кузьмича Яценко, пережитое горе стало светлой памятью о нём. Анна Степановна, Ольга Степановна, Марфа Степановна и Надежда Степановна всю жизнь проработали учителями.

В конце 30-х годов пришли последние три письма от Степана Кузьмича: одно было адресовано председателю Бесскорбненского сельсовета, два других были адресованы местному врачу (Мартыненко?) и священнику. Но и этот «глас вопиющего в пустыне» не был услышан – сельсовет ответил ему отказом в оскорбительной форме (атаман, вероятно, хотел вернуться домой), а врач и священник помочь ему уже ни чем не могли, жестокие репрессии в скорости коснулись и их самих. Священнослужитель Георгий Букин, настоятель Скорбященской церкви станицы Бесскорбной, был арестован в конце 1937-го, а в начале 1938 года расстрелян...

Больше вестей от Степана Кузьмича Яценко не было, и где он похоронен – неизвестно.

П.В. Мультатули

Свержение монархии в России. Духовно-нравственные причины и последствия

В феврале-марте 1917 г. произошла трагедия мирового масштаба – исчезла великая православная цивилизация – Российская Империя. В результате хорошо организованного и спланированного государственного переворота, во время тяжелейшей войны, при соучастии некоторых представителей высшего генералитета, и даже некоторых членов царствующей династии, либерально-думскими заговорщиками насильственным путём был лишён престола и

арестован Государь Император и Верховный Главнокомандующий Николай II. Вслед за этим, путём подлога была упразднена вековая русская монархия. Причины, по которым заговорщики пошли на осуществление переворота в феврале 1917 г. – понятны. Либеральная оппозиция хорошо понимала, что грядущее весеннее наступление русской армии неминуемо будет успешным, и тогда у оппозиции не останется никаких шансов захватить власть. По этим же причинам оппозицию поддерживали и правящие круги стран Антанты.

Правительства этих стран, согласно секретному договору, который должен был быть обнародован весной 1917 г., подтверждали права России на Босфор, Дарданеллы, Константинополь, средиземноморскую Фракию и протекторат над Святой Землёй. Разумеется, союзники были готовы идти на всё, чтобы не выполнить свои же обязательства. Руководители переворота пытались изобразить свержение монархии, как результат всенародного волеизъявления. Но это была ложь. Даже Троцкий признавал: «Февральскую революцию, совершил Петроград. Нигде, кроме Петрограда, борьбы не было»[1]. В отличие от «пьяной» радости Петрограда, Россия хранила глубокое молчание. Появилось ощущение всеобщей страшной беды. Особенно это чувствовалось в армии. Генерал А. И. Деникин вспоминал, как восприняли в частях известие о так называемом «отречении» Николая II. «Войска были ошеломлены. По щекам старых солдат текли слёзы»[2]. Генерал барон П. Н. Врангель писал: «С падением Царя пала сама идея власти, солдат с готовностью умирал за Царя, но не желал умирать за «господ»[3]. Здесь мне бы хотелось привести слова моего прадеда полковника Императорской, а затем и Белой армии Владимира Петровича Беллика, разделившего затем горькую эмигрантскую судьбу сотен тысяч русских людей. Когда его, пережившего ужасы братоубийственной войны, спрашивали, какой день он считает самым страшным в своей жизни, прадед отвечал: «День, когда мы лишились своего Государя». И это чувство было вызвано не только монархическими убеждениями. Всем русским людям, не потерявшим совесть и не подпавшим под гипноз «феврализма», было ясно: гибнет не только монархия, гибнет – Россия. Важнейшей причиной гибели России стало оскудение любви. Прежде всего любви ко Христу. Для государя крестные муки Спасителя были ни прошедшими давно историческими событиями, а реальностью. Любовь ко Христу означала жить по Его заповедям. Так же испокон веков воспринимал Евангелие и простой русский народ. Но если Николай II и его семья до самой своей мученической кончины сохранили любовь ко Христу до полного самоотвержения, то в русском обществе происходило омертвление веры. Одновременно с оскудением любви к Богу у русской элиты оскудевала любовь к Отчизне и к её главе – царю. Отступничество от Царя – стало распространённым явлением в начале XX века. Об этом предупреждал ещё Ф. И. Тютчев:

И отповедью – да не грянет
Тот страшный клич, что в старину:
«Везде измена – Царь в плену!»
И Русь спасти его не встанет.

В 1917 году Русь не встала спасать своего царя. Государь Император Николай Александрович, верный Христу, долгу царского служения, самозабвенно любящий Россию, чистый душою – стал чужд и непонятен для большей части народа. Насильственно царствовать над народом, не желавшим больше признавать его своим Царём, Николай II не мог. В марте 1917 г. не Царь отрёкся от своего народа, а народ отрёкся от своего Царя. Русская монархия пала в результате заговора, но было бы в корне неверно сводить всё дело только к заговору. Неверно было бы также сводить всё дело только к революционерам. Слова государя «кругом измена, трусость, и обман» – это не метафора, а очень точное обозначение того, что произошло в России. Февральский переворот произошёл при полном равнодушии не только правящей элиты, но и Святейшего Синода, который отказался обратиться к народу с требованием прекратить беспорядки в Петрограде, остался безучастным к судьбе свергнутого Государя. А ведь ещё святой праведный Иоанн Кронштадтский предупреждал: «И чем бы мы стали, россияне, без Царя? Враги наши скоро постарались бы уничтожить и самое имя России, так как Носитель и Хранитель России, после Бога, есть Государь России, Царь Самодержавный, без Него Россия – не Россия». История со стопроцентной точностью подтвердила слова Преподобного. Враги Николая II называли его «слабым» и «безвольным». Но этот якобы «слабый» и «безвольный» царь в тяжелейших условиях духовного кризиса, смуты и войн, каждый раз находил выход из казалось бы безвыходного положения. При этом страна развивалась стремительными темпами, невиданно росли народонаселение и благосостояние народа. В начале 1917 г. Николай II привёл Россию к порогу победы в мировой войне. Даже в февральские

дни единственным, кто пытался организовать подавление бунта в Петрограде и отстоять монархию, был – Николай II. В 1927 г. большевистский публицист и журналист Михаил Кольцов был вынужден признать: «Спасал, отстаивал царя – один царь. Не он погубил, его погубили» [4]. Захватившие в феврале 1917 г. власть антицарские силы, меньше чем за год привели Россию к полному развалу и военному поражению. Сразу же после позорного Брестского мира, страна была ввергнута в Гражданскую войну. Жизнь человеческая перестала что-либо стоить, божьи заповеди были забыты, все духовные вековые ценности попорчены. По существу Гражданская война была конвульсией умирающего организма исторической России. В 1917 г. русская цивилизация распалась, а 17 июля 1918 г., в страшном подвале Ипатьевского дома – она исчезла. Ужас Екатеринбургского злодеяния заключается не только в самом его факте, но и в том равнодушии, с какой восприняло известие об этом злодеянии большая часть общества. Через много лет, в эмигрантском Париже, поэт Георгий Иванов напишет:

Эмалевый крестик в петлице,
И серой тужурки сукно.
Какие прекрасные лица,
И как это было давно.
Какие прекрасные лица,
И как безнадежно бледны:
Наследник, Императрица,
Четыре Великих Княжны.

Эти два слова «прекрасные» и «безнадежно» точно рисуют ужас положения: прекрасное – безнадежно ушло. Свержение монархии и злодейское убийство царской семьи сделало возможным явления безбожного большевизма, Соловков, Левашова, Бутова и ГУЛага. Русский народ потерял право иметь законного царя. И это трагедия космического масштаба. Возможно ли восстановление монархии в России? Вопрос этот на наш взгляд не находится в компетенции людей, он – принадлежит Богу. Ясно одно, что сегодня в России нет ни монарха, ни, самое главное, подданных. А подлинная православная монархия есть сосотрудничество монарха и подданных, которые заинтересованы в монархе и понимают его необходимость. Сегодня нужны не рассуждения о возможности или невозможности восстановления монархии в России, а работа по исторической реабилитации российской монархической государственности. Ведь до сих пор, монархия зачастую воспринимается в нашем обществе как нечто чуждое и враждебное, как будто в России тысячу лет была какая-то иная форма правления, нежели монархическая. Россия должна вести свой отсчёт не от 1917 г., и не от 1991, а от её святого крещения в Киеве святым великим князем Владимиром. Надо наконец понять, что марксизм, большевизм, либерализм, коммунизм, ультранационализм – есть чуждые России и привнесённые извне пагубные идеи. Об этом писал один из выдающихся разработчиков белой идеи генерал М. К. Дитерихс: «Никакими социалистическими, демократическими или иными земными законами и измышлениями человеческого разума, нельзя достигнуть истинного проведения в жизнь русского национального-религиозного, государственного строительства. Только одна новая заповедь о любви, данная Христом, является единственно верным путём и прочным фундаментом для строительства и существования здания Российского государства[5]. Это, конечно, вовсе не означает необходимость «железного занавеса» и отказа от всего лучшего, что накопило человечество за свою историю. Безусловно, что сегодня без использования этого опыта Россия не сможет двигаться вперёд. Кстати, история русской монархии имеет множество примеров, когда именно государи становились инициаторами и проводниками модернизации страны. Достаточно вспомнить императоров Петра Великого, Александра II и последнего государя. Но надо помнить, что многое из того, что хорошо и полезно для одной страны и народа, будет вредным и пагубным для другого. В этой связи как нельзя более актуально звучат слова Императора Николая II о том, что нельзя слепо «увлекаться западною культурою и попираť все чисто русские обычаи. Нельзя насаждать чуждое сразу, без переработки». России надо вернуться на свой вековой самобытный путь, насильственно прерванный в феврале и октябре 1917 г., путь, по которым шли наши предки. Да, он был тяжёлым и тернистым, но одновременно – великим и славным, а самое главное он был путём к Богу. Только вернувшись на этот самобытный путь, основываясь на тысячелетних духовных ценностях нашего народа, используя положительный мировой опыт во благо Отчизны, возможны и подлинные реформы, и подлинная модернизация страны.

Примечания

1. Троцкий Л. Д. История русской революции. Т. 1.
2. Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1 : Крушение власти и армии: Февраль – сентябрь 1917 года. М. : Наука, 1991.
3. Врангель П. Н. Воспоминания. М. : Терра, 1992. С. 26.
4. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л., 1927.
5. Генерал Дитерихс / ред. и сост. В. Ж. Цветков. М. : Посев, 2004. С. 562. (Серия «Белые воины»).

А.А. Коровин

Казачье самоуправление на Дону, Кубани и Тереке в революционный период (февраль 1917 – февраль 1918 года)

Февральская революция 1917 г. и последовавшая за ней гражданская война стали историческим событием, наложившим качественный отпечаток на всю новейшую историю нашей страны, определив во многом объективные и субъективные границы современных процессов в России и их историческую форму. Значимую роль в происходивших тогда событиях занимала ситуация во власти, сложившаяся в казачьих регионах Юга России.

В феврале 1917 г. действовавшая столетия монархическая система власти прекратила своё существование. Основной удар разнородных политических сил, принявших участие в революции, был направлен на разрушение самодержавной формы правления и всего того, на что она опиралась. Первые месяцы революции на Дону, Кубано-Черноморье и Тереке характеризовались формированием органов власти Временного правительства, Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, казачьих войсковых правительств. Однако только органы власти казачества формировались на основе уже действующей не одно столетие системы самоуправления войскового сословия (казачества). В изменившейся политической ситуации в стране происходила своеобразная адаптация казачьих регионов к новым реалиям постмонархической России. Наиболее ярко это проявилось в формировании системы казачьего самоуправления, которая учитывала революционную специфику борьбы за власть различных политических сил.

Накануне февральской событий донское, кубанское и терское казачество возглавляли наказные атаманы (М.Н. Граббе, М.П. Бабыч, С.Н. Флейшнер), наделенные правами генерал-губернаторов. В начале марта 1917 г. все они уходят в отставку. В первые дни работы Временное правительство не имело чёткого представления о характере организации власти на казачьих территориях. Но уже во второй половине марта 1917 г. Временное правительство обратилось к казачьим съездам, кругам с просьбой направлять свои предложения по вопросу совершенствования самоуправления казачества и облегчения несения военной службы[1].

Трезво оценивая складывающуюся ситуацию во власти, казачество региона предпринимает решительные шаги по формированию собственных органов управления. С 25 мая по 18 июня 1917 г. в Новочеркасске проходило собрание 1-го Большого войскового круга Войска Донского, на котором был избран атаманом генерал А.М. Каледин [2]. Войсковой круг выбрал курс на концентрацию власти в области в руках казачьего войскового правительства. На съезде уполномоченных от населенных пунктов Кубанской области, проходившем с 19 по 22 апреля 1917 г. в Екатеринодаре был избран областной совет во главе с исполкомом. Казачья часть съезда объявила себя войсковой радой и избрала войсковое правительство, которое возглавил Л.П. Быч, председателем Рады стал Н.С.Рябовол, войсковым атаманом – А.П.Филимонов [3]. В Терской области на начавшем 14 марта 1917 г. работу казачьем круге было принято решение об организации «хозяйственного правления» (6 человек) во главе с М.А. Карауловым, ставшим одновременно и войсковым атаманом [4].

Войсковые правительства с первых же дней своей деятельности стали проводить политику, направленную на защиту интересов казачьего сословия. В условиях политического плюрализма такой курс казачьих органов власти ставил их в оппозицию по отношению к структурам власти Временного правительства и Советов.

Изменения, произошедшие в организации власти войскового сословия, явились логическим завершением, сохранившейся в регионах после Февральской революции, системы казачьего

самоуправления. Особый статус казачества в бывшей империи, его самобытная культура, глубокие исторические корни также способствовали созданию высшего органа казачьего самоуправления. Очевидно, что «исполнительные органы» казачества «были созданы на базе прежней войсковой администрации». Именно поэтому они, обладая «реальной властью», стали «наиболее действенными в регионе»[5].

Самоуправление, как явление общественно-политической жизни определенной группы населения, возникает в эпоху, когда государство только зарождается и ещё не способно удовлетворить разносторонние потребности населения. Эти потребности начинают реализовываться самим населением, исключая органы власти государства [6]. Но постепенно, по мере укрепления, государство стремится «оцепить своим направляющим воздействием» все стороны жизни населения. На смену «первобытного государства с самым не сложным правительственным аппаратом» приходит «полицейское государство», в котором нет места «для общественной самостоятельности»[7].

Учитывая сказанное выше, становится понятно, почему казачество имело отличные от остального населения Российской империи институты местной власти. Особая форма самоуправления казачества основывалась на полицейско-бюрократической сущности, действовавшей в стране системы государственного управления. «Жажда свободы и стремление к народоуправству, – считает казачий историк Щербина Ф. А., – были прямым наследием вечевых порядков; уход на сторону с промысловыми целями и образование новых заселений выражали разом и экономические побуждения масс, и осуществление желательных форм жизни в духе народных идеалов. При таком совпадении двойственных условий – политических и экономических, появилось и утвердилось казачество»[8].

У истоков казачьего самоуправления стоит вечевое устройство, которое было «общераспространенным укладом народной жизни у всех славянских народов... и существовало до Рюрика»[9]. «Народное собрание – “вече” в Древней Руси и “рада” у казаков были во многом “сходными органами народоуправства”, в основе которых лежит “личная свобода и право на участие в самоуправлении”»[10]. Казачье самоуправление является продолжением вечевого порядка, но только в иных исторических условиях.

Важную роль в деятельности казачьих властей Юга России играли решения общеказачьего съезда, открывшегося в Петрограде 23 марта 1917 г. Инициаторами созыва съезда были депутаты IV Государственной Думы (М.А. Караулов, А.П. Савватаев), а также донцы-казаки, проживавшие в Петрограде[11]. На съезде присутствовало более 300 делегатов, прибывших с фронтов и казачьих областей. Повестка дня съезда содержала следующие вопросы: проведение реформы казачьего самоуправления, обсуждение вопросов о земле, воинской повинности; об отношении к Временному правительству и совету рабочих и солдатских депутатов; о форме государственного устройства. Принятая на съезде программа Союза казачьих войск провозглашала своей целью объединение всех казачьих войск, а также выяснение и защиту их интересов. Съезд образовал временный совет Союза (36 человек) во главе с А.И. Дутовым. Представительства от войск были разные. Так, например, от Кубанского войска в него входило 5 человек [12]. Через два месяца (1 июня 1917 г.) временный совет собирает в Петрограде второй общеказачий съезд. В работе съезда участвовало около 600 делегатов. Съезд выступил «за единую и не делимую Россию» и поддержал власть Временного правительства. Делегаты съезда одобрили лозунг Временного правительства войны «до победного конца» и выступили с предложением о широком местном самоуправлении [13]. Совет союза казачьих войск активно сотрудничает с Временным правительством. При Главном штабе была создана межведомственная комиссия, из представителей казачьих войск и совета Союза казачьих войск, на заседаниях которой рассматривались и обсуждались предложения различных казачьих структур по организации казачьего самоуправления[14].

Одним из результатов такого сотрудничества и взаимодействия стало предложение Временного правительства Донской, Кубанской и Терской областям изменить структуру и характер управления, разослав в регионы «Основные тезисы реформы гражданского управления»[15]. В соответствии с тезисами на территориях перечисленных областей предлагалось ввести областные, окружные, станичные (волостные) земские учреждения, состав которых формировался на основе всеобщих и равных выборов (тез. 1-2). Казачья станица объявлялась всесословной единицей. Для решения военных (сословных) вопросов сохранялось станичное управление и станичный суд (тез. 3). Дела общественного хозяйства передавались в руки областных земств вместе с войсковыми капиталами, не предназначенными для военных нужд казаков (тез. 4). Войсковые атаманы, атаманы отделов выполняют только военные функции (тез. 5-6). Порядок назначения атаманов и их управ

(штабов) предлагалось оставить без изменений, т. к. он является исключительно казачье-военным вопросом (тез. 7) [16]. Однако предложения Временного правительства по реформе казачьего самоуправления так и останутся предложениями. Так, на Тереке действуют и реализуются Положения об общественном управлении Терского казачьего войска принятые в марте 1917 г. на войсковом кругу. Войсковой круг в соответствии с Положением «управлял делами» войска через выбираемое на кругу правление [17]. На уровне станицы высшим органом казачьего самоуправления являлся станичный круг (образовался из мужчин достигших 25 лет и осёдло проживавших в станице), из состава которого выбиралось станичное правление и наблюдательный совет. Станичный атаман и его заместитель избирались на три года. Освободить от должности их мог лишь круг или суд[18].

К лету 1917 г. закончилось организационное оформление Кубанской войсковой Рады. Были созданы комиссии по самоуправлению Кубанского войска, по созданию просветительских учреждений, по реформе областного гражданского управления. 24 сентября 1917 г. открылась 2-я сессия Кубанской войсковой рады под председательством Н.С. Рябовола. Принятая резолюция о текущем моменте считала недействительным решение о провозглашении России республикой, поскольку в ней не предусматривалось федеративного устройства государства. Основным итогом сессии Рады явилось принятие 7 октября «Временных основных положений о высших органах власти в Кубанском крае». Содержание документа и закреплённые в нём решения явились реакцией структур власти Кубани на сложившуюся ситуацию в регионе и в целом по стране. Временное положение отвергало идею сепаратизма из-за её популярности лишь у небольшой части казачества. Однако статья 3 положения указывала на автономию в делах внутренней жизни края, там говорилось: «... в разрешении вопросов местной жизни высшая власть Кубанского края независима и самостоятельна». Высшим органом власти Кубанского края, согласно Временному положению, явилась Кубанская Рада (500-600 человек, 1 депутат от 5 тыс. избирателей), которая на период между сессиями избирала Законодательную Раду (78 человек, 1 депутат от 20 тыс. избирателей), войскового атамана и Кубанское правительство[20].

В Донской области шли похожие процессы, направленные на усиление власти казачества. 1 июля 1917 г. донской атаман Каледин. обратился к Временному правительству с предложением «впредь до введения земских учреждений в Донской области» возложить «все обязанности ныне действующего областного правления» на «выборное войсковое правительство» [21]. А.М. Каледин также просит Временное правительство согласовывать кандидатуру областного комиссара с войсковым правительством[22]. В августе 1917 г. донское казачество озвучило политическую программу, с которой они готовы были участвовать на выборах в Учредительное собрание: Россия единая и не делимая демократическая федеративная республика; Донская область должна войти в состав республики «на правах федерации»[23].

После большевистского захвата власти в Петрограде 26 октября 1917 г. войсковое правительство донского казачества объявило о принятии всей полноты «государственной власти» и непризнании советской власти[24]. Войсковые правительства кубанского и терского казачества также отказались признать большевистскую власть. Однако изменившаяся ситуация во власти в Петрограде вынудила казачество пойти на компромисс в организации власти с иногородним населением. На Дону 12 января 1918 г. было создано совместное правительство из 7 иногородних и 7 казаков [25]. В феврале 1918 г. второй съезд народов Терека потребовал прекращения деятельности войскового круга. Круг принял это предложение и прекратил свою работу, избрав из своего состава временный исполнительный комитет с хозяйственными полномочиями [26]. 2-й общекраевой съезд представителей казаков, иногородних и горцев Кубани в середине декабря 1917 г. избрал новый состав Законодательной рады (45 казаков, 45 иногородних, 8 горцев), а также краевое правительство (5 казаков, 5 иногородних, 1 горец) [27].

Ситуация, сложившая вокруг органов управления Дона, Кубани и Терека в конце 1917 – начале 1918 г. свидетельствует о том, что в сознании населения этих регионов по вопросу об организации власти произошли существенные изменения. Создание объединённых правительств означало коренные и радикальные перемены в процессе формирования органов управления в этих казачьих территориях. Произошел поворот во взглядах лидеров казачества на проблему власти. Сословные противоречия перед лицом общего политического противника – большевизма, отошли на второй план. Часть иногороднего населения, возглавляемая мелкобуржуазными партиями, не принявшая большевистский переворот в Петрограде, пошла на союз с казачеством, согласившись на создание объединённых правительств. Другая часть сделала ставку на советские органы власти. Процесс демократизации не успел развернуться и набрать силу. Реформация общественно-

политической, социальной и экономической жизни кубанского общества началась слишком поздно. К концу весны 1918 г. большая часть территории Дона, Кубани и Терека уже не контролировалась объединёнными правительствами. Объединённые правительства не смогли остановить советизацию Юга страны. Система управления, подчинённая объединённым правительствам так и не была создана, её элементы оказались раздавленными набирающими силу советскими структурами управления.

Примечания

1. *Трут В.П.* Организация высших органов казачьего управления на Дону, Кубани, Тереке после Февральской революции и их работа весной-летом 1917 г. // Исторические этюды. Вып.3. Ростов н/Д., 1998. С.211
2. *Сергеев В.Н.* Политические партии в южных казачьих областях России 1917 – 1920 гг.: В 3-х т. Ростов-н/Д., 1993. Т. 2. С. 21
3. Там же. Т. 1. С. 86 – 87, 89.
4. *Трусова Е.М.* Местное управление на Дону, Кубани и в Ставрополье в 1917 году. Ростов н/Д., 1999. С. 106; *Кизиветтер А. А.* Местное самоуправление в России. М., 1910. С.1.
5. Там же. С.2.
6. *Щербина Ф. А.* История Кубанского казачьего войска: В 2-х т. Краснодар, 1992. Т. 1. С. 421.
7. Там же. Т. 1. С. 426.
8. Там же. С. 428 – 429.
9. Вольный Дон. 1917. 25 марта.
10. *Кириенко Ю. К.* Революция и донское казачество. Ростов-на-Дону, 1988. С. 75.
11. *Бардиж В.К.* Дневник кубанского казака. Петроград, 1917 год. / С пред. и комм. Корсаковой Н.А., Илюхина С.Р. Краснодар, 2008. С.13.
12. *Трусова Е.М.* Указ.соч. С.106.
13. ГАКК. Ф. Р. – 1259. Оп. 1. Д. 76. Л. 95 –107.
14. Там же.
15. *Остапенко П.И.* Казачьи властные органы на Тереке в годы гражданской войны // История государства и права. 2004. №4. С.44..
16. Там же.
17. Стремясь показать свое намерение отойти от узкосословного характера действовавшей на Кубани с июля 1917 г. власти, Временные положения вводят новую терминологию. Кубанская область стала называться Кубанским краем, Кубанская войсковая Рада – Кубанской краевой Радой, Кубанское войсковое правительство – Кубанским краевым правительством. 18. ЦДНИКК. Ф. – 1774. Р. Оп. 2. Д. 208. Л. 30 – 40; Временные основные положения о высших органах власти в Кубанском крае. Екатеринодар, 1917.
19. ГАРФ. Ф.1255. Оп. 1. Д. 20. Л.29.
20. ГАРФ. Ф.1788. Оп. 2. Д. 95. Л.87.
21. ГАРФ. Ф.1255. Оп. 1. Д. 51. Л.44.
22. *Трусова Е.М.* Указ. соч. С.120.
23. Там же. С.121.
24. *Остапенко П.И.* Указ. соч. С.121.
25. Ростовская речь. 1917. 21, 23, 29 дек
26. *Трусова Е. М.* Указ. соч. С. 125.
27. Там же.

Н.А. Корсакова

**Фаберже в коллекции Регалий
Кубанского казачьего войска**

Коллекция Регалий Кубанского казачьего войска формировалась на протяжении XVIII – нач. XX в. В неё входили высочайшие награды за военные подвиги, подарки к юбилеям и знаменательным датам в истории России и истории Кубанского казачьего войска. Регалии являлись символами военных побед и бережно хранились в столице Кубанской области г. Екатеринодаре.

В войсковые праздники и по знаменательным датам их выносили на молебны в Войсковой собор, на военные парады и церемонии. В 1920 г. Регалии вместе с частями Белой армии были вывезены в эмиграцию. Кубанские войсковые Регалии экспонировались в 20 – 40-е годы XX в. в Военно-историческом музее г. Белграда, в 1950–1970-е годы, с перемещением кубанской казачьей эмиграции в США, они экспонировались в Русском доме в Нью-Йорке и специально построенном музее в штате Нью-Джерси. В 2007 – 2011 гг. коллекция была возвращена в Россию, на Кубань.

С 2007 г. Регалии экспонируются и хранятся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике. Коллекция состоит из знамён, императорских грамот, булав, перначей, серебряных блюд, Георгиевских труб, черкесок императора Александра II и Великого князя, наместника на Кавказе, Михаила Николаевича.

В коллекции кубанских казачьих регалий есть два предмета, произведения фирмы К. Фаберже, изготовленные в Петербурге. Они практически не известны исследователям и представляют историческую и художественную ценность. Это две папки с накладными серебряными позолоченными пластинами, выполненными в технике чеканки с использованием многоцветной эмали. Уникальные вещи были изготовлены по специальному заказу Кубанского казачьего войска фирмой Фаберже в Петербурге в 1911 и 1914 гг. В исторической литературе не существует описания этих предметов, их фотоснимков, музей впервые представляет сведения об этих редчайших произведениях ювелирного искусства.

Первая папка для приветственного адреса к 100-летию юбилею Собственного Его Императорского Величества Конвоя. Петербург, 1911 г. Чеканка, эмаль, зернь. Клейма: К. Фаберже, № 84. Папка кожаная, коричневого цвета, размер 45 на 60 см. Внутри обтянута муаром темно-бордового цвета.

На лицевой стороне папки закреплена серебряная с золочением пластина, размером 40 на 55 см. На ней в технике чеканки изображены сюжеты из истории Императорского Конвоя, истории Кубанского казачьего войска. На углах пластины расположены четырёхугольные, объёмные розетки, украшенные ложной зернью и фиолетовым камнем диаметром в 1 см. В верхней, центральной части, пластины находится изображение государственного герба Российской империи с накладным вензелем «НИ». Слева и справа закреплены четырёхугольные рамочки с ободками. В них помещены эмалевые иллюстрации: слева – рисунок «Встреча казачьего разъезда с горцами», справа – «Джигитовка в Конвое» (рисунок художника А. Гебенса); в центре серебряной, золоченой пластины расположено накладное изображение герба Кубанской области размером 13 на 15 см в технике цветной эмали.

Художником, который делал эскиз папки, в изображении герба допущена ошибка. На центральном штандарте поставлен накладной вензель АІ. В то время как в официально утверждённом в 1874 году гербе Кубанской области, на штандарте стоит вензель «АІІ», т.к. Кубанская область была образована в царствование императора Александра II. В центральной части папки закреплена накладными золочёными буквами надпись: «Собственному Его Императорского Величества Конвою. Кубанское казачье войско. 1811-1911».

Нижняя часть пластины состоит из сложной композиции, изображающей Регалии: четырёх развёрнутых Георгиевских знамен на древках с наверхиями, изображения пушек XVIII века, литавр, Георгиевских труб с лентами, пистолетов, шашек, булав, перначей. В центральной части этой композиции расположено изображение казачьей папахи, размером 6 на 8 см. Вся историческая композиция выполнена в тончайшей технике чеканки. Складки знамен, кисти, ленты, орнамент оружия и пушек передают колорит подлинных предметов. На оборотной стороне папка имеет четыре изящные ножки диаметром 4,5 см и высотой 1,8 см в форме казачьих папах с красным эмалевым верхом.

Императорский Конвой был создан в 1811 году: по инициативе атамана Черноморского казачьего войска Ф.Я.Бурсака (1750–1827) была организована 1-я сотня черноморских казаков-гвардейцев. Первым командиром сотни стал известный герой войны 1812 г. сын кубанского атамана – Афанасий Бурсак (1782 – 1825). В 1911 г. конвой торжественно отметил свой 100-летний юбилей с приглашением в Петербург, в Царское село, делегации атаманов всех казачьих войск России и старослужащих-конвойцев.

Вторая папка выполнена в том же стиле и посвящена 70-летию выдающегося деятеля Кубанской казачьей истории и 50-летию служения в офицерских чинах, атаману М.П. Бабычу (1844 – 1918). Императора Николая II и М.П. Бабыча связывали теплые дружеские отношения. Папка предназначалась для приветственного адреса, изготовлена в 1914 г. в Петербурге. На ней присутствуют чеканка, эмаль, зернь и клейма: К. Фаберже, № 84. Папка кожаная, коричневого цвета, размер 40 на 55 см, внутри обтянута муаром темно-красного цвета.

На лицевой стороне папки закреплена серебряная пластина размером 35 на 45 см. На ней в технике чеканки изображена композиция на тему истории Кубанского казачьего войска и деятельности Начальника Кубанской области в 1908 – 1917 гг. М.П. Бабыча. В верхней части пластины слева и справа по краю расположены круглые выпуклые розетки с камнем зеленого цвета. Вверху, в центре пластины, накладной герб Кубанской области с цветной эмалью и накладной буквой «Л». По центральной части пластины надпись накладными золочеными буквами: «Родному Кубанцу Михаилу Павловичу Бабычу Наказному Атаману Кубанского казачьего войска. 1864-1914».

В нижней части пластины сюжет на тему Регалий. Изображены шесть пушек, литавры, булавы, перначи и атаманская насека, данная императором Николаем II в 1907 году. Между пушками прикреплены две эмалевые иллюстрации, размером 6 на 7 см. Справа – изображение рисунка кубанского художника П.Косолапа (1834 – 1910) «Пластуны в засаде», слева – сторожевой вышки. В нижней части пластины расположены три эмалевые розетки с изображением памятника казакам черноморцам, открытого по инициативе Бабыча в ст. Тамань в 1911 г., войскового храма и здания первой грязелечебницы в станице Тамань, построенной на средства атамана Бабыча. На обратной стороне папка имеет четыре ножки в форме папах с красным эмалевым верхом диаметром 4,5 см и высотой 1,5 см.

Таким образом, кубанская казачья история и её святыни – Регалии оказались увековеченными в ювелирных произведениях выдающейся фирмы Карла Фаберже.

Б.Н. Берендюков

Газеты Белого движения на Кубани как исторический источник (По материалам майкопской газеты "Подъём")

В специальных работах о Гражданской войне авторы практически не используют такие важные документы со стороны Белого движения, как местные газетные издания на территориях, освобождённых от большевиков, а пользуются в основном мемуарами военных и политических деятелей Белого движения.

В данной работе рассмотрим некоторые вопросы освещения военного противостояния «белых» и «красных» в газетах, издаваемых на территории линейного казачества, и, в частности, более подробно остановимся на газете «Подъём», издававшейся Управлением Майкопского отдела.

В августе 1918 года на всей территории Кубанского края установились власть правительства Кубанской Рады и военное правительство генерала Деникина. На смену Советскому правительству, защищаемому революционной Красной Армией, на Кубани образовались две власти с двумя армиями: Кубанской армией и Добровольческой армией. Кубанская Рада тяготела к определённой конституционной автономии, а правительство генерала Деникина конституционно провозгласила Россию единой и неделимой. «Таким образом, на Кубани во второй половине 1918 года на одной и той же территории появились две конкурирующие конституции. Они юридически закрепляли принципиально отличные формы государственного устройства и разные политические режимы, возникшие на освобождённой от большевиков территории Юга России» [1]. Но их объединяла одна общая цель – скорейшее уничтожение власти большевистского правительства на всей территории бывшей Российской империи.

По всей территории Кубанского края начали закрываться средства массовой информации, пропагандирующие большевистскую идеологию, и выходить газеты, поддерживающие новое правительство Кубани и Добровольческой армии.

На освобождённых от большевиков территориях линейного казачества только в двух отделах, Лабинском и Майкопском, был организован выпуск местных газет. В Лабинском отделе в Армавире продолжился выпуск газеты "Отклики Кавказа", и с 1919 года начат выпуск на армянском

языке газеты "Новый путь", впоследствии закрытые большевиками в 1920 году. В Майкопском отделе возобновился выход газеты "Майкопское эхо" с сентября 1918 года и, по всей вероятности, по март 1920 года. Во всяком случае, в частном собрании находятся экземпляры газеты "Майкопское эхо", датированные под № 8 за 11 сентября (24 сентября) 1918 года (8-й год издания) и под № 269 (1180) за 4 декабря 1919 года (9-й год издания). Редактором-издателем был Д.И.Рогачёв. Данные уточнения приведены в связи с тем, что в работе проф. Б.М. Городецкого "Периодика Кубанско-Черноморского края" время существования газеты "Майкопское эхо" ограничено периодом с 1911 по 1917 годы и не упоминается о существовании этой газеты в период гражданской войны на Кубани [2]. С января 1919 года в Майкопе начинает выходить ежедневная политическая, общественная и литературная газета "Подъём" – орган Управления Майкопского отдела. С № 179 от 14 августа 1919 года редактор газеты был М.И. Романов. Проф. Б.М.Городецкий временем прекращения выхода газеты "Подъём" называет октябрь 1919 года [3]. Здесь следует отметить, что газета "Подъём" не прекратила своего существования, а продолжала выходить под тем же названием, но не как "казачья", по терминологии проф. Н.Н. Петровой, являясь органом Управления Майкопского отдела, а как "либерально – демократическая" [4]. В выходных данных значилось, что газета издаётся редакционной коллегией Издательства "Подъём", при этом ссылка на принадлежность к Управлению Майкопского отдела в выходных данных газеты отсутствует. В имеющемся частном собрании находится экземпляр газеты, датируемый 1 (17) марта 1920 года под № 291(47). Здесь первым (291) указан номер газеты со дня основания, вторым (47) – номер газеты второго года издания.

Таким образом, для газеты «Подъём» можно выделить три периода редакторского подчинения: первый – с января по август 1919 года – Орган Управления Майкопского отдела (редактор – редакционная комиссия); второй – с 14 августа по октябрь 1919 года (редактор М.И. Романов); третий – с октября 1919 года по март 1920 года (редактор – редакционная коллегия Издательства «Подъём»). При этом всегда газета печаталась в типографии Управления Майкопского Отдела.

Рассмотрим структуру расположения основных групп материалов на страницах газеты "Подъём".

Отдел официальный. В нём публиковались приказы атамана Кубанского Казачьего войска и атамана Майкопского отдела, а также циркулярные предписания.

В приказе № 22 от 4 февраля 1919 г. объявлялось, что атаман ст. Кужорской урядник Сергей Васильев уволен от занимаемой должности вследствие его просьбы, по домашним обстоятельствам и расстроенному здоровью; исполнение должности атамана возлагается на помощника его Кудрикова. Атаман ст. Ново–Лабинской урядник Иосифа Дыркачёва, по ходатайству станичного сбора и просьбе самого Дыркачёва, был уволен по причине расстроенного здоровья; в должности атамана был утверждён избранный станичным сбором урядник Ивана Васильевич Петровский. По ст. Тенгинской в должности помощников атамана станицы утверждались, избранные станичным сбором вахмистр Филипп Степанович Серкин и урядник Василий Аникиевич Тишин. Приказ был подписан: за атамана отдела – коллежский секретарь Сакунов, делопроизводитель – губернский секретарь Чикильдин [5].

В циркулярном предписании атамана Майкопского отдела от 9 января 1919 г. за №138 станичным и хуторским атаманам по прошениям о назначении пенсии за Георгиевские кресты и медали за прошлое время, указывалось, что к многим прошениям не прилагаются необходимые документы, или же прилагаются таковые за подписями большевистских комиссаров. С момента издания циркуляра предписывалось к прошению прилагать следующие документы:

1. Аттестат об окончательном удовлетворении добавочным жалованьем по Георгиевскому кресту или медали за подписью командира полка, батальона с приложением казённой печати части или учреждения выдавшего аттестат.

2. Послужной список из коего явствовало бы, когда и за какой подвиг награждён проситель и за каким № имеет награду.

3. Удостоверение атамана станицы о том, что проситель находится в живых и по суду не потерял право на получение пенсии.

Циркулярное предписание было подписано атаманом отдела полковником Даниловым и старшим адъютантом по части хозяйственной есаулом Маловым [6].

В обращении начальника 1-й Кавказской казачьей дивизии от 2 апреля 1919 г. за № 877 к атаману Майкопского отдела сообщалось, что, находясь с вверенным ему отрядом на фронте и наблюдая слабые стороны его, он считает заслуживающим подражания среди всех слоёв казачества

приговор общества станицы Баталпашинской № 28 за подписью станичного атамана вахмистра Якова Савельевича Брянцева. Приговор этот постановил: всех дезертиров, как офицеров, так и казаков, если они через три дня со дня постановления сего приговора не явятся для отправления на фронт в свои части, лишать паевого надела и высылать в распоряжение войскового атамана с просьбой передать их в Добровольческую армию. Такую же меру наказания предлагалось применять и в отношении укрывателей дезертиров [7].

Официальные сообщения. В этом разделе газеты публиковались официальные сообщения штаба Главнокомандующего вооружёнными силами на Юге России. Это в основном информация о военном положении на главных фронтах борьбы Добровольческой армии с большевиками (Астраханский, Царицынский, Донской и др.). Все материалы издавались за подписью генерал-квартирмейстера Генерального штаба полковника (в последующем генерал-майора) Плющевского-Плющика.

Оперативная сводка Всевеликого Войска Донского. Здесь приводятся сообщения о военных действиях Донской армии как территории Всевеликого Войска Донского, так и за её пределами в составе Добровольческой армии.

Отдел неофициальный. Телеграммы ДОНТА и ОСВАГа. Здесь приводятся материалы, подготовленные Донским телеграфным агентством и Осведомительным (отделением) агентством при председателе Особого совещания Добровольческой армии.

Подконтрольная политическая пропаганда и агитация среди населения была задействована большевиками с первых дней Гражданской войны на Юге России, причём не только центральные, но и местные региональные средства массовой информации [8]. Со стороны же Белого движения на Юге России только с сентября 1918 г. при Особом совещании при Главнокомандующем Вооружёнными Силами Юга России было создано «Осведомительное (отделение) агентство» (ОСВАГ), с Отделом пропаганды (26 января 1919 г.). Задачей Отдела пропаганды являлось распространение «правдивых сведений как о большевизме, так и о борьбе, которая велась против него на Юге России». При ОСВАГе 4 апреля 1919 г. была создана Особая следственная комиссия по расследованию злодеяний большевиков. Сообщения ОСВАГа стали самым эффективным идеологическим оружием в борьбе с большевиками. Сотрудниками ОСВАГа были известные писатели Ф.Д. Крюков, Е.Н. Чириков, князь Е.Н. Трубецкой, художники И.Я. Билибин и Е.Е. Лансере [9].

Местная хроника. В № 127 газеты опубликовано сообщение из станицы Дондуковской о дерзких убийствах и ограблениях со стороны горцев из аулов Хачемзиевский и Джеракаевский. В марте содержатель мельницы И.С. Ляшенко и его жена по дороге в ст. Петропавловскую были убиты и ограблены. В конце марта вооружённые горцы напали на дом Фёдора Медведьева в хуторе Звездилином, хозяин был убит, семья успела выскочить в окно и убежать. 3-го июня учительницы высшего начального училища в ст. Воздвиженской Лебедева (дочь священника Неонила Лебедева) и Гонтарёва возвращались на летние каникулы к своим родителям в ст. Дондуковскую на бричке. На дороге между аулами на них напали молодые горцы. Они убили учительниц и сопровождавшего их возницу. Сцену убийства видел мальчик-горец, пасший лошадей, о чём и рассказал отцу, который сообщил о произошедшем событии аульскому старшине, убийцы были опознаны и арестованы [10].

В газетном выпуске под № 175 сообщалось о трудностях по снабжению хлебом и подсолнечным маслом в Майкопе. На совещании у атамана Майкопского отдела полковника Данилова с ответственными должностными лицами вопрос был решён, и уже с 21 августа пекарни города были обеспечены мукой, а масло в количестве до 6000 пудов доставлено из ст. Гиагинской [11]. В этом же номере газеты опубликовано объявление, что Майкопский учительский институт объявляет, что в наступающем 1919/1920 учебном году будет произведён приём слушателей и слушательниц на 1 курс словесно-исторического, физико-математического и естественно-географического отделений, а приёмные экзамены начнутся с 20 августа 1919 года.

Следует отметить и наиболее активных авторов газеты: это некто Маркович, а также фельетонист и театральный обозреватель Ферт. В экономическом обзоре Марковича «Итоги хозяйствования большевиков», который был опубликован в № 32 и 33 за февраль 1919 г., в частности, отмечалось, что общее количество убытков, по учреждениям, не связанным с городской Управой Майкопа, во время хозяйничанья большевиков было причинено на сумму 1.003.775 руб.

Таким образом, рассмотренные нами номера газет позволяют уточнить время существования майкопских газет «Майкопское эхо» и «Подъём», а их содержание помогает конкретизировать различные аспекты военной, административно-управленческой, хозяйственной,

культурной и повседневной жизни населения Кубани периода Гражданской войны с «белой» стороны.

Примечания

1. *Никитин А.Н.* Суверенная Кубань: Опыт отечественного парламентаризма (1917 – 1920 гг.). М., Часть 1. 2010. С.173.
2. *Городецкий Б.М.* Периодика Кубанско – Черно-морского края 1863 – 1925. Краснодар, 1927. С. 27.
3. Там же. С. 31.
4. *Петрова Н.Н.* Кубанская журналистика: Страницы прошлого и настоящего. Краснодар, 2011. С.6.
5. Подъём [г. Майкоп]. 1919. 9 февраля.
6. Там же.
7. Журнал заседаний Особого совещания при Главно-командующем Вооружёнными Силами на Юге России А.А.Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919 года. М., 2008. С. 931.
8. *Мартыненко К.М.* Большевицкая печать в борьбе за власть Советов на Дону и Северном Кавказе март 1917 – декабрь 1920 гг. Ростов-на-Дону, 1986.
9. Подъём [г. Майкоп]. 1919. 12 (25) июня.
10. Там же.
11. Подъём [г. Майкоп]. 1919. 9 (22) августа.

А.А. Семёнов

Казачество и горцы в событиях Гражданской войны на Юге России

После начала Гражданской войны в бывшей Российской империи новая власть, установившаяся в центре страны, относилась к казачеству с большим подозрением, видела в казаках своих политических противников, готовых, если потребуется, с оружием в руках отстаивать свои интересы. Поэтому меры «революционного воздействия» на казачье население Юга России отличались крайней жесткостью и радикальностью. Но первоначально осуществить их в полном объёме у большевистского правительства не было достаточных возможностей. После Октябрьской революции 1917 г. Советская власть на Юге России продержалась недолго, и сопротивление белых армий и самих казаков позволило им некоторое время сохранять свой традиционный казачий уклад и образ жизни. Однако после поражения «белых» ситуация коренным образом изменилось, и центральное правительство смогло приступить к осуществлению своих планов в отношении казачества. По существу, этот общественный слой был объявлен «врагом трудового народа» и на него обрушились репрессии.

Обычно принято считать, что к депортации казаков, советская власть приступила после окончания гражданского вооруженного конфликта. Однако, на самом деле, депортация казаков началась уже в ходе Гражданской войны. Так, в центральной части Северного Кавказа она была во многом предопределена многолетним противостоянием «белого» казачества и союзных ему осетин, с одной стороны, и горской безземельной бедноты, с другой, рассчитывавшей, благодаря союзу с большевиками, осуществить передел земель в свою пользу.

Уже в 1917 г. здесь начались вооруженные столкновения горцев и казаков на этнической почве. В дальнейшем, в годы Гражданской войны, когда казаки в основной своей массе выступили против большевиков, последними была дана официальная директива об уничтожении казачества как сословия. 24 января 1919 г. ЦК РКП (б) – уже на всероссийском уровне – принял Директиву о расказачивании, которая положила начало большевистской репрессивной политике.

По сути, этот документ санкционировал применение против казаков массовых репрессий. Причем, некоторые исследователи, применительно к данному документу, напрямую говорят о начале геноцида в отношении казачества. Данные меры большевиков в отношении тех социальных слоев и групп населения страны, которые считались противниками новой власти, были весьма показательными. Они были до такой степени жестокими и одиозными, что практически не упоминались исследователями вплоть до исчезновения самой советской системы. Кроме непосредственного физического уничтожения казаков, одним из способов «расказачивания»

являлось и принудительное переселение. Так, уже в марте 1919 г. Донбюро требовало отправить на принудительные работы в Воронежскую губернию и другие районы всех казаков-мужчин от 18 до 55 лет; одновременно планировалось и велось переселение на Дон крестьян из Центральной России. В апреле 1919 г. в Донецкую область прибыли первые 700 переселенцев из Тверской, Череповецкой и Олонецкой губерний.

По завершении на Юге России активных боевых действий, в марте 1920 г., когда формально директива о «расказачивании» была отменена, а «советизация» стала проводиться всерьёз, первыми, кого стали выселять в ответ на выступления против советской власти, вновь стали казаки. Так, в Терской области 17 апреля 1920 г. местной властью были выселены жители трех равнинных станиц – Сунженской, Воронцово-Дашковской, Тарской, а также Тарского хутора. Эта мера затронула более 10 тысяч человек. (ГАРФ. Ф.1318. Оп.1. Д.114. Л.23).

Осенью 1920 года практика массовых депортаций была продолжена. По приказу Г.К. Орджоникидзе та же участь постигла жителей станиц Ермоловской, Романовской, Самашкинской, Михайловской, Калиновской, Кохановской (Цуциев А.А. Осетино-ингушский конфликт: его предыстория и факторы развития. Историко-социологический очерк. М., 1998. С. 180). Н. Бугай отмечал, что в этот период выселялись казаки в возрасте от 18 до 50 лет. Остальных выселяли, но поблизости: в хутора и другие станицы в радиусе не ближе 50 км от прежнего места проживания. В общей сложности около 9 тыс. семей, или около 45 тыс. чел., выселили в Донбасс, на Север европейской части России, в частности, в Архангельскую губернию (Бугай Н.Ф. Репрессированные народы: казаки // Шпион. 1994. № 1. С. 38 – 68). Самовольное же возвращение выселенных казаков пресекалось и каралось по все строгости революционной законности. Архивные данные также подтверждают, что мужчины этих станиц от 18 до 50 лет отправлялись «на принудительные работы» в Архангельскую губернию, Донецкий бассейн и Бакинскую губернию (ГАРФ. Ф.1318. Оп.1. Д.114. Л. 23). Эти меры были и своеобразным решением земельного вопроса, и одновременно массовой депортацией казачьего населения региона.

Депортации продолжались несколько лет и после формального окончания боевых действий. По Тереку, например, они осуществлялись повсеместно. В данной связи, С. Алиева приводит цифру выселенных казаков – 70 тыс. человек, тех, кого отправили в Казахстан и на Урал (Алиева С.У. Так это было // Национальные репрессии в СССР 1919-1952 годы: Худож.-док. сб.: В 3 т. М., 1993. Т. 1. С. 27). Все это позволяет некоторым авторам вполне обоснованно квалифицировать события 1920 года в Терской области как применение политики массовых репрессий и даже геноцида, который осуществляли большевики, руководствуясь политическими, социальными, этническими соображениями (Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах (20 – 60-е годы). М., 1998. С. 81 – 103). Но и после высылки значительной части казаков стабилизации ситуации в регионе так и не произошло.

Освободившийся земельный фонд был передан «красным казакам» и нагорной горской бедноте, что способствовало переселению значительной её части с гор на равнину; это обеспечило советской власти поддержку некоторых горских этнических сообществ, но не устранило всех проблем, поскольку после выселения казаков в ряде мест резко усилился бандитизм (Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Гонов А.М. Указ. соч. С. 90–103). Кроме того, нарастали противоречия между казаками и горцами.

Впрочем, далеко не все горцы на Северном Кавказе стремились заручиться поддержкой советской власти. Сформировавшиеся в Дагестане при активной помощи зарубежных сил повстанческие отряды во главе с внуком Шамиля Саид-Беком и Н. Гоцинским готовились к широкому наступлению на весь Северный Кавказ, начиная от Шатоя и Ведено. Ситуация, сложившаяся в данный период в регионе, осложнялась и попытками внешнего вмешательства. Так, в информационной сводке – докладе ЧК по Терской области за период с 1 по 15 февраля 1921 г. сообщалось, что «Антанта старается через Грузию превратить Северный Кавказ в арену новой борьбы, поднять широкие восстания горцев Чечни, казачества» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.12. Д.203. Л. 9–10). Своей целью повстанцы ставили «вытеснить Советскую власть из пределов Северного Кавказа и образовать самостоятельную Горскую республику, союзную с Грузией» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.12. Д.203. Л.5об.). Грузия всемерно помогала восставшим деньгами, оружием и снаряжением. Отряды повстанцев имели широкую сеть шпионов и агентов, которые разъезжали по аулам под видом гостей, получали нужную информацию и проводили агитацию среди населения, направленную против новой власти.

На этом фоне распространялись многочисленные слухи о том, что с образованием автономии горцев будет произведено выселение всего русского населения с Кавказа (РГАСПИ.

Ф.65. Оп.1. Д.38. Л.1), что, конечно же, не соответствовало действительности. Тем не менее, всё это активизировало действия подполья. К примеру, около Георгиевска скрывался отряд в 30 сабель с двумя пулеметами. В Кисловодском районе действовал отряд в 200 сабель, в его окрестностях имелось много мелких повстанческих групп (РГАСПИ. Ф.17. Оп.12. Д.203. Л. 4об –5). Повсеместно муссировались слухи о скором «очищении от большевиков всего Северного Кавказа», «о разложении Красной Армии» и т.п. Распространялись листовки с призывом ждать «общего сигнала» к выступлению (РГАСПИ. Ф.17. Оп.12. Д.203.Л.10). Вместе с тем, произошедшее вскоре провозглашение автономии горских народов повлияло на настроение горцев и укрепило позиции советской власти в регионе. Непосредственным свидетельством этому явилось то, что наступление банд из Дагестана встретило сопротивление остального горского населения, и они не смогли продвинуться даже к Шатоу (РГАСПИ. Ф.17. Оп.12. Д.203. Л.3 – 4).

В целом, горские массы, в своем большинстве, выступили за образование на Юге России советских автономий в составе РСФСР. Так, общее собрание граждан аула Учкулан в числе 700 человек, проходившее по поводу провозглашения Горской АССР, отмечало, что «мы должны с честью оправдать то доверие, которое нам выказано со стороны Советской власти. Мы сами должны приложить все свои старания, уничтожить бандитизм, мы должны восстановить порядок и экономическую жизнь округа» (РГАСПИ. Ф.17. Оп.12. Д.203. Л.1).

Между тем, довольно быстрое формальное создание Дагестанской и, особенно, Горской республик означало скорее внешний успех новой власти. Вскоре стало ясно, что разрешить запутанный узел местных противоречий одними административными и организационными мерами невозможно. Так, например, продолжались многочисленные столкновения на этнической почве, часто из-за самых разных, порой незначительных поводов, происходили вспышки насилия. Сложности в процессе становления новой общественной организации создавали имевшие место в прошлом национальная вражда и традиционное недоверие жителей региона к существующей власти.

Положение в Горской АССР осложнялась тем, что помимо мусульманского большинства в неё входили также и казачьи районы, а также места компактного проживания осетин. Все это создавало клубок трудноразрешимых противоречий. К тому же, осетины проживали в стратегически важных пунктах Главного Кавказского хребта, оттесняемые грузинами на север, они были вынужденные осваивать земли терского казачества, у которого, в свою очередь были весьма болезненные отношения с ингушами, в результате всего этого, конфликты повсеместно нарастали. Так, в июне 1920 г. между жителями ингушского селения Кантышево и осетинского селения Ольгинское произошла «кровавая свалка, в результате чего с обеих сторон оказались убитые и раненые». Поводом послужило то, что «ингушская лошадь пощипала осетинские травы. Но этого оказалось достаточным, чтобы распалить тлевшую национальную вражду двух народов» (Коммунист. 7 июля 1920 г.) и привести их к кровавому противостоянию.

Вскоре наступил и политический кризис Горской республики. В его основе лежал не столько фактор этнической неприязни, сколько разница экономических интересов входящих в неё народов, что и привело данную республику к распаду. Необходимо отметить, что в результате Первой мировой и Гражданской войн, здесь фактически было разрушено хозяйство, сильно пострадали промышленные и культурные центры, республика фактически находилась в упадке. Были разграблены и полуразрушены не только города, но и многие аулы, уничтожены школы. Так, в Чечне было разорено и разрушено 22 аула, 75 тысяч детей стали беспризорниками. По неполным данным, по 17 аулам Чечни было 6402 пострадавших дома (Гугов Р.Х. Совместная борьба народов Терека за Советскую власть. Нальчик, 1975. С. 475.). В результате Гражданской войны и эпидемии тифа Чечня потеряла около 30% населения. В Ингушетии только во время противостояния с Вооруженными силами Юга России, возглавляемых А.И. Деникиным, было разрушено 8 аулов и 13 хуторов. Население 5613 дворов лишилось жилья (Юсупов П.И. Борьба за ленинские принципы национальной политики в Чечено-Ингушетии (1920–1925 гг.). Грозный, 1968. С.5.). Таким образом, наряду с казачьими станицами подвергались разрушениям и многие горские аулы. Не было ни одного селения или города, которое так или иначе не пострадало бы произошедших боевых действий. Так, во Владикавказе и Грозном было разрушено или сгорело до 500 домов, что вызвало острый жилищный кризис, 2/3 городских водопроводов пришли в негодность (ГАСК. Ф.Р-82. Оп. 1. Д.21. Л.2.). Почти полностью была разрушена нефтяная промышленность Грозного и Алагирские серебро-свинцовые рудники. Более 76 национализированных в бывшей Терской области предприятий не работали совсем, остальные работали с большими перебоями (Горское ЦСУ. Итоги сельско-хозяйственной переписи 1920 года по округам. Владикавказ, 1 июня 1922 года).

Таким образом, в годы Гражданской войны регион пережил многочисленные потрясения, которые затронули практически все его этносы и народности. В этот период коренным образом изменился образ жизни данных народов, разрушился их привычный мир и общественная организация.

Эти перемены в жизни казаков и горцев произошли не в силу каких-либо внутренних причин изначально свойственных данному региону, а в силу той политики, которую проводила новая государственная власть, установившаяся в центре страны. Именно её стремление к насильственному насаждению коммунистической системы ценностей и новой социально-политической организации, обусловило начало в крае крупномасштабного вооружённого противостояния, привело к многочисленным социальным и этнокультурным конфликтам, которые уже давно считались урегулированными или, по крайней мере, не имели к этому времени уже былой остроты. Теперь же, в годы Гражданской войны и с её завершением, они вновь набрали силу и значительно обострились.

Тяжелейший период в своей истории, в годы Гражданской войны, пережило казачество, против которого была направлена политика новой государственной власти. Она не без основания считала казаков своими политическими и социальными противниками. По существу, время Гражданской войны стало временем крушения традиционного казачьего мира и разрушения казачьего сообщества. Встав на путь борьбы с большевизмом, казачество пережило период массовых репрессий и преследований по социальным и идеологическим мотивам. Новая власть была заинтересована в полной ликвидации казачества и обрушила на него всю мощь военного и административного аппарата. Существенно пострадали в этот период и горские народы, которые также вскоре утратили привычный образ жизни и общинную организацию. Новая власть начала перераспределение земель и ресурсов в пользу лояльных этносов и народностей, те же, кто не относились, к данной категории, испытали на себе репрессивные меры и оказались в положении наиболее ущемлённых этнических сообществ, утративших былые социальные и имущественные позиции.

Все эти грандиозные перемены на Северном Кавказе сопровождались частыми межнациональными столкновениями, конфликтами и привели к многочисленным жертвам среди населения, едва ли не превышающим потери от собственно боевых действиях в северокавказском регионе в ходе Гражданской войны. Обострились застарелые этнические противоречия, вновь набирала силу национальная нетерпимость. Именно в таком постреволюционном хаосе формировалась новая, советская социально-политическая система, которой было суждено стать доминирующей в регионе на протяжении длительного исторического времени. Именно к этому времени ведут истоки многих современных межнациональных, этнокультурных конфликтов и проти-воречий, которые и по сей день сохраняют свою остроту.

Б.Н. Берендюков, В.К. Пучин

О восстании казаков - линейцев в 1920 г. под командованием генерала М.А. Фостикова

К апрелю 1920 года остатки Добровольческой армии покинули территорию Кубанского казачьего войска, и на Северном Кавказе установилась советская власть, но отдельные разрозненные отряды белых продолжали сопротивление большевикам.

Самым крупным повстанческим движением белых, охватившим Баталпащинский, Лабинский и Майкопский отделы было восстание казаков под командованием генерала Фостикова. Недавно опубликованные отдельные страницы дневников генерала в общеказачьей газете «Станица» №2 и альманахе «Белая гвардия» №6 за 2002 год (издательство «Посев») дают возможность ознакомиться подробнее с этими событиями.

Фостиков Михаил Архипович (1886–1966) родился в ст-це Баталпащинской в казачьей семье, начал службу в 1-м Лабинском полку в 1907 году, в Первую мировую войну воевал на Кавказском фронте, активный участник Белого движения на Юге России. В феврале 1920 года, после очередного ранения, он в чине генерал-майора эвакуируется в Армавир на лечение. При приближении фронта, еще не долечившись, уходит с отступающими частями белых в предгорья Северного Кавказа. Прячась от большевиков, он скрывался в Преображенском монастыре (в Карачае на реке Теберде)

В конце мая 1920 года М.А. Фостиков создает повстанческий отряд из казаков станиц Беломечетинской, Баталпашинской и Усть-Джегутинской численностью 98 человек (10 офицеров и 88 казаков). Приток повстанцев быстро увеличивается, и уже 18 июня Фостиков формирует воинское соединение, получившее название «Армия возрождения России».

В состав «Армии» вошли конные части:

- 1-й Хоперский полк из казаков Баталпашинского отдела (135 человек, 5 пулеметов), командир полка есаул Ларионов;
- 1-й Лабинский полк из казаков Лабинского отдела (150 человек, 2 пулемета), командир полка есаул Ковалев;
- Терский отряд (95 человек).

Все пешие казаки сводятся в 6-й Кубанский пластунский батальон (48 человек), командир есаул Балуев.

1-й Лабинский и 1-й Хоперский полки сведены в Конную бригаду, командир полковник Старицкий.

Создан штаб армии, начальник штаба полковник Туполев, зав. административно-политическим отделом – полковник Проскурин.

Для установления строгой армейской дисциплины было принято постановление, в котором перечислялись преступления, за которые повстанцы подвергались смертной казни: побег с позиций, побег из отряда, неподчинение приказам, грабеж, пьянство, насилие и оскорбление религии.

Первый бой с двумя полками красных был дан 4 июля между ст. Красногорской и Кардоникской. Противник был разгромлен, взято 10 пулеметов, 300 винтовок, около двухсот лошадей, много патронов. Потери в живой силе: у красных убито свыше 100 человек, у повстанцев – 5 человек раненых и ни одного убитого.

Этот бой вызвал воодушевление и моральный подъём среди повстанческих частей и признание и благодарность станичников, привлёк большое число новых бойцов. К августу «Армия возрождения России» насчитывала в своих рядах около 12 тысяч человек. В течение июля-августа были освобождены от большевиков ст. Зеленчукская, Баталпашинская, Беломечетинская, Курсавка, Исправная, Передовая, Удобная, Отраденская, Преградная, Псебайская, Попутная, Вознесенская, Каладжинская, Зассовская, Владимирская, Суворовская, Воровсколесская, Царская, Андрюковская и др. В станицах вводится атаманское правление и выбираются административные комиссии, осуществляется сбор зерна, муки и продуктов для армии.

Для усиления полков Красной армии, действующей против повстанцев, большевики направили дополнительные силы. Против повстанцев действовали по линии Армавир – Майкоп части 14-й советской дивизии, 12-й конной дивизии, 22-й и 34-й пехотных дивизий, на линии Баталпашинск – Невиномысская 304-й и 306-й пехотные полки, курсанты пехотного училища, 12-я советская Кавказская дивизия.

У красных появляется большое количество орудий, бронемашин и даже воздушный флот. Постепенно инициатива переходит к Красной Армии. Положение повстанцев с боеприпасами становится все хуже и хуже: закончились снаряды, количество патронов на бойца уменьшается до 10-15 штук. Отправленное донесение генералу Врангелю в Крым с просьбой спешно помочь боевыми припасами и оружием осталось без ответа.

Такое положение заставило генерала Фостикова отступить, и, во избежание неоправданных жертв, позволить желающим казакам вернуться в свои станицы, а остальным пробиваться к Черноморскому побережью. В течение всего сентября повстанцы с боями продвигались к морю и лишь 28 сентября около 5 тысяч казаков армии генерала Фостикова, достигнув Гагринского пограничного поста, были интернированы грузинскими официальными властями. Чрезвычайные усилия приложил генерал М. А. Фостиков, чтобы его армия не была выдана большевикам и на транспортных кораблях генерала Врангеля была вывезена в Крым.

До окончания Гражданской войны на Юге России оставалось полтора месяца.

Р.В. Засухин

Специфика участия казачества в Гражданской войне

на Юге России (1918 – 1920 гг.)

В каждом регионе нашей огромной страны Гражданская война имела свою специфику, которая определялась социально-политическими, экономическими, ментальными и психологическими особенностями жизни населения России.

В моменты таких общественных катаклизмов, как революции и гражданские войны, весь негативный потенциал, который накапливается у отдельных общественных, социальных, этнических групп, выходит наружу, и чем более тяжёлое давление они испытывали, а также, чем более длительным был срок действия этого давления, тем более сильного взрыва следует ожидать в обществе.

В казачьих областях Кубани и Дона главным аккумулятором социального конфликта, получившего выход в вооружённом противоборстве, были обострённые отношения между иногородними и казачеством, а также социально-экономическое расслоение в среде самого казачества, начавшееся задолго до Гражданской войны.

С потерей авторитета власти и заменой его авторитетом насилия, раскол в российском обществе распространялся всё глубже и глубже.

В преддверии Гражданской войны на Дону и Кубани и в среде казачества, явившегося самой боеспособной силой в Гражданской войне на Юге России, конфронтация обуславливалась не только социальным, но и демографическим факторами. А.И. Деникин писал о ситуации на Дону, сложившейся в конце 1917 года: «Казачья молодёжь, развращённая на фронте, больше всего боялась опостылевшей всем войны и враждебно смотрела на тех, кто может вовлечь её в «новую бойню» (Деникин А.И. Как началась борьба с большевиками на Юге России // От первого лица / Сост. И.А.Анфертьев. М., 1990. С. 201).

Отмечается и реакция молодого поколения на внушения со стороны старших: «Казак хмуро слушал своего атамана, призывавшего их к защите казачьей земли. Какой-то наглый казак перебил: Да что нам слушать, знаем, надоели! И казаки просто разошлись» (Деникин А.И. Как началась... С. 202 – 203).

Мировоззрение возвращавшейся с фронта молодёжи было в корне отлично от взглядов на жизнь их отцов и дедов. «Молодые казаки вступили в открытую борьбу со стариками. Во многих станицах эта борьба приобрела ожесточённый характер; расправы с обеих сторон были жестокие. Но пришедших с фронта казаков было больше, чем стариков, они все были хорошо вооружены, и в большинстве станиц победа осталась на стороне молодёжи, проповедовавшей большевистские идеи» (Лукомский А.С. Зарождение добровольческой армии //От первого лица / Сост. И.А.Анфертьев. М., 1990. С. 183).

Донской атаман А.М. Каледин перед самоубийством говорил об обстановке сложившейся в среде Донского казачества: «Отдаю распоряжения и знаю, что почти ничего исполнено не будет. Весь вопрос в казачьей психологии. Опомнятся – хорошо, нет – казачья песня спета» (Деникин А.И. Как началась... С. 203). Активный участник формирования Добровольческой армии А.С. Лукомский, давая оценку ситуации сложившейся на Дону после смерти А.М. Каледина, отмечает реакцию старшего поколения казаков: «Старики-казаки громко заявили, что они повинны в смерти любимого атамана и что долг всех казаков – хоть после смерти атамана – выполнить его призыв и стать на защиту Дона от большевиков» (Лукомский А.С. Зарождение... С. 189).

Нарком труда А.Г. Шляпников, выехавший в начале июня 1918 г. на Юг России для сбора продовольствия для голодающего центра, писал в своих воспоминаниях: «Казаки, преимущественно старики, организованные ген. Красновым, действовали небольшими отрядами...» (Шляпников А.Г. За хлебом и нефтью // Вопросы истории. 2002. №7. С. 139). И далее: «Молодое казачество, и особенно бывшие фронтовики, вошли в отряд Миронова, противника власти казачьих генералов на Дону, ориентировавшегося на Советы» (Шляпников А.Г. За хлебом... С. 139). А.Г. Шляпников описывает события, которым он сам был свидетелем, проезжая Донскую область: «Утром 11 июля на ст. Иловля мы наблюдали знаменательную по тому времени картину, когда группа молодых казаков и фронтовиков, в полном вооружении и со своими конями уходила из своих станиц в степи, на поиски своего красного отряда. Молодые казаки не мирились с возвратом к старине, к генеральской, поповской власти, одобренной спекуляцией буржуазии, сбежавшей из центральной России» (Шляпников А.Г. За хлебом... С. 139 – 140).

Конфронтация между старым и молодым поколением в начале Гражданской войны была характерна для всего казачества Юга России. На Кубани «против Рады и правительства встало не только иногороднее население, но и фронтовое казачество; эти элементы обладали явным

численным перевесом, а главное – большим дерзанием и буйной натурой», – отмечал А.И. Деникин (Деникин А.И. Как началась... С. 210).

Оценивая социально-психологический настрой молодых казаков он подчёркивал: «...Фронтная молодёжь не имела решительно никаких данных в политических, бытовых, социальных условиях жизни Кубани для восприятия большевизма. Её толкнули к нему только психологические причины: пьяный угар обезумевшей солдатчины на фронте, безотчётное сознание силы в новом нашествии...» (Деникин А.И. Как началась... С. 210).

Мысль А.И. Деникина о «безотчётном сознании молодых казаков» подтверждают документы из фондов Армавирского краеведческого музея, где сохранились материалы одного из героев Гражданской войны. Двадцатичетырёхлетний Иван Кочубей (в дальнейшем предводитель красных казаков), возвратившись с фронта домой, заявил своему одностаничку: «Формируй сосед отряд, и пойдём вместе бить Филимонова, а то они бисовы души не дадут нам покоя, ох и дадим мы им чёсу, воевать они нас научили. Только вот старики мешают, ворчат, не пускают в мой отряд своих сынков, не дают лошадей, говорят мне, что если пойдёшь против атамана Филимонова, лишим тебя казачьего звания и отберём землю» (АКМ. Ф. 6. Оп. 2. Д. 29. Л. 3 – 4).

Этот документ свидетельствует, что в ходе гражданского противостояния нарушались вековые традиции казачества, происходило изменение ментальных установок, переоценка жизненных ценностей. Генерал М.В. Алексеев в своём письме к руководителю французской миссии в Киеве сетовал по этому поводу: «Идеи большевизма нашли приверженцев среди широкой массы казаков... Они глубоко убеждены, что большевизм направлен только против богатых классов... Кубанское войско выдерживает натиск большевизма только при помощи добровольческих частей» (Казаки и революция: http://www.svoim.info/201004/?04_6_1). И действительно, главной опорой Кубанской Рады служили добровольческие отряды Покровского, Улагая, Лисевецкого, Галаева, состоявшие в основном из офицеров волею судеб оказавшихся в тот момент на Кубани.

Однако чуть позже обстоятельства изменились. В то время, когда шли бои за Екатеринодар, Второй областной съезд Советов принимал первые декреты и постановления. Земля отныне, в первую очередь, предоставлялась неимущему и беднейшему населению, т.е. иногороднему крестьянству, упразднялись сословия. Казачество при первых шагах проведения земельной реформы, не имевшей возможности продвигаться иначе как с переделом земли в пользу фактически безземельных иногородних, резко изменило отношение к советской власти. Земельная практика на Кубани приняла особо тяжёлые формы. В частности, в станицах Лабинского отдела: «Урожай 1918 г. большевики вооружённой силой заставили снять казаков-хозяев, а собранное зерно и солому поделили между всем населением. Работали постоянно под угрозой расстрела; в ст. Вознесенской без всякой причины, работавшие на поле казаки, были подвергнуты расстрелу из пулемётов» (Из акта расследования по делу о злодеяниях большевиков в станицах Лабинского Отдела и в гор. Армавире // Родина. 1990. № 10. С. 46). Сопротивление казаков вызывало «...отъём, арест, застенки. Большинство иногородних принимало то или иное, хотя и бы и косвенное участие в обездолении казачества» (Деникин А.И. Белое движение и борьба Добровольческой армии // Белое дело: Избранные произведения в 16 книгах. Дон и Добровольческая армия. М., 1992. С. 255).

К этому следует добавить бесчинства и грабежи многочисленных отрядов всех цветов и оттенков, отступавших с Украины через Тамань под натиском немецких оккупантов. Самым печальным образом сказалась на характере новой власти преступная деятельность, зачастую просто уголовных элементов – Никитенко, Золотарёва, Никифоровой, Юдина, Голуба и других «экспроприаторов», творивших свои преступления под революционным знаменем (Очерки истории Кубани с древнейших времён по 1920 г. / Под ред. Ратушняка В.Н. Краснодар, 1996. С. 523). Таким образом, действия представителей местной советской власти толкнули казаков в объятия Добровольческой армии.

А.И. Деникин, подводя итоги и подчёркивая особенности боёв за Кубань, писал: «Вопрос стоял на мёртвой точке: победа казаков – порабощение иногородних, победа красных – порабощение казаков. Ни та, ни другая сторона не могли возвыситься над первобытными принципами борьбы за существование» (Деникин А.И. Белое движение... С. 288). Гражданская война воспринималась казаками, прежде всего, как возможность осуществления мести иногородним и возврате своих прав на землю и имущество. Подобная специфика прохождения междоусобного конфликта в казачьих областях наблюдалась и на Дону: «...Не в пример остальной России, борьба в Донской области развернулась не как борьба между кулаками и богачами, с одной стороны, и беднотой – с другой, а как борьба между гражданами «братьями» казаками и «хамками» –

иногородними» (Янчевский Н.Л. Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке (1917 – 1920 гг.). Ростов н/Д., 1924. С. 7).

Таким образом, на примере отношений казаков и иногородних на Дону и Кубани можно проследить, как при отсутствии авторитета власти, структуры, претендующие на этот авторитет, принимая сторону какой-либо одной социальной группы, фактически восстанавливали против себя, её оппонентов. Немалую роль в эскалации конфликта сыграли также методы, с помощью которых решались спорные вопросы в условиях милитаризации сознания: вооружённая борьба – насилие, как единственный способ принуждения.

На степень интенсивности участия той или иной социальной группы в междоусобном конфликте большое влияние оказывало то, насколько война затрагивала их собственные интересы. Казачество, само существование которого в ходе Гражданской войны оказалось под угрозой, выступило в ходе конфликта главной действующей силой на Дону и Кубани. К ноябрю 1918 г. в Добровольческой армии числилось 35,5 тысяч кубанских казаков и только 7,5 тысячи «добровольцев». При анализе боевого расписания Кавказской Добровольческой армии следует подчеркнуть, что из казаков состоял не только 1-й конный корпус генерал-майора Покровского, но также практически весь армейский корпус генерал-майора Ляхова (за исключением горских соединений и частей, не вошедших в состав дивизий) (РГВИА. Ф. 39720. Оп. 1. Д. 24. Л. 147 – 148). Главнокомандующий Добровольческой армией генерал А.И. Деникин отмечал: «Что касается кубанского казачества, оно несло тяготы значительно большие: выставляло десять возрастных классов в состав действующей армии и во время борьбы на территории Кубани почти поголовно становилось в ряды в качестве гарнизонов станиц и отдельных партизанского типа отрядов. Природные конники, кубанцы неохотно шли в пластунские батальоны; пехота их поэтому была слаба и малочисленна, но конные дивизии по-прежнему составляли всю массу Добровольческой конницы, оказывая неоценимые услуги армии» (Деникин А.И. Вооружённые силы на Юге России // Вооружённые силы на Юге России / Сост. С.В.Волков. М., 2003. С. 11). В немалой степени, благодаря массовому использованию казачьей конницы, белым удалось на первом этапе войны подчинить себе весь Юг России.

Н.А. Лопатина, А.П. Лопатин

Свадебно-обрядовые песни Лабинского отдела

Самым любимым и распространенным жанром устно-поэтического творчества Кубани были песни, что не раз отмечали в прошлом краеведы и этнографы (См.: Кубанские станицы. М., 1967. С.320).

Песенный репертуар населения западных и восточных районов края мало различался, в черноморских и линейных станицах пели и русские, и украинские песни. В линейных станицах были в ходу преимущественно те украинские песни, которые публиковались в сборниках и были снабжены нотами, а также входили в репертуар хора Войска Кубанского и полковых хоров. Некоторые украинские народные песни вошли в репертуар русских – выходцев из Курской, Воронежской, и других южных губерний ещё задолго до переселения их на Кубань. Распространению украинских песен способствовало постоянное общение русских с украинцами и главное – их этническая близость. В черноморских станицах бытовали вместе с тем и русские народные песни. Правда, русских традиционных песен, усвоенных и переработанных жителями западных районов Кубани, не так много, что объясняется более сильной новой складывающейся песенной традицией.

Некоторые краеведы (С.Ф.Фарфоровский, Л. Македонов, Д.Иванов, Л.Семилуцкая) в конце XIX – начале XX в. писали об исчезновении народных песен на Кубани (Фарфоровский С.Ф. Песни последних кобзарей на Кубани // Филологические записки. Вып. IV. Воронеж, 1909. С.1). Между тем, песни продолжали жить, отражая местные события, настроения, быт, обычаи кубанского населения. Общерусские и общеукраинские песни переводились с языка на язык, при этом отдельные слова изменялись лишь фонетически. В некоторых же случаях перевод был таков, что трудно определить украинская ли это песня, или русская по происхождению (Кубанские станицы. М., 1967. С. 325, 326). Особенностью бытования песни на Кубани являлось то, что помимо исполнения их дома, на свадьбе и т.д., народные песни включались в репертуар официальных (профессиональных) или непрофессиональных певцов хора Войска Кубанского и полковых,

станичных хоров. Хор Войска Кубанского, которым в разное время руководили такие знатоки и любители народной песни, как Бибик, Г.М.Концевич, оказывал заметное влияние на репертуар полковых, станичных хоров и всего населения.

В свадебной поэзии восточных станиц Кубани середины XX в. в отличие от западных сохранились длинные величальные песни – обыгрывания, обращённые к невесте, жениху и их родне: «По сад-саду, по сад, по сад зелену», «Люли, люли да кудрявая», «А у нас нонче ой Ванюша ночевал», «Мальчик кудрявчик мой», с характерными для этих песен припевами «люли-ла», «ой люли». В последнее время все большее место в свадебной поэзии русских станиц занимают коротенькие песни, заимствованные из украинской свадьбы: «Загребай, мати, жар, жар», «Брала Маня лен, лен», «Сестрици – подружки, несите подушки». Такое заимствование не случайно, эти веселые и коротенькие песенки соответствуют настроению современных участников свадеб, особенно молодежи. К тому же слова и мелодии этих песен легко запоминаются.

Рассматриваемые в данной работе свадебные песни были опубликованы в «Записках Армавирского окружного общества краеведения» (Записки Армавирского окружного общества краеведения. 1928. №4). Записи сделаны школьниками 1-й группы Вознесенской школы 2-й ступени в 1924 – 1925 гг. в станице Вознесенской Армавирского округа Северо-кавказского края (ныне ст. Вознесенская, Лабинского района). В собирании казачьих песен участвовали Ильин Алексей, Ильин Петр, Пунтикова Александра, Пунтикова Прасковья, Тишевский Александр.

Всего было опубликовано 19 казачьих свадебных песен по следующим основным элементам свадебного обряда: Пропивание невесты (2), «Песня, когда пекут шишки»; «Когда каравай делают», «Когда каравай в печь сажают» (2), «Песня, когда идут вечерить к жениху», «Песня, когда придут вечерить к невесте», «Песня, когда повечерят у невесты», «Песня, когда обыгрывают невесту с женихом», «Песня, когда привозят кровать к жениху», «Песня, когда убирают невесту, если сирота», «Песня, когда невеста сидит за столом одна», «Песня, когда невеста и жених сидят за столом», «Песня свату», «Песня, когда продают косу», «Песня, когда невеста выезжает со двора», «Песня, когда молодых везут к венцу», «Песня, когда едут от венца».

I. Пропивание невесты

*Ой, пъяница, да пропойница,
Авдотьюшкина матушка,
Пропила свою дочку,
Да за винную бочку,
Пропила свою чаду,
Да за винную чару.*

II.

*А-ю Павла Михайловича
Да стояли столы дубовые,
В столах ножки позолочены,
А скатерти переборчестые,
А на скатертях бутылочки стоять
А стаканы походя говорить
А винтовочки разговаривают
Авдотьюшку уговаривают:
„А, дитя мое, деточка,
Ты сама мне гостюнка,
То сама к нему превернётся приголубится,
Повернётся — поцелуется."*

III. Песня, когда пекут шишки

*По улице золотарь идя,
Золотые шишки возя,
Мы шишку купили
Каравай снарядили.*

IV. Когда каравай делают

Из недели в неделю — година

*Собиралась Натальина родина.
Привозили три пуда муки на каравай:
Слава богу! Пшеничный каравай
Из недели в неделю — година
Привозили три пуда соли на каравай!
Слава богу! Сольный каравай!
Из недели в неделю —година
Привозили три пуда масла на каравай.
Слава богу! С маслом каравай
Из недели в неделю—година
Привозили три пуда сыру на каравай.
Слава богу! С сыром каравай!*

V. Песня, когда каравай сажают в печь
*Печка жгуча, каравая хоча.
А припечек усмехается,
Каравая дожидается.*

VI.Песня, когда каравай сажают в печь
*А зайнька по полю рыша,
А свашенька помело иша,
Чем печь замечать.
Наш каравай да и в печь пошёл
Наш яровой да и ножки пожёг.*

VII. Песня, когда идут вечерить к жениху
*Говорила да вот Авдотьюшка,
Да вечер ко мне, девушка,
Да вечер — ко мне, красная,
Михайлушка приезжал,
Да подарочек привозил,
Подарочек небольшой,
С руки персень золотой,
Позолоченный налитый,
Авдотьюшке молодой,
Я не знаю, как и быть,
Как золот персинь носить,
На правой руке носить,
Отца, мать красить,
Да пойдём, ладу, поводу,
Спустю персень на воду,
На самую глубину,
Закрутится, завертится,
Мой золот перстенёк.*

VIII. Песня, когда придут вечерить к невесте
*А-ли по двору, по широкому,
Да по терему по высокому,
Ходила, гуляла красная девица,
Красная девушка Аннушка,
Она спрашивая родного батюшку
Родную матушку:
„Государь, родный батюшка,
Государыня, родная матушка,
А чей это двор подметён,
Терем - сени новые с перебором
С красными окнами, с зелеными ставнями*

*А к ночке к нам гость будя,
Небывалый гость,
Невиданный гость,
Он приедя к нам,
Побывая у нас,
Красных девушек,
Да молодушек,
Повидая, красну девушку
Свою Аннушку".*

IX. Песня, когда повечерят у невесты.

*Шумела сосна во бору,
Ладо во бору.
Стукнули ложки по столу,
Ладо по столу.
Пили ели бояре,
А кушали крестьяне,
Ладо крестьяне.
А Миколаю все друзья,
Аи, ладу, ладу все друзья,
Ой, Павловичу все братья,
Ладу, ладу все братья,
А Марьины все подружки,
Аи, ладу, ладу все подружки.
Антоновны все сестрицы,
Аи, ладу, ладу все сестрицы.
Пили-ели вон пошли.*

X. Песня, когда обыгрывают невесту с женихом

*А-ю поле при долине стояла вербина,
Стой, моя вербинушка, стой не колыхнись,
Белая кудрявая, стой не трепенись.
Средь моря широкого стоял высокий терем,
Стоял, стоял высок терем,
Столы дубовые, верхи золочёные,
За столиком за дубовеньким
Два писаря сидели, первый писарь
Михайлушка
Два листика пиша.
Первый листик бумажненький —
Ольгушке пришлет:
Живи, живи, Ольгушка,
Живи не печалься,
Брось тоску, Павловна,
В слёзы не ударяйся:
Придя праздник воскресенье —
Пойдем прогуляться.
Выйду, выйду за ворота,
Там луга, болота,
Шолковая травка
Дорожку устилая,
По дорожке Михайлушка едя,
Он на вороном коне,
На кованом седле
Шапку снял, конь взял,
Низко поклонился,
Хорошенькой ой Ольгушке*

*В очи подивился,
„Бог на помочь, ой Ольгушка,
Яровой ячмень жать.
По дном, по дном колосочку
По дном яровому
Батюшке родному".*

*XI. Песня, когда привозят кровать к жениху
Ой, дай, сваха, пива,
Ой, дай, сваха, пива,
Ой, дай, сваха, водки,
Ой, дай, сваха, водки, —
Пересохло в глотке.*

*XII. Песня, когда убирают невесту, если сирота
Ой, мы выйдем, мы выйдем
На крутые горы, ой, лели, ой, ляли.
Ой, мы глянем, мы поглянем в низ под оную
Ой, лели, ой, ляли.
Плывет утка, два селезня
С полою водою;
Ой, лели, ой, ляли.
Живет наша вот Аннушка
Круглой сиротою,
Ой, лели, ой, ляли
Некуда сиротинушке головушку приклонить;
Ой, лели, ой, ляли.
Приклоню я головушку, к лютному свекру;
Ой, лели, ой, ляли.
Головушка не клонется, шеечка не гнётся;
Ой, лели, ой, ляли.
Приклоню я головушку к лютной свекрушке;
Ой, лели, ой, ляли.
Головушка не гнется, шеечка не вьётся;
Ой, лели, ой, ляли.
Приклоню я головушку к милому другу своему;
Ой, лели, ой, ляли.
Головушка клонется, шеечка вьётся;
Ой, лели, ой, ляли.*

*XIII. Песня, когда невеста сидит за столом одна
Летели гуси через сад;
Ой, лели, ой, лели через сад;
Ударили золотыми крыльями о терем:
Ой, лели, ой, лели о терем;
Сказали, да Пелагеюшке с терема долой;
Ой, лели, ой, лели с терема долой;
Сказали, да Пелагеюшке на посад;
Ой, лели, ой, лели на посад.
Мы ж тебя, Пелагеюшка, уговаривали.
Ой, лели, ой, лели уговаривали.
Мы жь тебе, Павловна, приказывали;
Ой, лели, ой, лели, ой приказывали.
Не вставай, Пелагеюшка, рано,
Ой, лели, ой, лели;
Не чеши русу косу дробненько,
Ой, лели, ой, лели дробненько.*

*Не ходи, Пелагеюшка рано по воду,
Не черпай, не черпай вой, Павловна
холодной воды,
Ой, лели, ой, лели;
„Нету вам подруженьки дела до того;
Есть у мене родной батюшка для того,
Ой, лели, ой лели для того.
Благослови, родной батюшка, мене: я поеду-
Подстелят шитый ковер,—
Я ступлю,
Ой, лели, ой, лели я ступлю;
Подвезут зелену карету,
Я сяду;
Ой, лели, ой, лели я сяду,
Посадят извозчика молодого
И повезут Пелагеюшку от села, до села,
Чтобы наша Павловна была весела,
Ой, лели, ой, лели была весела.*

XIV. Песня, когда невеста и жених сидят за столом
*Скупые бояре по сметью ходили,
Черепашки собирали.
Девоч одаряли, а нас девочек немножко 45, 90.*

XV. Песня свату (Обыгрывают).
*Прислали к нам свата,
— На горбу заплата.
Мешком подпоясан,
Кастричные зубы,
Ременные губы,
Из соломы борода,
Голова обручем обита.*

XVI. Песня, когда продают косу
*Не тебе, дружку, дружковать,
Тебе свиной пасть.*

XVII. Песня, когда невеста выезжает со двора
*Извозчик, молодчик, держи вожжи,
Ровно, приударь коня больно,
Езжай поскорей, шибко я не видала,
Шибко я не слыхала, как батюшка плача,
Родная рыдая, с двора провожая.
Не павлиное перышко упало перед
Александрюшкиным теремом,
Упала Александрюшка,
Упала Ивановна матери в ножки:
„Родимая матушка,
Не требуйте моими дарами,
Шитыми рушниками".*

XVIII. Песня, когда молодых везут к венцу
*За горами за каменьями,
Лели ладу, за горами, каменьями,
Душиль мой;
Иванушка пашню паша,
Лели ладу, Иванушка пашню паша,*

Душиль мой;
Александрушка да во след ходя,
Лели ладу, во след ходя,
Розу садя,
Душиль мой;
Рости, роза, кудрявая,
Лели ладу, расти, роза, кудрявая,
Душиль мой;
На той розе да семьсот веток,
Лели ладу, семьсот веток;
Душиль мой;
Всем боярам по веточке,
Иванушке да ветки нету,
Лели ладу, нету;
Душиль мой;
Ему ветка да красна девка,
Красна девка да Александрушка.

XIX. Песня, когда едут от венца
Бел заюшка, бел заюшка,
Бел заюшка, камыш-травушка;
Камыш-трава, камыш-трава,
Камыш-трава, ключевая вода,
Ключевая, ключевая, вся колодезная,
Во ключике, во ключике,
Во ключике белы ластушки;
Белы ластушки, белы ластушки, касатушки.
Касатай мой, касатай мой,
Касатай мой селезень.
А где бывал, а где бывал? — на море.
А што видал, а што видал,
А што видал? — Птицу- утицу.
Плывет утка, плывет утка,
Плывет утка по морю,
За ней ути, за ней ути,
За ней ути в три ряда;
Четвертый ряд, четвертый ряд,
Четвертый ряд с селезнем, селезнем,
А пятый ряд, а пятый ряд,
А пятый ряд — молодцом.
Пошто-ж тебе, пошто-ж тебе,
Пошто-ж тебе долго с вечера нет.
Али тебе, али тебе,
Али тебе да привадушка есть.
Привадушка, привадушка,
Привадушка — красна девушка.
Красна девка, красна девка,
Красна девка вот Аннушка.
Она тебе, она тебе,
Она тебе приневоливала
Часто в гостюшки ходить
Да подарочки носить,
Подарочки — сладки прянички.
Сладки пряңы, сладки пряңы,
Сладки прянички, орешки,
Орешки, орешки,
Орешки, али зернушки.

Рассматривать фольклорный материал необходимо в контексте исторических реалий того времени. Станица Вознесенская Лабинского района была основана 22 сентября (5 октября) 1841 года на месте Ново-Донского укрепления переселенцами с Дона. (ЦГВИА.Ф.ВУА, Д.6428, Л.94об – 95) Уже в начале 90-х гг. XIX века ст. Вознесенская выделялась среди других в Лабинском отделе численностью – в ней проживало 9840 человек (Басханов А.К., Басханов М.К., Егоров Н.Д. Линейцы. Никосия, 1996. С. 127). К началу XX в. в ст. Вознесенской имела Вознесенская мужская гимназия, инспектор которой М.С. Сидоров внес значительный вклад в развитие народного образования Лабинского отдела (Кубанский календарь на 1912 г. Екатеринодар. С.189). После революционных событий 1917 г. положение в Вознесенской было непростым. Сохранилось сообщения о восстании казаков в ст. Вознесенской, Лабинской, Ахметовской, Чамлыкской зимой-весной 1918 г. И.Тищенко, уроженец ст. Вознесенской, писал в статье «Дорогие Вознесенцы!» о возмущениях вознесенцев в феврале-октябре 1918г. (Вольное казачество. 1937. №215). Однако не только тысячи жизней унесла Гражданская война на Кубани. Были вырваны и брошены на чужбину тысячи носителей традиций и культуры казаков. С грустью писал в эмиграции Войсковой атаман генерал Науменко в 1930г: «Ряды наши редуют. Уж многих унесла смерть, настоящие казаки стареют, подрастающая молодежь отрывается от родного уклада жизни и расплавляется в окружающей среде, перенимая обычаи той страны, где находится. Казачество как таковое теряет свой дух, казак перестает быть казаком» (Вольная Кубань. 1930. №8[86]). Еще одно, опубликованное за границей письмо казака рисует бедственное положение в ст-це Вознесенской в 1930 г. и почти бесплодную надежду стариков на возвращение офицеров – эмигрантов и возрождение старого уклада (Вольная Кубань.1930. №12[90]). Нарождавшаяся в России власть вместе с жестокими репрессивными мерами к непокорившимся казакам, делала попытки восстановления мирной размеренной жизни не всегда понятными для казачества шагами. Так, в одном из писем сыну в эмиграцию читаем: «...Заходит зима, а мы все голые и босые. В лавке ни ситцу, ни обуви. А только полная лавка советских книг и детских игрушек, и черт знает чего...» (Вольная Кубань.1930. №10[88]). Тем ценнее для нас сведения о свадебной обрядовой лирике, собранные школьниками в станице Вознесенской в 1924 – 1925 гг.

Е.В.Тёр

«Эстонского дело» 1938 г. Сколько было репрессированных?

Об истории массовых репрессий конца 1930-х годов, их причинах и последствиях немало написано книг и статей, сняты документальные фильмы. В период 1937 – 1938 годов в Краснодарском крае подверглись репрессиям национальные группы, проживавшие компактно на всей территории Кубани – немцы, корейцы, латыши, литовцы, эстонцы и другие. Национальные округа были ликвидированы. Не обошли эти события и Отрадненский район. (См.: Дыбенко Н. Незримые нити памяти // Сельская жизнь. 9 октября 1990 г. С.1; Саббо Г. Гибель. Таллинн, 1990. (на эстонском языке); Тёр. Е.В. Слезы радости и слезы скорби // СКИТ. Независимая еженедельная газета Отрадненского района. 16 апреля 1998 г. С.4; Тёр. Е.В. К истории демографии Отрадненского района // Проблемы неустойчивости и управление изменениями в социально-экономических структурах. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Отрадная: Отрадненский гуманитарный институт, 1999. С.135–138; Тёр Е.В., Тёр В.В. Листая прошлого страницы // СКИТ. 15 июля 1998 г. С.4; Хольм А. Они были работягами // Сельская жизнь. 16 января 1992 г. С.4)

В 1938 г. репрессировали практически всё мужское население эстонских села Ново-Эстоновского (колхоз «Уус-Тее») и хутора Банатовского (колхоз «Вейтлус»). 6 марта 1939 г. Постановлением Бюро Краснодарского крайкома ВКП (б) о преобразовании национальных районов и сельсоветов края, на основании решения ЦК ВКП (б) от 20 февраля 1939 г. о ликвидации и преобразовании искусственно созданных национальных районов и сельсоветов, Ново-Эстоновский сельсовет Отрадненского района был переименован в Предгорный. Данное решение было указано провести к 15 марта 1939 года (Краснодарский край в 1937–1941 гг. Документы и материалы. Краснодар, 1997. С.149). В результате репрессий практически всё мужское население с. Ново-Эстоновского и х. Банатовского в родные семьи не вернулось.

По данным Архивного отдела Администрации муниципального образования Отрадненский район, демографическая картина в колхозах «Уус-Тее» (с. Ново-эстонское) и « Вейтлус» (х. Банатовский) выглядела следующей.

Таблица 1

**Население с. Ново-эстонское
(колхоз «Уус-Тее») на 10 марта 1943 г.**

Возраст	Мужчин	Женщин
До 4 лет	11	15
4-8 лет	28	20
8-12 лет	13	26
12-16 лет	22	38
16-18 лет	17	-
18-49 лет	14	154
50-59 лет	10	25
60 и старше	11	31
Итого:	126	320

Таблица 2

**Население х. Банатовского
(колхоз « Вейтлус») на 10 марта 1943 г.**

Возраст	Мужчин	Женщин
До 4 лет	5	9
4-8 лет	11	7
8-12 лет	6	7
12-16 лет	9	8
16-18 лет	2	-
18-49 лет	4	54
50-59 лет	2	13
60 и старше	6	14
Итого	45	112

(Архивный отдел администрации муниципального образования Отрадненский район. Фонд Р-92. Д. № 6. Оп.1. Л.29)

Как видим по приведённым статистическим данным, чётко прослеживается дисбаланс в половозрастной структуре населения в пользу женщин. В цифрах, фиксирующих мужское население, наблюдается резкое уменьшение в тех возрастных когортах, которые подлежали призыву в армию в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. Какой процент из их числа был репрессирован накануне войны – неизвестно, поскольку нет точных данных по общему количеству репрессированных эстонцев.

Согласно сведениям, которые публикует Гильда Саббо в своей книге, – репрессировано было 96 человек (Саббо Г. Гибель. Таллинн, 1990. С.77 – 78). По спискам, собранным эстонцами Отрадненского района Краснодарского края в 1980-х годах и хранящимся в местном краеведческом музее – 97 чел. Согласно официальной справке ФСБ, например, сведениями в отношении граждан эстонской национальности Аннус И.М, Аннус М.Г, Хиндрексон В., Якобсон А.Ю. архив ФСБ не располагает (Справка УФСБ Российской Федерации по Краснодарскому краю №1/1/5-78 от 01.09.1999 г.) Эти люди числятся в тех списках, которые имеются в Отрадненском краеведческом музее и опубликованы в книге Г. Саббо. Возможно, другим исследователям удастся выяснить судьбу этих и других людей и окончательно уточнить общее число эстонцев-жителей Отрадненского Предгорья, репрессированных в конце 1930-х годов.

**Казачи-кубанцы в годы Великой Отечественной войны.
3-я Гвардейская кавалерийская (Армавирская казачья) дивизия**

В Архивном отделе администрации муниципального образования город Армавир имеется уникальный фонд: «Коллекция документов и материалов участников Великой Отечественной войны и воинов-интернационалистов», в котором представлены не только документальные, но и вещественные материалы о том тяжелом времени; не только воспоминания и письма участников Великой Отечественной войны, исследовательские работы, статьи, исторические очерки, но и медали, ордена, красноармейские книжки, благодарности, поздравления воинов. В 2008 г. фонд пополнился документами о деятельности Совета ветеранов 3-й гвардейской кавалерийской (казачьей Армавирской) Мозырской Краснознамённой ордена Суворова II степени дивизии. Документы представлены Андреем Даниловичем Тарасенко, гвардии полковником в отставке, участником Великой Отечественной войны, бойцом легендарной дивизии. Помимо этого, в фонде документов личного происхождения «Владимир Николаевич Павлюченков» имеются документы и фотографии о легендарной дивизии, которые были использованы при написании документальных книг «Армавиры в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и «Книга памяти Армавира».

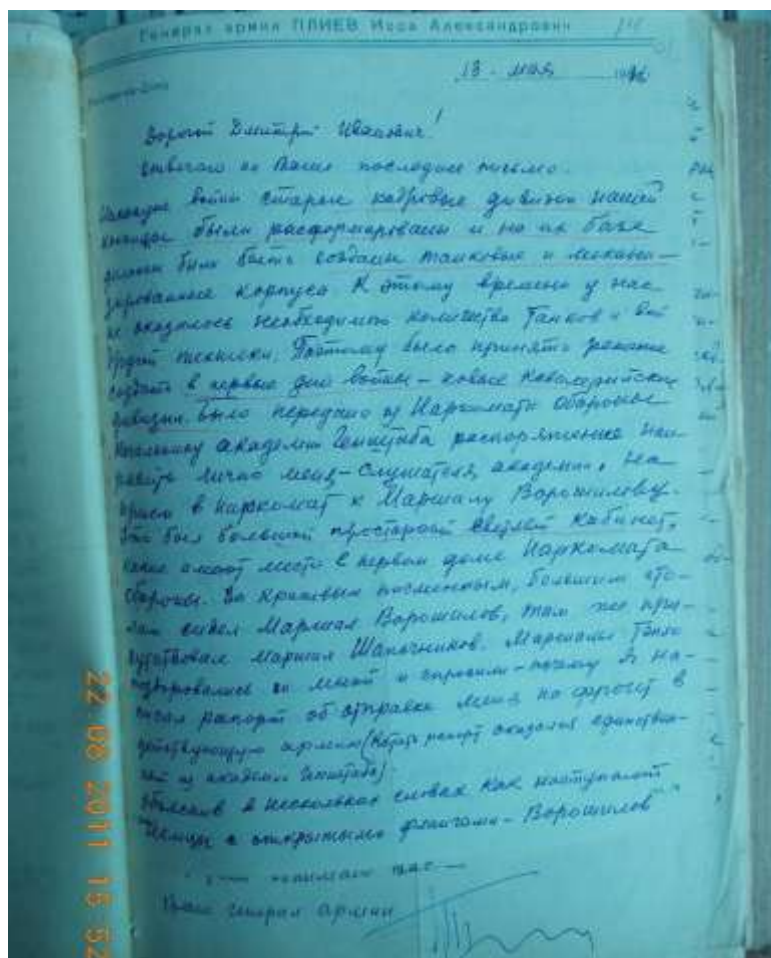
В настоящее время часто появляются разного рода исторические подтасовки и двоякие толкования участия казаков в Великой Отечественной войне. С одной стороны, вполне обоснованно и заслуженно отмечается участие казаков в защите родного Отечества, с другой стороны – из казаков пытаются сделать гитлеровских прислужников, выступавших против России и против русского народа. Да, с первых лет существования советской власти отношения между казаками и властью были не совсем дружелюбными, скорее, враждебными. Но время всё ставит на свои места. И постепенно история показала, что свободолюбивые и отчаянные казаки всегда первыми становились на защиту Отечества. Казачьи части принимали участие во всех значимых сражениях Великой Отечественной войны, вместе со страной, со своим народом казаки были и в горести, и в радости.

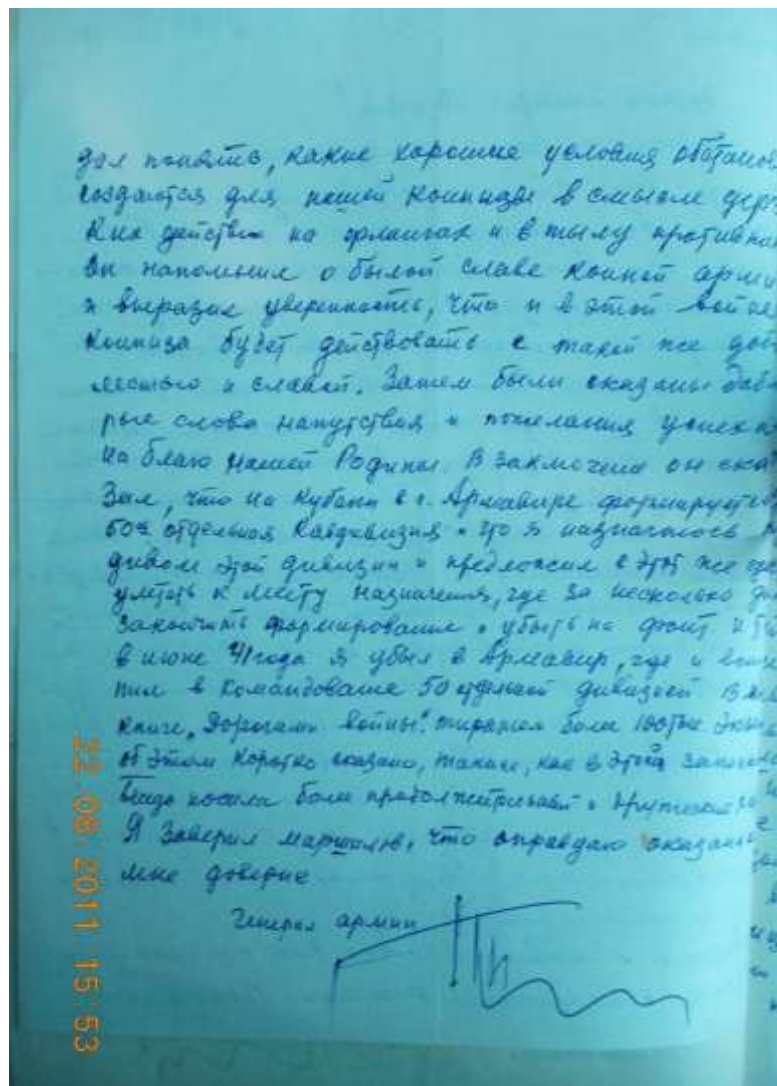
Одним из наиболее легендарных соединений Красной Армии является 3-я гвардейская (бывшая 50-я) кавалерийская дивизия. Она участвовала в Великой Отечественной войне с июля 1941 по май 1945 года, прошла с боями по территории России, Белоруссии, Украины, Польши и Германии 12700 километров, совершила 13 глубоких рейдов по тылам противника и отличилась в таких крупных сражениях стратегического масштаба, как битва за Москву, Курская битва, освобождение Варшавы и взятие Берлина (Кубань в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Рассекреченные материалы. Хроника событий. Кн. 1,2. Краснодар, 2002)

Эта дивизия была сформирована в Армавире из кубанских казаков после приказа ГКО от 5 июля 1941 г. о формировании из казаков 48 кавалерийских дивизий, в том числе 30 на Северном Кавказе. Наша 50-я кавдивизия была среди первых пятнадцати. 3500 лучших казаков станиц Лабинской, Вознесенской, Чамлыкской, Отрадной, Бесскорбной, Попутной, Спокойной, Передовой, Отважной, Преградной, Удобной, Упорной, Советской, Курганной, Успенской, Кавказской, Ново-Кубанской, городов Армавира, Краснодара, Майкопа, Кропоткина вошли в её состав. Более трёх тысяч ухоженных лошадей предоставили дивизии наши колхозы, совхозы, конезавод. А вот оружия и боевой техники было недостаточно: винтовок, автоматов, пулеметов было мало, но зато клинки были у каждого. В кратчайшие сроки, в результате кропотливой круглосуточной работы под командованием полковника Исы Александровича Плиева, помощи секретаря горкома партии Армавира Л.М. Кривенко и председателя горисполкома В.П. Малых были укомплектованы штаб и политотдел дивизии, а также три кавалерийских полка. 13 июля И.А. Плиев доложил командующему округом о завершении формирования дивизии. А уже ранним утром 14 июля эшелоны уносили казаков от родных мест. Впереди – Москва.

50-я кавалерийская дивизия полковника Плиева прибыла с Кубани на западное направление. Дивизия в составе кавалерийской группы Л.М. Доватора получила задачу прорваться в тыл противника и отвлечь силы и внимание врага от активных наступательных действий на московском направлении. (Кавалерийская дивизия Л.М. Доватора состояла из двух казачьих дивизий: нашей, кубанской, 50-й и ставропольской 53, сформированной тогда же) Проявляя мужество, героизм, отвагу и военную смекалку казаки справились с поставленной задачей. За полторы недели боёв с казаками немцы так и не смогли установить численность рейдующей у них в тылу советской

конницы. В одном из приказов немецкий генерал сообщал: «В тылы армии прорвались не сто тысяч, как об этом всюду говорят, а лишь несколько десятков тысяч казаков». У страха глаза велики.

Кавалерийская группа, в которую входили две дивизии и насчитывалось всего 2500 сабель вместе взятых, смогла своими действиями и бесстрашием вселить страх в многотысячную, отлично оснащённую армию противника. 5 сентября 1941 г. Совинформбюро сообщило, что казачья кавалерийская группа Л.М. Доватора прошла по тылам врага 300 километров, уничтожила 2500 гитлеровцев, 9 танков, 200 автомашин. Конечно же, эти потери для фашистской армии были малоощутимы, но, тем не менее, темп наступления немецко-фашистских войск на фронте несколько спал. Да и конница, как подвижный род войск, лишь еще раз доказала свою мобильность и способность в тылу, где нет ни переднего края, ни соседей справа, ни соседей слева, ни своего тыла с продовольствием, боеприпасами, вести бои с превосходящими силами противника.

После небольшой передышки – снова бой. Немцы готовились к генеральному наступлению на Москву. К реке Межа за г. Белым Калининской области подходили передовые части 110-й пехотной дивизии СС. Лев Михайлович Доватор направил туда казаков Плиева. Противник превосходил 50-ю кавдивизию И.А. Плиева по численности в восемь раз, по оснащённости боевой техникой – в несколько раз. Десятки вражеских атак отбили кубанцы. Героически сражался взвод Георгия Криворотько, разгромивший роту эсесовцев. Помощник начальника штаба полка капитан Петр Порожний, бывший военрук Армавирского педучилища, прорвал кольцо окружения, вывел эскадроны, не оставив раненых товарищей, но сам погиб, сохранив под гимнастеркой полковое Знамя. При отражении налёта вражеской авиации погиб начальник штаба майор И.К. Котляр. Десятки героев, десятки подвигов кубанцев! Бой на берегу Межи заслуживает внимания военных историков. Благодаря стойкости, бесстрашию, боевому мастерству казаков фашисты потеряли около 10000 человек и значительное количество военной техники.

Небольшой отдых, доукомплектование – и снова в бой. Тяжёлые оборонительные бои начались 16 октября 1941 года. 50-я кавдивизия, прикрывавшая московское направление на рубеже Кузьминское – Теряева Слобода, отбила все атаки противника. Численность дивизии тогда составляла всего 700 человек.

16 ноября 1941 г. 50-я кавдивизия начала бой с немецкими танками. Битва продолжалась 14 часов. Командующий 16-й армией К.К. Рокоссовский назвал эту битву с немецкими танками подвигом частей И.В. Панфилова, Л.М. Доватора, М.Е. Катукова и Ф.Т. Ремизова, которая навсегда останется в памяти народа.

18 ноября дивизия Плиева была переброшена на новый участок с задачей: не допустить прорыва гитлеровских войск к Волоколамскому шоссе через деревню Федюково.

На юго-западе занял оборону 4 эскадрон 37-го Армавирского полка под командованием 24-летнего младшего политрука, уроженца Армавира, Михаила Григорьевича Ильенко. В эскадроне было 38 казаков с одной противотанковой 45-миллиметровой пушкой, одним станковым пулеметом, четырьмя ручными пулеметами. Ранним утром 19 ноября на позиции эскадрона устремились немецкие танки, целью которых являлся выход на Волоколамское шоссе, открывавшего прямой путь на Москву. Первые две атаки немцев были отбиты. Далее бой приобрел более ожесточенный характер. У казаков быстро закончились боеприпасы. Но, несмотря на это, в ходе тяжелейших боев, казаки ценой своей жизни удерживали мощный натиск врага, уничтожив 28 танков. Все казаки погибли, но они выполнили свою задачу: противник так и не смог пробиться к Волоколамскому шоссе, атака фашистов была сорвана, расположение советских войск было восстановлено.

Эскадрон младшего политрука Михаила Ильенко, по существу, совершил такой же подвиг, как 28 панфиловцев. К сожалению, он остался незамеченным в суматохе тех дней. Но стихи поэта Сергея Смирнова-Смелова заставляют нас помнить этот тяжелый бой:

Еще один кровавый день сраженья
Позёмкой, как бинтами, забелён.
Начальник штаба пишет донесенье:
– В бою погиб 4-й эскадрон.
А перед взором страшный миг атаки,
Багрово-чёрных взрывов башлыки.
К родной столице рвущиеся танки
Гранатами рубали казаки.
...Но не забыли рощи Подмосковья
Тех, чью песнь оборвала война.
Березки шепчут с нежною любовью
Известные им только имена.

Все 37 погибших казаков 4-го эскадрона были похоронены в братской могиле жителями деревень Федюково и Шелудьково, которые стали свидетелями этого боя. В настоящее время на месте гибели казаков-кубанцев оформлен мемориал и установлен большой поклонный крест. Каждый год на этом месте проводятся памятные мероприятия. Совместно с Региональной общественной организацией «Кубанское землячество» учащимися из числа детского движения на мемориале проводятся вахты Памяти в честь погибших при защите города Москвы.

Но борьба с врагом продолжалась. Всего за первые трое суток кавалерийская группа Л.М.Доватора, прикрывая Волоколамское шоссе, уничтожила 73 немецких танка, а 19 и 20 ноября 1941 г. - ещё 27. Из четырехсот танков, брошенных немцами на волоколамское направление, 100 подбито и сожжено доваторцами, в том числе 61 танк – кубанскими казаками (В. Павлюченков, Г.Богданов, И. Зирин и др. Армавиры в Великой Отечественной войне 1941-1945 г. Армавир, 2005. С. 112 – 124).

Боевые действия 50-й кавалерийской дивизии были высоко оценены маршалами К.К. Рокоссовским, Г.К. Жуковым, А.М. Василевским. Вот что писал А.М. Василевский: «В исторической битве под Москвой у Волоколамского шоссе, а затем у Истринского водохранилища закалялось боевое мастерство генерала Плиева, росла слава его дивизии. За дерзкие рейды по тылам противника, за мужество и стойкость, проявленные при защите столицы, соединению Плиева было присвоено почётное гвардейское наименование. 50-я дивизия стала именоваться 3-й гвардейской кавалерийской дивизией, а группа Л.М. Доватора – 2-м гвардейским кавалерийским корпусом. Вместе с другими соединениями, оборонявшими Москву, гвардейцы Плиева насмерть стояли почти у самых ворот столицы».

В оборонительных и наступательных боях, рейдах по вражеским тылам, маршах с одного фронта на другой, с одного крыла на другое крыло, из одной армии в другую 2-й гвардейский корпус прошел 12700 километров и уничтожил 98 тыс. гитлеровцев, 512 танков, 97 артиллерийско-минометных батарей.

Можно ли из этих данных выделить вклад, который внесла в разгром только наша 3-я гвардейская кавдивизия? Вряд ли. Все дивизии корпуса в течение всей войны входили в состав корпуса и в боях участвовали вместе, как одно соединение.

Военные действия 2-го гвардейского кавкорпуса и его дивизий высоко оценены государством. Верховный главнокомандующий объявил их личному составу десять благодарностей,

20 тысяч бойцов и командиров награждены орденами и медалями, 48 из них стали Героями Советского Союза, в том числе 20 гвардейцев нашей кубанской дивизии, а 16 стали полными кавалерами ордена Славы.

Ордена Красного Знамени удостоены корпус, две его дивизии и 16 полков, а ордена Суворова – тоже корпус, две его дивизии и 6 полков. Кроме этого, 35 частей и подразделений были награждены другими орденами.

За участие в сражениях корпусу было присвоено почётное наименование «Померанского», трем дивизиям – наименование «Мозырских», пяти полкам – «Седлецких».

После всех полученных наград корпус назывался: 2-й гвардейский кавалерийский Померанский Краснознаменный ордена Суворова II степени, а дивизия, сформированная в Армавире – 3-я гвардейская кавалерийская Мозырская Краснознаменная ордена Суворова II степени (Ф. Р – 22. Оп. 1. Д. 74).

Корпус и казачья дивизия не носили название «казачьи». Во время формирования, учитывая трудное тревожное время, некогда было думать. А весной 1943 года, когда ходатайства рассматривались в Москве (нашу кубанскую дивизию предлагали назвать 3-й гвардейской Армавирской казачьей кавалерийской дивизией), изменился личный состав дивизии – корпус и 3-я гвардейская были теперь укомплектованы не только казаками.

После войны 2-й гвардейский кавкорпус был отправлен своим ходом из Германии, через всю Польшу, в бывшую Восточную Пруссию, и в ноябре 1945 г. в Тильзите расформирован. Попрощаться с конницей приехали маршалы Г.К. Жуков и А.М. Василевский. На ипподроме состоялся последний торжественный марш.

Это лишь одна страница об участии казаков в Великой Отечественной войне, краткая история дивизии, сформированной в городе Армавире. Вместе с другими казачьими частями наши земляки участвовали во всех крупных и значимых сражениях Великой Отечественной войны. Они разделили со страной и народом как горечь поражений начального этапа войны, так и радость триумфов 1943 – 1945 годов. С полным правом казаки прошли в парадном строю по Красной площади 24 июня 1945 года.

Н.Е. Ерёмичев

Один бой 4-го эскадрона

Битва за Москву. Грандиозное сражение, в ходе которого впервые удалось остановить и отбросить назад немецкую военную машину, унесло и многие тысячи жизней кубанцев. Немало эпизодов этой битвы по настоящее время остаются несправедливо забытыми. Совсем недавно мало кому был известен подвиг на Волоколамском направлении казаков-кубанцев 4-го эскадрона 37-го Армавирского кавалерийского полка (впоследствии 9-й гвардейский кавалерийский Седлецкий

Краснознаменный, ордена Суворова) 50-й Кубанской кавалерийской дивизии. Произошло это у деревни Федюково 19 ноября 1941 г.

Перед началом боя полк имел в строю лишь 116 человек, поскольку большой урон кубанцы понесли в предыдущие дни, когда гитлеровские войска 16 ноября перешли в наступление по всей линии обороны 16-й армии. Прикрывая подступы к Волоколамскому шоссе в районе деревень Федюково и Сычево, казаки героически, ценой многих жизней, отражали атаки врага. По воспоминаниям бывшего командира 9-го гвардейского кавполка полковника в отставке Ласовского и других ветеранов-кубанцев, наиболее стойко и самоотверженно сражались близ юго-западной окраины деревни Федюково, прикрывая левый фланг полка, казаки 4-го эскадрона. По собранным летом 2006 года казаками Кубанской Казачьей Общины г.Москвы данным, вместе с командиром эскадрон насчитывал около 4-х десятков человек (из 108 по спискам на сентябрь 1941 года). Эта оставшаяся в строю треть эскадрона и приняла на себя основной удар противника...

Западнее деревни Федюково, на Волоколамском шоссе, стояли батареи советской заградительной артиллерии, не давая пройти немецким танкам. Немцы решили предпринять обходной маневр, выйти в тыл артиллеристам и двигаться дальше на Москву, отрезав обороняющиеся части от основных сил. Единственной дорогой для танков и живой силы противника среди глубокого снега, покрывавшего леса и поля Подмосковья, было русло реки Гряда, скованное многодневными 20-градусными морозами толстым льдом. Лёд выдерживал многотонные машины, а берега реки служили прекрасным ориентиром.

С поздним рассветом 19 ноября 1941 г. со стороны деревни Язвище по руслу реки выдвинулись на прорыв к Волоколамскому шоссе десяток немецких танков. Во взаимодействии с танками продвигались штурмовые группы автоматчиков общим числом около роты. Только в живой силе немцы втрое превосходили армавирцев. В случае обнаружения обороны защитников Москвы, противник рассчитывал сходу вскрыть и подавить огневые точки и прорвать неподготовленную к долгому бою позицию казаков. Затем бы последовал бросок через считанные сотни метров, отделявшие деревню от шоссе, а дальше – прямая дорога на Москву.

Остальные части 37 кавполка, как и весь казачий корпус Доватора, находились с другой, северной стороны шоссе, и надеяться, оставшиеся прикрывать полк у деревни Федюково, казаки могли только на себя. Но если бы немцы проломили их оборону, то смогли бы не только двинуться на Москву, но и сразу ударить в незащищенный фланг кубанских частей. Пропустить врага – означало обречь многих своих станичников на смерть, а выживших – на тяжёлые бои в очередном окружении. Казаки знали, что выйти из этого боя шансов нет. Истощённые трехдневным бессонным отступ-лением в постоянных арьергардных боях, без отдыха, сна и горячей пищи, в двадцатиградусный мороз, они пожалели своих верных скакунов, которые два месяца непрерывных боев и глубоких рейдов в Белоруссии и Смоленщине выносили их из огня. Коноводам был дан приказ лошадей отпустить, а самим занять места в боевых цепях. Все знали, что идут на смерть. Они остались и приумножили казачью Славу своих отцов, дедов и прадедов.

Незадолго до этого под деревней Дубосеково, в том же Волоколамском районе Московской области, 28 сибиряков дивизии Панфилова приняли неравный бой с наступающими гитлеровцами. Не умаляя величия их подвига, отметим, что это была пехотная часть, обученная воевать в обороне с наступающей бронетехникой противника. Подготовленная к боям, при сильном морозе, в глубоком снегу, и, главное, не измотанная тремя месяцами боев на переднем фланге и в окружении.

У кавалерии же совершенно иные функции. Кавалеристов не учат воевать с танками, им не дают противотанковых ружей, не готовят пропускать над окопом бронетехнику и забрасывать её гранатами. Кавалерист должен уметь воевать в конном строю в первую очередь с живой силой противника. Сформированные в июле 1941 года из казаков разных возрастов казачьи дивизии относились к так называемому «легкому типу», поскольку в отличие от обычных полностью укомплектованных кавалерийских частей им практически не полагались средства огневой поддержки и механизированные подразделения обеспечения. Состояли такие дивизии только из конных полков и артдивизиона поддержки.

Массовая мобилизация казаков в конницу отражала концепцию советского руководства в начальный период войны, которое стремилось противостоять тактическому превосходству немцев, выбрасывая на пути германских танковых клиньев вооруженные одним стрелковым оружием массы пехоты и конницы. Советская власть никогда не любила казаков и жалеть недоуничтоженные, сосланные в шахты и на лесоповалы, не гниющие в ГУЛАГе остатки казачьего народа не собиралась. Десятки тысяч казаков, как и представителей других народов СССР, сгинули в бездумных, неподготовленных атаках 1941 года. Умело использовать преимущества кавалерии и

национальные особенности характера казаков умели далеко не все командиры. Тех же, кто умел грамотно воевать и не рисковал без нужды людьми, казаки любили и уважали. Среди них были и маршал Константин Рокоссовский, и генерал Лев Доватор.

У казаков четвертого эскадрона была пара ручных пулеметов, карабины, кинжалы и шашки. Все это было совершенно бесполезно использовать против бронетехники. А глубокий снег не позволял воевать верхом. Казакам вместо гранат выдали бутылки с горючей смесью. Этим-то новым и опасным для самого казака оружием и пришлось воевать кубанцам с танками. У казаков практически не было шанцевого инструмента, да и копать окопы трое суток не спавшим людям в промерзшей на метр земле было бесполезно. Поэтому им приходилось закапываться в снег у самого берега реки, чтобы успеть одним броском добежать до проезжающего мимо танка и бросить бутылку на расположенную за башней решетку, через которую «дышал» двигатель. Смельчака прикрывали огнем карабинов его товарищи, отвлекая на себя автоматчиков, в задачу которых защищать танки от такого нападения. Во время первой атаки казаки сумели поджечь несколько танков.

Перестроившись, гитлеровцы снова пошли в атаку. У казаков больше не было преимущества в неожиданности. Средств борьбы с танками было мало, да и чтобы прицельно метнуть гранату или бутылку, надо подойти к танку очень близко. В глубоком снегу в черных папах и серых полушубках или шинелях сделать это незаметно было почти невозможно. Да и промахнувшись, человек оказывался совершенно безоружным перед танком. Промах всегда означал верную смерть, но выбивать бронетехнику противника было больше нечем. И они уходили на танки, прихватив пару бутылок с горючей смесью. Очевидцы того боя рассказывали, как кубанцы, толком не умея действовать таким оружием, маскировались, засыпая себя снегом, и пропустив танк, бросались на него. Те, кого немцы успевали заблаговременно заметить, кто промахнулся или не успевал добежать до танка, превращались в живые факелы. После каждой отбитой атаки казаки приносили своих обожженных, но живых ещё товарищей в деревенские избы. Каждый раз, когда немцы начинали очередную атаку, кубанцев оставалось все меньше и меньше. Но помощи было ждать неоткуда, а отступать не позволяла казачья честь. После нескольких атак почти все оставшиеся в живых казаки были ранены. Но все, кто мог двигаться или хотя бы стрелять, оставались на своих позициях. Даже тяжелораненые, они продолжали отбивать натиск врага, честно выполнив до конца свой долг воина.

Командующего кавалерийской группой генерал-майор Лев Доватор несколько раз посылал верховых с приказом об отходе, однако ни один из них не вернулся. 4-й эскадрон был единственным подразделением корпуса, оказавшимся с южной стороны Волоколамского шоссе. Отрезок шоссе напротив деревни Федюково простреливался снайперами, и погибавшие кубанцы так и не слышали приказ генерала. А если бы и слышали, то вряд ли смогли его исполнить. Перед боем они, повинаясь человеческому состраданию, не исполнили другой строгий приказ Ставки: при отходе части Красной Армии должны были жечь за собой деревни, чтобы немцам, испытывавшим проблемы со снабжением, негде было ночевать в жестокие морозы. Однако далеко не все жители деревни Федюково убежали в леса, и сжечь их избы означало обречь неповинных соотечественников, в основном женщин, стариков и детей, на верную смерть. И казачье сердце, не боявшееся никаких лишений и самой смерти, дрогнуло... Кубанские казаки, под страхом военного трибунала, не стали жечь русскую деревню.

Последним в распоряжение эскадрона был послан сын кавполка Александр Копылов. В далекой Сибири, куда занесла его послевоенная судьба, мы нашли его фотографию и рассказ о его фронтовой жизни в одном из сельских музеев. Мальчик пробрался к деревне пешком, под сильно обстреливаемой со всех сторон дорогой он прополз по узкой водосточной трубе. Было очередное затишье после боя. Очаги обороны казаков были растянуты на несколько сотен метров, и обнаружить в сумерках оставшихся в живых Копылову не удалось. Об увиденном было доложено командиру полка. Армавирский полк, собрав всех наличных людей, ударил в конном строю через Волоколамское шоссе. Казаки пошли на эту убийственную атаку в надежде спасти хотя бы кого-то из своих. А если уже никого не осталось, то отомстить. Отомстить, пускай и ценой своей жизни. Ибо нет большей любви, чем положить живот свой за други своя. А мертвые сраму не имут!

В вечерних сумерках, немцы, не разобравшись насколько слабые силы кубанских казаков их атакуют, не выдержали стремительного яростного наскока и поспешно отступили. Всего пару часов деревня была вновь в руках казаков. Но даже мертвых товарищей отыскивали совсем не всех. Быстро накрывшая окрестные поля и леса темнота и начинавшаяся метель укрыли погибших кубанцев в глубоком снегу. Хоронить найденных в обледенелую землю не было ни времени, ни сил, ни

возможности. Их закопали в снег на опушке. Командир полка, в котором оставалось всего несколько десятков живых казаков, стремился поскорее уйти из деревни, не дожидаясь, пока немцы перегруппируются и ударят. Это означало бы гибель всего полка. И Армавирский полк ушел в зимнюю, заснеженную ночь, отдав последние почести своим товарищам, оставшимся на очередном поле казачьей Славы...

В окрестных деревнях еще некоторое время ловили казачьих лошадей, которые не ушли далеко от тех мест, где их отпустили казаки. Коней резали на мясо, и эта конина спасла не одну семью от голода в страшном декабре 1941 года.

Подмосковное поле казачьей Славы было до недавнего времени забыто, как и мало кто знал про Подвиг. Весной 2006 года на Круге Кубанской казачьей общины, действующей на территории Москвы и Московской области, было рассказано о попавшей в руки атамана короткой заметке в одной из книг о войне (Мова И.Н. Кубанцы в битве за Берлин: Сб. воспоминаний, очерков, рассказов и стихов участников Берлинской операции. Краснодар, 2002) о том, что во время битвы за Москву немало героизма продемонстрировали кубанские казаки. Круг Общины решил увековечить память героев и установить на месте одного из боев поклонный крест и памятник к 65-й годовщине Битвы за Москву. Однако для детализации и уточнения места боя требовалось куда больше подтвержденной информации. Более двух месяцев весной и летом ушло на поиск документов в Центральном архиве Министерства обороны. День за днём восстанавливали боевой путь доваторского кубанского казачьего корпуса, пока в руки казаков не попались два донесения от 19 ноября 1941 года: командира 37 кавполка и командира 50 кавдивизии с кратким описанием боя.

"Командующему кавалерийской группой генерал-майору Доватору боевое донесение №1.74 штаба 50-й кавалерийской дивизии. Железнодорожная казарма (северо-восточнее Федюково). 22 ч. 30 мин. 19.11.41 г.

1. До батальона пехоты противника с 31 танком, артиллерией и минометами занимает Шелудьково. До 40 танков и до 50 машин с пехотой – Язвище.

2. В 18.00 противник, поддерживаемый танками, занял высоту 236,1 и окраину Федюково, но контратакой 37-го кавполка был выбит, и положение было восстановлено.

3. Трофеи – 2 ручных пулемета, 1 миномет. Потери противника [...] до роты пехоты.

Наши потери (по неполным данным) – убитыми 36 человек, ранеными – 44 чел. Полностью выбыл 4-й эскадрон 37-го кавполка (убиты).

В 37-м кавполку осталось 36 человек и 1 станковый пулемет..."

Эти донесения и нарисованная от руки карта местности позволила установить, какая именно деревня имела в виду. Подготовительный этап работы с документами завершился только в августе месяце, дальше к работе подключилась вся Община. Несколько человек выехали на место, произвели съемку местности на предмет определения места установки памятника, обсудили вопрос с военным комиссаром Волоколамского района. Поскольку бой шёл несколько часов на большой территории, а рядом с местом боя готовились к строительству трассы «Формула-1», на заседании Правления Общины было принято решение установить поклонный крест у поворота с Волоколамского шоссе на деревню Федюково Волоколамского района Московской области, рядом с автобусной остановкой. Памятник в полях, куда не попасть в распутицу, мало кто бы заметил. А так каждый проезжающий по шоссе может остановиться и помолиться за души казаков, которые сражались и погибали, останавливая врага на подступах к Москве.

При попытке выделить место под памятник казаки ККО столкнулись с проблемой отсутствия в современной России законодательной возможности создания общественного памятника. При том что большинство госслужащих выразили поддержку нашему начинанию, находились и такие, кто подходил с формальной стороны. Например, предоставить данные на всех погибших. Однако документов по 1941 году катастрофически мало. Это впоследствии подтвердили архивисты Кубани на Научно-практической конференции «История Великой Отечественной войны в документах Архивного фонда Краснодарского края», которую Управление по делам архивов Краснодарского края собирало в Тимашевске 1 октября 2008 года.

В России можно создать памятник либо указом «сверху», для чего должно пройти много времени на обивание порогов различных бюрократических структур. Либо построив частный памятник на своей земле. Купить землю в нужном месте казакам не представлялось возможным уже в силу сроков переоформления участка. Да и в 1941 году кубанцы жгли немецкие танки, не спрашивая, кто хозяин этой земли и согласен ли он, чтобы на ней остались немецкие машины. Поэтому пошли другим путем.

Кубанская казачья община согласовала установку памятника с Мособлавтодором и управлением архитектуры района. Проект памятника в кратчайшие сроки сделал проживающий в Волоколамске архитектор, который сам оказался сибирским казаком по крови, и отказался брать деньги за свою работу. В согласовании документов большую помощь оказал Глава Администрации Волоколамского района Вячеслав Николаевич Карабанов, сам в прошлом командовавший полком в Афганистане.

С середины сентября к работе активно подключилось Кубанское землячество г.Москвы. Члены землячества провели сбор средств и огромную работу по популяризации подвига кубанских казаков, организовали публикации в федеральных и краевых газетах, связались с администрациями Краснодарского края, г. Армавира, Волоколамского района и Московской области. Первый председатель Землячества Николай Яковлевич Голуб, казак станицы Елизаветинской, и сменивший его впоследствии на этом посту Юрий Федорович Азаров, казак станицы Вознесенской, вместе со многими активистами землячества провели ряд встреч с представителями администраций, используя все ресурсы землячества для того, чтобы Поклонный крест был установлен в годовщину боя, а само событие стало максимально заметным. Металлический Крест был изготовлен согласно эскизу и доставлен на место силами землячества. В день установки Креста с утра пошел первый снег. За несколько часов он покрыл землю слоем в 15 сантиметров. Однако это уже не могло изменить планы.

19 ноября 2006 года состоялось освящение. Казаки Кубанской общины получили благословление покойного Патриарха Алексия II на освящение Поклонного креста архимандритом Алексием, наместником Свято-Данилова монастыря – резиденции Патриарха. Также на освящение креста прибыла делегация Лабинского отдела ККВ и казачьего общества г. Армавира во главе с атаманом отдела В.А.Калиненко, представители прессы и несколько десятков членов землячества и членов семей казаков Общины.

Освящением Креста работа не закончилась. Летом следующего, 2007 года, казаки ККО укрепили плиту мощными железобетонными конрфорсами и установили позади креста гранитные плиты с описанием боя. К сожалению, единственным источником фамилий казаков погибшего эскадрона стали листы по выдаче довольствия. В силу отсутствия иных документов, не оставалось иного пути, как установить фамилии казаков 4-го эскадрона, выбывших их списков живых, сравнив два листа, между которыми попала дата 19 ноября 1941 года. Списки содержали только инициалы. Не было и полной уверенности в том, что все из списка погибли именно в этом бою, а не в предыдущие дни, или что кто-то был отправлен в тыл, в госпиталь. Но большинство пало именно в бою под Федюково. Была надежда, что кто-то мог уцелеть в том бою и продолжить свой род. Печальная советская традиция ввела привычку мерить величину подвига смертью всех героев. К сожалению, в представлении современных обывателей, воспитанных на патетических фильмах о войне, бой, в котором участники выжили, воспринимается менее героическим, чем бой смертельный, последний. В казачьей традиции смертельный бой – это скорее исключение. Казак всегда стремился не умереть, а победить. И жить дальше. Обреченность судьбы всегда вызывала бунт в жизнелюбивой казачьей душе.

Мы решили в любом случае установить мемориальные плиты с именами казаков эскадрона. Несмотря на возможные расхождения с их полным списком. Установить и продолжить серию публикаций и рассказов в СМИ об этом подвиге, в надежде, что рано или поздно отыщутся родственники, а может, и потомки наших героев, которые смогут пролить свет на события того дня. И уточнить списки живых, и мертвых. В любом случае эти люди с честью исполняли свой долг. Погибли они раньше 19 ноября, или позже, или, дай Бог, пережили войну. Поэтому на плитах у памятника мы написали все установленные фамилии. Находившиеся в контакте депутаты законодательного собрания г.Армавира провели работу по поиску родственников погибших, однако на 2006 – 2007 годы никого найти не удалось. Летом 2008 года казаки Кубанской Общины украсили площадку креста плиткой. А в середине июля венки возложили делегация казаков Динского районного казачьего общества ККВ и члены подмосковных казачьих обществ. Для казаков Кубанской общины и членов Кубанского землячества доброй традицией стало проведение панихиды и митинга памяти у Поклонного креста каждую годовщину боя. В митингах принимают участие учащиеся московских школ и студенты-кубанцы столичных ВУЗов. В 2009 и 2010 годах почтить память казаков вновь приехала делегация Динского районного казачьего общества ККВ. А 19 ноября 2011 года прибыли депутаты Законодательного собрания Краснодарского края и представители Правительства Подмосковья.

Казаки Кубанской казачьей общины и по сей день продолжают дальнейшие работы по увековечению памяти своих земляков. И в первую очередь эти работы связаны не с памятником, как материальным объектом, а с максимально широким распространением информации об этом событии: публикациями в прессе и Интернете, демонстрациями фильма, снятого нами при освящении Поклонного Креста. Этими доступными для нас средствами мы стараемся зажечь как можно больше сердец, заронить в души чувство благодарности к людям, благодаря подвигу которых мы сейчас живём.

Наши усилия, к счастью, оказались не напрасны. Около года назад пришло письмо от сына одного из участников боя, казака станицы Передовой, Николая Ивановича Богдашко. Капитан 1 ранга в отставке Филипп Николаевич Богдашко также занимался историей своего рода, в том числе и судьбой 4-го эскадрона. По запросу к Президенту РФ Медведеву Д.А. им были получены материалы из Центрального архива МО РФ. Также Филипп Николаевич много занимался изучением наградных приказов. И по его сведениям, как минимум, 4 участника боя дожили до Дня Победы! Это Богдашко Николай Иванович, Емельянов Абрам Николаевич, Козырев Василий Константинович и Коновалов Ефим Митрофанович.

По сведениям Ф.Н. Богдашко в составе эскадрона могло быть не 37, а 44 человека. Командовал им не младший полтирук Михаил Григорьевич Ильенко, погибший 17 ноября, а его заместитель – Титов Д.М. (как старший по должности в эскадроне, оставшемся без офицеров). Помимо Николая Ивановича Богдашко в составе эскадрона были и другие уроженцы ст. Передовой: командир отделения Емельяненко Николай Сергеевич (в марте 1942 года убывший на курсы младших лейтенантов в Подольск), Зруев Иван Павлович (пропал без вести в феврале 1942 года), помощник командира взвода Шаповалов Василий Григорьевич (его раненого доставили в Передовую в декабре 41-го года). Как минимум, 11 человек скорее всего погибли в бою: Н. Н. Ершов, А. М. Индюков, Н. А. Лахвицкий, Е. Н. Подкидыш, А. И. Родионов, П. М. Романов, Г. А. Савченко, Н. Сафарьян (Сафаров), М. К. Черничко, Н. К. Шевченко, Н. С. Яценко. Не дожили до конца войны, либо сведения обрываются военными годами: зам. ком. взвода Бабаков Николай Васильевич, Вьюнов Леонтий Павлович, Киричко Иван Николаевич, Мамкин Даниил Яковлевич (пропал без вести в апреле 1943 года), Марыныч Александр Петрович, Носач Иван Яковлевич (пропал без вести в мае 1944 года).

Были ранены и выбыли из состава эскадрона: Н.С. Емельяненко (командир отделения), И. П. Зруев, Н. А. Кутя (командир отделения), Д. Я. Мамкин, А. П. Маринич, И. Я. Носоч, А. Ф. Родомахов, В. Г. Шаповалов.

Призванный из ст. Упорной Николай Абрамович Кутя погиб в декабре 1941 года. Также, декабрём 41-го года обрываются данные на нескольких человек: командир отделения Аладжев С.И., Бабура К.Д., повар Бурхайлов И.Ф., Гончаров С.К., Гуров А.П., Жияков А.С., Ильченко И.В., старшина Ковалёв В.Ф., Меюс П.Я., Онищенко Г.Т., Питонин В.Н., Полупанов П.П., Северинов В.С., Степанченко П.А., зам. политрука Тидов Д.М., Чернов И.Ф., Шепелев В.Н.

Долгое время не давала покоя судьба павших после их смерти. Только весной 2009 года удалось окончательно прояснить ситуацию с помощью местных жителей, одна из которых вместе с матерью принимала участие в захоронении останков казаков. Дело в том, что когда весной 1942 года, когда стал сходить снег, не захороненные трупы стали проявляться из-под снега вокруг деревни. Для того, чтобы избежать эпидемии, прямо в поле вырыли большую яму, в которую свезли убитых осенью казаков. Трупы обыскали, собрали документы и пеналы с личными номерами, которые принесли председателю колхоза. Но председатель, вместо того чтобы передать их в соответствующие службы, не захотел связываться с этим делом – облил документы керосином и сжег дотла. К сожалению, этот факт сделал нереальным уточнение имен и фамилий погибших. Но даже если кто-то из опубликованного нами списка пал в другом бою, это дает нам такие же основания отдать им дань уважения за выполненный до конца долг. К сожалению, среди местных жителей нашёлся и такой, кто снимал для себя с трупов сапоги, пока яма была еще открытой.

После захоронения на месте братской могилы воткнули вешки. Но присланный пахать на тракторе молодой тракторист ночью случайно перепахал их. На данный момент нам удалось локализовать место захоронения, и в ближайшее время мы надеемся перезахоронить останки героически павших в боях казаков с полагающимися почестями и, наконец-то, отпеть их по православному обычаю.

Сейчас Поклонный крест привлекает к себе внимание любого проезжающего по Волоколамскому шоссе. Многие останавливаются прочитать надписи, сфотографировать памятник и рассказать о подвиге казаков своим знакомым. Нескольких казаков Общины, устанавливавших

Крест и проводивших дальнейшие работы, местные жители хорошо знают в лицо. Соседние дачники, среди которых много отставных офицеров, приглядывают за Крестом. И когда казаки Общины несколько раз в год приезжают на генеральную уборку, всегда у плиты с фамилиями казаков лежат живые цветы.

С.А. Санеев

Церкви Новороссийска в годы Великой Отечественной войны

До 1920 года Новороссийск был губернским городом и имел достаточное количество церквей разных конфессий. В годы Гражданской войны, когда Грузия объявила свою независимость от России, в губернии была создана Черноморская Епархия с центром в Новороссийске. Епархия имела свой угловой штамп и печать, исполнительный орган Церковного совета из граждан. Но о деятельности Епархии в советский период не удалось найти каких-либо сведений. Известно, что в 1931 г. Черноморским архиепископом был владыка Александр[1].

В 1923 году в городе действовали православные Николаевский собор и церкви: Успенская, Вознесенская, Троице-Скорбященская, Покровская, Преображенская, Петропавловская и Ольгинский монастырь, не считая тех церквей, которые были в окрестных станицах и поселках. Кроме того, работали Протестантская кирха, Армяно-Григорианская церковь и синагога[2].

Официально были также зарегистрированы исполкомом: Преображенская церковь на Мефодиевском кладбище, занимавшая жилой дом, церковный совет которой считал себя учредителем Обновленческой религиозной общины; община Евангелистских христиан, Община Евангельских христиан Баптистов, Община Евангелистов-адвентистов (субботников), секты караимов и меннонитов [3].

В 1923 г. в Новороссийске начались закрытия церквей. На 1 января 1938 г. в городе действовали только Троице-Скорбященская, Успенская и Преображенская церкви, костёл, община евангелистских христиан и группа верующих евреев. А к 10 апреля 1940 года остались Преображенская церковь и община евангельских христиан. Для того, что бы закрыть Троице-Скорбященскую церковь было инициировано дело «О контрреволюционной деятельности «церковников», объединённых вокруг православной общины при Троице-Скорбященском соборе» [4].

В апреле 1940 г. прекратила свое существование община Евангельских христиан [5]. К 22 июня 1941 года в Новороссийске официально действующих церквей и религиозных объединений уже не было.

Такая политика властей вызывала внутреннее сопротивление верующих. Они собирались «подпольно» за перевалом у источника Святая ручка. «На каждом из этих нелегальных собраний присутствовало свыше 200 человек, занимались, якобы, беседами о божестве и Христе и песнопениями». Приходили в город странствующие монахи. Один из них, иеромонах Аксинин Иван Васильевич проповедовал, что советская власть не от Бога и всё, что сейчас делается в стране ложь и обман [6]. Другой – иеромонах Пармеон Коломийченко с тремя монахинями, неоднократно судимый и находившийся в ссылке, имевший большой авторитет среди верующих как мученик, пострадавший за веру, проповедовал, что приближается время, когда община заживет как раньше, так как с советской властью предвидятся какие-то изменения [7].

Казалось, что такие проповеди должны были сказаться массовыми выступлениями против советской власти в Новороссийске в годы Великой Отечественной войны, но такого не произошло. Все верующие работали на Победу наравне с неверующими [8].

Большую роль в этом сыграло послание Патриаршего местоблюстителя Сергия, митрополита Московского и Коломенского:

«...Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить Отечеству в тяжкий час испытаний всем, чем каждый может. Тут есть дело рабочим, крестьянам, ученым, женщинам и мужчинам, юношам и старикам. Всякий может и должен внести в общий подвиг свою долю труда, заботы и искусства...»

Православная наша Церковь всегда разделяла судьбу народа. Вместе с ним она и испытания несла, и утешалась его успехами. Не оставил она его и теперь. Благословляет она небесным благословением и предстоящий всенародный подвиг... " [9]

Летом 1942 года война пришла в Краснодарский край. 28 июля немецко-фашистские войска заняли Полтавченский и Алексеевский сельсоветы Кушевского района, 12 августа был оставлен Краснодар [10].

17 августа фашисты заняли станицу Абинскую. Началась героическая оборона Новороссийска. К 12 сентября фашисты были остановлены на юго-восточной окраине Новороссийска, в районе цемзавода «Октябрь». К этому времени была закончена эвакуация войск через Цемесскую бухту из центральной части города [11].

В исследованных документах и литературных источниках не отмечается, что бы в городских боях здания церквей Новороссийска использовались какой-либо из сторон как огневая точка или наблюдательный пункт [12]. Это может говорить только о том, что советское командование не предполагало, что на улицах города будут вестись бои, надеясь задержать врага на оборонительных рубежах, построенных на окружающих город горах.

На оккупированной территории фашисты стали открывать церкви. В Краснодаре, как «религиозном центре Кубанской области», при городской управе была создана канцелярия по церковным делам, развившая активную деятельность. По её инициативе печатались религиозная литература, восстанавливались храмы. Оккупационные власти запрещали работать в дни церковных праздников, а за соблюдение церковных обрядов предоставляли отдельные льготы и привилегии. В календарях для жителей края на 1943 г., наряду с немецкими, выделялись православные церковные праздники. Подготовленные должным образом «служители культа» должны были вести в них антисоветскую пропаганду, восхвалять «освободителей» и даже вести сбор средств в фонд немецкой армии [13].

Были открыты Троице-Скорбященская и в Успенская церкви в Новороссийске. Пока не обнаружено документов, почему немцы не открыли кирху, которая была построена именно немцами, дореволюционными владельцами цементного завода «Пролетарий». Такое объяснение, как близость фронта, где-то около полутора километров от передовой, мне кажется не убедительным. Более правдоподобно, что это связано с государственной политикой Германии тех лет, руководители которой не питали особой любви к христианской религии.

Троице-Скорбященский храм находился чуть дальше от кирхи, в трех километрах от линии фронта. Успенский храм в семи километрах от линии фронта, если идти по берегу. Но если по прямой – то километрах в пяти. Оба храма были в пределах досягаемости огня советской полковой артиллерии, тем более – морской крупнокалиберной. И оба представляли отличные ориентиры, так как были сложены из тесаного песчаника – камня-дикаря и имели своеобразный цвет стен – светло-серый, издали казавшейся белым. Почти на три десятка метров возвышался крест на колокольне Троице-Скорбященского храма. Обе церкви были хорошо видны не только из любой точки города, но и с моря. Они оказались одними из немногих, действующим православным храмами в прифронтовой полосе [14].

Убранство церквей приносили сами прихожане. Борис Сергель вспоминал, что убранство церкви Успения Пресвятой Богородицы (Успенская церковь) в Новороссийске было скромным: «В алтаре стоял домашний стол, накрытый простой белой скатертью с распятием. У икон теплились разноцветные лампы, а сами иконы укрыты светлыми рушниками, тщательно выстиранными и отглаженными. Уже потом появились шитые золотом скатерти, дорожки, ковры и коврики – все это достали из заветных сундуков и отдали в дар церкви простые прихожане, в первую очередь пожилые женщины. Это они скоблили, отмывали стены, полы, что-то шили, раскладывали и развешивали» [15].

Описание убранства Троице-Скорбященской церкви не сохранилось. Его тоже восстанавливали прихожане, принося свои вещи из дома. В церквях велись службы, из-за введения в городе комендантского часа, только в утренние и дневные часы. На них приходило много народа. Около церквей всегда дежурили вооружённые немецкие солдаты, но внутрь во время службы они не заходили.

В ноябре оккупанты разделили город на две части: северную и южную, граница проходила по реке Цемес и линии железной дороги. Каждую часть поделили на отделения и провели регистрацию населения по специальным спискам. Проход из одной части города в другую мирному населению запрещался. Выход из города тоже запрещался [16]. Так, за каждой церковью был «закреплён» свой приход. Этим «воспользовались» подпольщики и стали использовать церкви как явку. Да и сами священники, вели себя «нейтрально», стараясь не вызывать раздражение ни оккупационных властей, ни подпольщиков. К сожалению, история подпольной борьбы в оккупированном Новороссийске до сих пор не освещена, кроме работы группы Островерхова. В

ночь с 3 на 4 февраля 1943 года на южной окраине Новороссийска был высажен десант под командованием Ц.Л. Куникова. Захваченный им плацдарм получил название «Малая Земля». Первоначально, фашисты не придали ему должного внимания и пытались ликвидировать малыми силами. Но в апреле для его уничтожения вынуждены были выделить 5-й армейский корпус с 4-м Воздушным флотом. Операция началась 17 апреля, но уже к 22 апреля стало ясно, что наступление провалилось [17].

И тогда фашисты решили отыграться на жителях Новороссийска.

В тот год Пасха приходилось на 25 апреля. Новороссийцы готовились к этому празднику с особой торжественностью. Казалось, что освобождение города вот-вот произойдёт. Из остатков муки пекли пасхальные куличи, яиц не было, всех кур еще по осени перебили фашисты. Из-за комендантского часа освещение куличей произвели накануне, а Всеношную пасхальную службу – утром 25 апреля, по окончании комендантского часа. Сохранился текст проповеди на Пасху 1943 года священника Троице-Скорбященской церкви:

"... Ибо сказано в Писании: не возжелай имения ближнего своего, не ввергай себя в пучину греховных вожелений и отврати очи своя от соблазна лукавого. Миряне! Внемлите слову Всевышнего: семя Каиново и семя Иудино брошено в души людские. Бойтесь того семени, яко яду змеиною. Ибо не токмо деянием, но и словом единым человека ныне на муки адские обрекают слуги Иродовы, дети Каина и Иуды...

...Кровь невинных обагрила воды реки Иордани!

- Не Иордани, а Кубани! – громко сказал кто-то.

... – Слышите плач на реках Вавилонских, – уже кричал старик [священник]. – То царь Ирод пирует на земле христианской !

- Фашисты топчут нашу землю! "

Но закончить проповедь ему не удалось. Начался артиллерийский обстрел. Один снаряд попал в алтарь, убив священника. Второй снаряд пробил купол и взорвался внутри храма, в гуще народа. В полу церкви образовалась большая воронка. В страхе люди выбежали из церкви, но снаряды продолжали рваться во дворе, на улице вокруг церкви. Было убито и ранено много прихожан – женщин и детей [18].

Одновременно была обстреляна Успенская церковь. Один снаряд попал в толпу молящихся, которые стояли во дворе церкви. Другой снаряд ударил у фундамента алтаря храма. Передняя стена его, выложенная керченским известняком, силой взрывной волны рассыпалась в прах. Священник этой церкви остался жив [19]. На следующий день обстрелы церковью повторились. Но службы в них уже не велись.

Газеты " Утро Кавказа " и " Над Кубанью ", издававшиеся слугами Иродовыми, детьми Каина и Иуды, стоявшими на службе у фашистов, утверждали, что обстрел вели советские войска и расписывали зверства большевиков, расстрелявших новороссийские церкви во время пасхального богослужения. [20]

Расследованием этой провокации занялись подпольщики и партизаны Новороссийска. Командир группы партизанских отрядов Новороссийского куста П.И. Васёв и офицер связи майор А. Тагиров сообщали в Краснодарский штаб партизанского движения: «...Во время пасхальной службы в церкви были обстреляны (после 6 часов утра) обе церкви в городе. К этим часам уже ни одного немца в церкви не было. Кто-то из населения видел, что на юго-западной окраине города были повернуты пушки в сторону города и, зная нашу политику и проводимые мероприятия по отношению советских людей, [Островерхов] сделал вывод, что это провокация. Он выпустил листовку за подписью руководства города и командования фронтом, опровергающую подобный факт, так как немцы вокруг этого вопроса вели агитацию...» [21].

После освобождения города проводилось расследование. Документы расследования хранятся как в Новороссийском городском архиве, так и в Государственном архиве Краснодарского края. Расследование установило, что обстрел церковью проводился немецкими батареями с трёх сторон: восточной, южной и юго-западной, снарядами малого калибра. При полёте снаряды издавали свист, характерный для немецких, а не советских снарядов. Кроме того, снарядами такого калибра, ориентировочно 75-мм, советская артиллерия обстрел города не вела. В отличие от ранее проводимых служб, после сбора новороссийцев на богослужение, немцы сразу же покинули церкви и прилегающие к ним улицы. Что говорит о том, что их заранее предупредили о предстоящем обстреле [22].

Прошли годы, но желающие приписать эту провокацию Советской армии не успокаиваются. Занимается этим и Борис Сергель. Написав свои воспоминания в 1996 году, он их

разметил во всевозможных СМИ. Не устоял перед этим и редактор журнала «Родная Кубань» Виктор Лихоносов. Конечно, Б.Сергель в открытую этого не говорит. Но в последних строках своих воспоминаний он это делает весьма изощрённо. Он пишет, что обратился к специалистам Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи: «Я воздержался назвать город и обстоятельства, приведшие меня в музей. Выслушав меня внимательно, пожилой научный сотрудник музея артиллерист, с планками наград на груди, предложил мне выйти на открытую площадку перед входом в музей. Здесь, на всеобщее обозрение, выставлена артиллерия последних войн, в т.ч. и Великой Отечественной.

Он указал мне рукой и сказал: «Стреляло примерно такое орудие».

На табличке музейного экспоната я прочитал: «203-мм гаубица образца 1931 года № 242. Наибольшая дальность стрельбы 18260 м. Стояла на вооружении 124 отдельной гаубичной артиллерийской ордена Ленина, Краснознамённой, орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого бригады большой мощности. Командир орудия – сержант Джонашвили. Орудие применялось в боях при освобождении Новороссийска, Белоруссии, Польши, при штурме Берлина»[23].

Так ненавязчиво автор подводит к мысли, что именно из этого орудия были обстреляны церкви Новороссийска.

Да, 124-я отдельная гаубичная бригада большой мощности дислоцировалась в Пенайском ущелье на 19 км шоссе, идущего из Новороссийска в Геленджик. 203мм гаубицы Б-4 создавались для разрушения особо прочных бетонных, железобетонных и броневых сооружений, для борьбы с крупнокалиберной или укрытой прочными сооружениями артиллерией противника. Вес снарядов от 100 до 140 кг. Если бы такой снаряд попал в фундамент алтаря храма или просто разорвался во дворе храма, то здание просто было бы разрушено [24].

Надо заметить, что Б.Сергель не рискнул упомянуть о 100-мм батарее морской артиллерии № 394, которая стояла на мысе Пенай, командир капитан А.Э. Зубков. С лёгкой руки журналиста А. Степанова, написавшего о нём статью в газете «Большевик» в декабре 1942 года, его называли «Новороссийский регулировщик движения». Он реально мог обстрелять церкви, так как с сентября 1942 года вел обстрел города. Но Зубкова звали Александр Эммануилович... [25]

После Пасхи немецкое командование издало приказ о запрещении богослужения в церквях «в целях сохранения населения от большевистских обстрелов». И церкви были закрыты. [26]

Как использовали помещения церквей оккупационные власти – об этом документов не сохранилось. Судя по описанию боёв, как огневые точки или пункты наблюдения здания церквей немцами не использовались.

Освобождение Новороссийска началось в ночь на 10 сентября 1943 года с высадки морских десантов на причалы порта и наступлением 318-й стрелковой дивизии со стороны цементных заводов. В ночь на 14 сентября командир 1339-го стрелкового полка 318-й стрелковой дивизии подполковник Каданчик приказал организовать наблюдательный пункт в куполе кирхе. Утром он занял НП, что было замечено противником. Но перед самым началом артподготовки к кирхе подошло немецкое самоходное орудие и расстреляло купол. Погибли почти все офицеры, находившиеся на НП. Среди них начальник артиллерии 318-й стрелковой дивизии полковник Зарембо, командир 1339-г стрелкового полка подполковник С.Н. Каданчик, заместитель командира полка подполковник А.И. Леженин, начальник инженерной службы полка капитан Д. Дёмин и другие. С.Н. Каданчику и А.И. Леженину посмертно было присвоено звание Героев Советского Союза. Их именами названы улицы города [27].

На следующий день, 15 сентября, в уличных боях около Троице-Скорбященской церкви погиб командир 164-го стрелкового полка полк 55-я гвардейской Иркутской стрелковой дивизии подполковник А.Г. Носик [28].

Недалеко от Троице-Скорбященской церкви совершил подвиг экипаж танка Т-34 младшего лейтенанта В.А.Михайлова 5-й гвардейской танковой бригады. В наградном листе на присвоения звания Героя Советского Союза командиру танка говорится: "... В момент преследования фашистов вражеским снарядом был подожжен танк Михайлова. Заметив пылающую машину, гитлеровцы окружили её, предлагая танкистам сдаться в плен. В ответ из танка раздались новые пулеметные очереди и участилась стрельба из пушки. Вторым вражеским снарядом члены экипажа были ранены. Истекая кровью, гвардейцы, ободрённые тов. Михайловым, продолжали вести огонь из горящего и осаждённого танка до тех пор, пока в нём не осталось ни одной ленты, ни одного снаряда.

В этом бою весь экипаж погиб смертью храбрых, но обеспечил дальнейший успех наших войск..."

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 мая 1944 г. Михайлову В.А. присвоено звание Героя Советского Союза, а члены экипажа: механик-водитель К.Ф. Соенко, стрелок-радист И.М. Низов и башенный стрелок И.Е. Гнидкин посмертно награждены орденами Отечественной войны 1 степени [29].

16 сентября 1943 года город был полностью освобожден от немецко-фашистских захватчиков и их союзников. В нём не осталось ни одного целого здания, разрушены все промышленные предприятия. Из пяти зданий церквей два было полностью сожжено, а остальные полуразрушены. [30]

Через два с половиной месяца после этого, 28 ноября 1943 года, Совет народных комиссаров принял Постановление № 1325 "О порядке открытия церквей", согласно которому ходатайства верующих должны были рассматриваться местными органами власти. Но Краснодарский крайисполком секретным циркуляром № 25 от 14 февраля 1944 года разъяснил:

"1. В соответствии с постановлением СНК СССР от 28/XI-43 г. городские и районные исполкомы по заявлениям верующих об открытии церквей решения не выносят, предоставляют заявления в крайисполком со справкой необходимых сведений:

а) действительно ли заявители были уполномочены группой верующих или же действуют по личной инициативе;

б) в каком состоянии находится здание церкви, о которой просят верующие и как это здание используется в настоящее время;

в) когда и по решению каких советских органов данная церковь была закрыта;

г) количество функционирующих церквей в районе или городе, их место нахождение и расположение до ближайшей церкви от этого населенного пункта.

2. Разрешение на проведение организационных собраний верующих не выдается до окончательного решения, одобренного правительством СССР, об открытии церкви...

... Порядок открытия церквей оглашению верующим и духовенству не подлежит..." (выделено мною. – С.С.) [31].

Окончательное решение об открытии церкви в конкретном населённом пункте принимал, созданный 14 сентября 1943 г., Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР, во главе с его председателем Г.Г. Карповым, полковником госбезопасности, который выставлял свое решение на одобрение Совнаркому [32].

Сразу же после освобождения, верующие центральной части города создали «двадчатку» и горисполком дал разрешение на открытие Успенской православной церкви, община которой зарегистрировалась как Патриаршая [33].

А верующие второй части неоднократно обращались в горисполком, но второй церкви в городе так и не открыли. В 1944 году верующие образовали "двадчатку" религиозной общины Троице-Скорбященского храма и обратились в горисполком с заявлением: "Мы, ниже подписавшиеся, совершеннолетние и не лишённые по суду избирательных прав граждан, проживающие в городе Новороссийске во второй части, желая добровольно объединиться для совершения религиозных обрядов, ходатайствуем о регистрации религиозной общины (прихода) и передаче нам в бессрочное, бесплатное пользование молитвенного здания Троице-Скорбященской церкви". Под заявлением стоит двадцать одна подпись женщины и только одна – мужчины. Это заявление, как и заявление о Патриаршей ориентации общины, хранящиеся в архиве, не имеют даты. В городском архиве сохранились такие заявления, имеются три экземпляра договора о бессрочном пользовании Троице-Скорбященским храмом, подготовленные Церковным советом общины, но без указания даты и не подписанные горисполком [34].

В день Успенья Пресвятой Богородицы 28 августа 1944 года, храмового праздника Успенской церкви, в Новороссийске состоялся первый, после освобождения, крестный ход, на проведение которого верующие испрашивали разрешение горисполкома [35]. На богослужении присутствовал епископ Фотий (Борис Александрович Тапиро). В июле 1943 г., после семилетнего перерыва, когда было восстановлено Епархиальное управление на Кубани, он стал первым Краснодарским и Кубанским епископом [36].

Что произошло между ним и верующими сейчас уже установить не удастся, но 7 сентября состоялось собрание «двадчатки» Успенского храма, на котором по пункту 4 повестки дня рассматривался вопрос: "Слушали: доклад председателя Церковного совета т. Маслова А.Н. о пребывании Епископа Фотия в Новороссийске и его грубом и невнимательном [отношении] к верующим и церковному причту. Постановили: На основании вышеуказанного доклада сего числа

прервать с епископом Фотием молитвенные отношения и не признавать его правящим епископом, а переходим в подчинение к архиепископу Владимиру Кубанскому и Краснодарскому, а так же приглашаем последовать нашему примеру церковный причт". Пунктом 5 повестки дня собрания было: "Слушали: информацию настоятеля храма о необходимости пожертвований на строительство танковой колонны им. Александра Невского. Постановили: Производить сбор пожертвований на строительство колонны имени Александра Невского". Копия протокола и заявление о перерегистрации общины как обновленческой были направлены в горисполком [37].

Постановление о сборе средств были не простыми словами. В то время, в 1944 году, уже воевали танковая колонна имени Дмитрия Донского в составе 1-й гвардейской танковой армии и авиаэскадрилья имени Александра Невского, построенные на средства, собранные Православной церковью. В Фонд обороны священники и верующие по всей стране сдавали деньги, предметы из драгоценных металлов и камней, собирали одежду, обувь, теплые вещи, медикаменты, продукты питания [38].

Был ли дан ход заявлению верующих Новороссийска – неизвестно, но до конца 1944 года Фотий покинул Кубань и стал епископом Херсонской и Николаевской областей [39].

Вместо него был назначен Флавиан, бывший обновленец, в 1944 году принесший покаяние и перерукоположенный в сан епископа Краснодарского и Кубанского [40].

Сразу же после визита епископа Фотия, 30 августа "двадцатка" общины Троице-Скорбященской церкви также отнесла в горисполком заявление: "Мы, уполномоченные по ходатайству открытия нашей общины, после пребывания Епископа Фотия в Успенском храме, обсудив вопрос об ориентации нашей общины, решили регистрироваться не Патриаршей церковью, а обновленческой. Просим Новороссийский горисполком переименовать с Патриаршей в обновленческую"[41].

Но здание Троице-Скорбященской церкви, несмотря на заявления верующих, было передано исполкомом под склад воинской части, расположившейся напротив церкви, и более не числилось молитвенным зданием. В справке горисполкома от 9 января 1945 года, направленной Краевому Уполномоченному совету по делам религиозных культов, сообщалось, что: "... Нефункционирующие молитвенные здания расположены в городе:

1. Здание костел – передано на баланс педагогического института, с передачей последним строительно-коммунальному техникуму, используется как общежитие. Костел польско-католического общества закрыт по решению горисполкома 23.III.38 г.

2. Здание синагога, переданная в 1932 г. на баланс Осоавиахима, в данное время в сильной степени разрушения. Документами о времени и каким органом Советской власти молитвенное здание было закрыто не располагаем.

3. Здание армяно-григорианской церкви находится в разрушенном состоянии. Документами о закрытии молитвенного здания не располагаем.

4. Молитвенное здание кирха – до оккупации использовалось под штаб МПВО. В настоящее время занято под отделение милиции.

Других молитвенных зданий, кроме русской православной церкви на территории города не имеется" [42].

В конце 1945 года разрушенное здание синагоги было передано Управлению треста Новороссийскстроя, впоследствии строительный трест № 12. Долгое время в нём располагался клуб «Строитель», а сегодня Дом национальных культур [43].

20 марта 1945 года Крайисполком разослал всем исполкомам рай- и горсоветам очередной циркуляр № 115 "О своевременном информировании уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СНК СССР по Краснодарскому краю". Им предписывалось предоставлять ежеквартальные отчеты о деятельности религиозных общин "с обязательным освещением вопросов", которых набиралось целых 15! При этом подчеркивалось: "... Особое внимание должно быть уделено актам самовольного открытия и закрытия молитвенных зданий (домов)..." [44]

Через месяц, 16 апреля 1945 г. Уполномоченный по делам религиозных культов при СНК СССР по Краснодарскому краю Пашенко направил свой очередной циркуляр с разъяснениями о действии предыдущего: "...Несерьезный подход к вопросу оформления общин, учета общин, приводит к тому, что общины фактически существуют, проводят м/собрания по частным квартирам, часто меняя места м/собрания. Служители культа не зарегистрированы. Финорганы не могут проводить обложения, на как юридически не существующую общину..." [45]

Как из него видно, своевременная регистрация религиозных общин имела важное государственное значение по части сбора налогов! Горисполком, в соответствии со всеми

выданными указаниями, не спешил регистрировать новые религиозные общины города. В 1945 году было отказано в регистрации общины евангельских христиан-баптистов по малочисленности, так как учредителей было всего 19 человек, а не положенных 20, а также еврейской общины только потому, что документы были оформлены неправильно [46]. Православная Пасха 1945 года отмечалась после падения Берлина, 5 мая, в преддверии Великой Победы. Эта служба показала, что Православная вера не умерла в народе. В единственную в Новороссийске Успенскую церковь пришло до 1800 человек, "в основном женщины преклонных возрастов... Количество верующих мужчин определялось в 3 –10 процентов, также преклонного возраста», – сообщалось в официальном донесении горисполкома. Много было приезжих из Абинска, Крымска и Верхней Баканки [47]. Но и после Победы, несмотря на многократные просьбы трудящихся, ни один храм в Новороссийске открыт не был.

Примечания

1. Новороссийский городской архив (далее – НГА). Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 579. Л. 44.
2. НГА. Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 339. Л. 50.
3. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 579. Л. 12; Д. 589. Л. 18; Ф. Р-9. Оп. 1. Д. 338. Л. 135, 136; Д. 339. Л. 136.
4. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 579. Л. 57об., 67 – 68.
5. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 193. Л. 19.
6. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 620. Л. 10.
7. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 579. Л. 75.
8. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 674.
9. Журнал Московской патриархии. 1994. N 5. С. 122 – 123
10. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3-х кн./ сост. А.М. Беляев, И.Ю. Бондарь. 2-е изд. Краснодар, 2005. Кн. 1.: Хроника событий 1941 – 1942 гг. С. 319, 341, 342.
11. *Юрина И.* Это было до Малой земли. Новороссийск, 2002. С. 24.
12. Обзор источников выполнен кандидатом исторических наук Т.И. Юриной в книге: Новороссийское противостояние: 1942 – 1943 гг. Краснодар, 2008.
13. *Кринко Е.Ф.* Православная Церковь на Кубани в годы Великой Отечественной войны // Дело мира и любви. Очерки истории и культуры Православия на Кубани / науч. ред. О.В. Матвеев. Краснодар, 2009. С.148.
14. *Санеев С.А.* Церковь рабочих. Краснодар, 2000. С. 28.
15. *Сергель Б.* Пасха Христова в Новороссийске в 1943 году // Родная Кубань. 2005. № 1. С.10.
16. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3-х кн. Кн. 1.: Хроника событий 1941 – 1942 гг. С. 599)
17. *Безыменский Л.А.* Провал операции "Нептун" М., 1980. С. 45, 61
18. *Андрющенко В., Зырянов Ф., Иванов Г.* Подполье на передовой. Краснодар, 1973. С. 138, 139.
19. *Сергель Б.* Указ. соч. С.12.
20. Народный подвиг в битве за Кавказ. М., 1981. С. 262.
21. Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941 – 1945: Рассекреченные документы. Хроника событий: В 3-х кн. Кн. 2.: Хроника событий 1943 год. С. 347.
22. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 691. Л. 20; ГАКК. Ф. Р-897. Оп. 1. Д. 1. Л. 230 -232, подлинник
23. *Сергель Б.* Указ. соч. С.13.
24. *Степко Л.А.* Собрание артиллерийских орудий XVIII – XX веков: Каталог. Новороссийск, 2010. С. 38, 40.
25. Подвиг Новороссийска. Сборник документов и материалов. Краснодар, 1974. С. 98.
26. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 691. Л. 21.
27. На левом фланге. Краснодар, 1971. С. 107.
28. Подвиг Новороссийска. Краснодар, 1974. С. 165, 245; Малолетко Г. "Гвардейцы шли в бой " // На левом фланге М., 1976. С. 213.
29. *Кондратенко Г.Ф.* Танки штурмуют доты. Краснодар, 1981. С. 73; Подвиг Новороссийска. Краснодар, 1974. С. 230.
30. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 691. Л. 4, 9.
31. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 738. Л. 3.

32. *Гордун С.* Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год // Журнал Московской патриархии. 1983. № 1. С. 42.
33. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 690. Л. 14 – 16, 29.
34. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 690. Л. 7 – 9об.
35. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 690. Л. 3.
36. *Кринко Е.Ф.* Указ. соч. С.148.
37. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 690. Л. 8, 36 – 37.
38. Журнал Московской патриархии. 1994. № 5. С. 129
39. Православная церковь на Кубани в годы Великой Отечественной войны – 1945 гг. / под ред. Е.Н. Фаттаховой. Краснодар, 2005. С. 108.
40. Журнал Московской патриархии. 1993. № 1. С. 11.
41. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 690. Л. 4.
42. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 798. Л. 2.
43. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 785, протокол № 30.
44. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 797. Л. 23.
45. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 798. Л. 29.
46. НГА. Ф. Р-8 Оп. 1. Д. 798. Л. 26; Д. 807. Л. 1.
47. НГА. Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 798. Л. 32.

В.П. Громов

К вопросу о вкладе современного кубанского казачества в межнациональное согласие на Северо-Западном Кавказе

Среди казачьих войск России к началу XX века только два, Кубанское и Терское, назывались ещё Кавказскими по территории региона расселения. Формирование и заселение Северного Кавказа в конце XVIII – XIX вв., диктовались внешнеполитическими и внутриполитическими интересами Российской империи. Необходимо было не только закрепить территории, присоединённые к России в результате войн с Турцией и Персией, но и хозяйственно освоить регион. Длительная Кавказская война проявлялась в постоянных столкновениях казаков с горцами, набегах на казачьи станицы. Но это было время и заимствований в результате контактов того рационального, что было создано живущими бок о бок народами. Казаки оказались достойными учениками горцев в мастерстве джигитовки, владении холодным оружием, заимствовали наиболее удобную для военного быта одежду горцев – черкеску, ставшую национальным костюмом не только горцев, но и казаков Кавказа.

Уже во второй половине XIX – начале XX в., горцы добровольно служили в русской армии. Особенно отличились горцы, когда в годы I Мировой войны из добровольцев была сформирована Туземная («Дикая») дивизия. В целом, к этому времени казаки и горцы, проживая рядом, накопили огромный опыт совместного бытия, познавая и заимствуя культуру и традиции друг друга.

Общность исторических судеб казаков и горцев, трагические и героические будни, совместная борьба и подвиги в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. и в послевоенные годы сформировали условия межнационального согласия, мира и добрососедства. Целые поколения советских граждан были воспитаны в духе интернационализма и дружбы. Однако в 90-е годы прошлого столетия в СССР произошли важные изменения в общественно-политической системе, приведшие к развалу огромной страны.

Процесс демократизации общества создал условия для возникновения различного рода национальных общественных организаций в республиках Северного Кавказа. Это были культурно-просветительские, религиозные, национальные организации, которые приобретали массовый характер и оказывали влияние на слабеющие органы государственной власти.

Народы Северного Кавказа в это время переживают подъём национального самосознания. Одновременно начинается возрождение кубанского казачества. Первоначально это вызвало непонимание, тревогу и озабоченность властей и общественных организаций Краснодарского края, Адыгеи и Карачаево-Черкесии. Поэтому уже на этапе подготовки Первого съезда кубанского казачества летом 1990 года руководители оргкомитета повстречались с представителями Адыге-Хасэ Республики Адыгея, рассказали о целях и задачах возрождения казачества и встретили понимание и поддержку. Во многом благодаря тому, что казачество заявило о своем стремлении к этно-культурному возрождению, не претендуя ни на какие

льготы и привилегии, присущие дореволюционным сословиям. Тревогу по поводу начавшегося возрождения кубанского казачества высказал Председатель Краснодарского краевого Совета народных депутатов Н.И.Кондратенко: «Так вы же с горцами резню устроите». И ошибся.

Руководство кубанского казачества и национальные общественные организации отдавали отчёт в делах, словах и поступках, осознавая ответственность за сохранение межнационального согласия и стабильности в регионе. На Первом съезде кубанских казаков председатель Адыге-Хасэ профессор А.Схалыхо приветствовал делегатов. Тем не менее, в определённой части горского общества, под воздействием взглядов радикальных историков и интеллигенции звучали призывы пересмотреть итоги и последствия Кавказской войны, высказывались обвинения в адрес нынешнего поколения казаков. В августе 1991 года в ауле Кошехабль (Адыгея) состоялся Форум общественности Республики Адыгея, на котором всё собрание единогласно поддержало этнокультурное возрождение кубанского казачества. Эти цели были сформулированы в Декларации российского казачества [Приложение 1], принятой в Краснодаре Советом атаманов Союза казаков в ноябре 1990 года, а затем было закреплено в Законе «О реабилитации репрессированных народов» в апреле 1991 [Приложение 2], а также законом Краснодарского края «О реабилитации кубанского казачества» [Приложение 3]. Кубанское казачество поддержало устремление народов Адыгеи и Карачаево-Черкесии повысить статус своих национальных образований до уровня республик, без каких-либо конфликтов и напряжённости эти образования вышли из состава Краснодарского и Ставропольского краёв. Однако осложнилась обстановка в Карачаево-Черкесии. Там националистические элементы высказывались за создание самостоятельных республик – Черкесии и Карачая. Вся Россия находилась в сложной ситуации: то здесь, то там возникали очаги напряжённости. Проходили съезды различных народов, принимались резолюции и требования, ставящие государство на грань развала. Осознавая, что всякое образование нового субъекта приведёт к пересмотру границ и неминуемо приведёт к межнациональному конфликту, и в него будут втянуты казаки, там проживающие, руководство Кубанского казачества сразу же высказалось за сохранение единой Карачаево-Черкесии.

Осенью 1991 года атаман кубанского казачества в ст.Зеленчукской встретился с руководством Карачаево-Черкесии, главами районов, станиц и хуторов, старейшинами и духовными лидерами, атаманами, казаками и обсудил сложившуюся ситуацию. В конечном счете, удалось сохранить единство республики и, пусть ненадолго, межнациональное согласие. Также ответственно за судьбу мира и меж-национальное согласие выступило руководство кубанского казачества на встрече с секретарем Совета безопасности РФ Борисом Березовским. В ноябре 1995 года в Пятигорске состоялась встреча атаманов Казачьих войск Юга России с Б.Березовским, на которой он призвал казаков вооружаться и обещал выдать 30 тысяч карабинов казакам. Лишь атаман Кубанского казачества дал этому предложению оценку как провокации, несущей угрозу межнациональному согласию в регионе и территориальной целостности страны.

В условиях начавшихся военных действий в Чечне, ситуация на Северном Кавказе еще более осложнилась. Федеральный центр вообще не имел серьезной кадровой и национальной политики и проявлял свою некомпетентность. Начался массовый исход русского и казачьего населения из северокавказских республик. Практически Северный Кавказ был предоставлен самому себе. Спасали единство региона, а следовательно и России, такие лидеры, как Н.И.Кондратенко, А. А. Джаримов, В. И. Хубиев, патриотически настроенные национальные общественные организации, Кубанское казачество. Несмотря на требование федерального центра послать в Чечню воевать казаков-добровольцев, атаман Кубанского казачества категорически отказался это сделать, так как это привело бы к обострению ситуации на Северо-Западном Кавказе.

Установившиеся добрые деловые отношения руководства кубанского казачества с руководителями Адыгеи и Карачаево-Черкесии, общественными организациями этих республик позволили решить вопрос об этническом единстве кубанских казаков, проживающих в трёх субъектах: Краснодарском крае, Адыгее и Карачаево-Черкесии. Устав Майкопского отдела Кубанского казачьего войска был согласован с президентом Адыгеи А.А. Джаримовым, и, в соответствии с Уставом, восстанавливались исторические границы Майкопского отдела. А это – теперешняя территория Республика Адыгея, а также Мостовской, Белореченский и Апшеронский районы Краснодарского края. Это было актом не только доброй воли, но и доверия руководства Адыгеи атаману кубанского казачества. Тем самым Кубанское казачье войско своей структурой скрепляло эти три субъекта.

В мае 1999 года вновь обострилась обстановка в Карачаево-Черкесии. Выборы главы республики привели к обострению отношений между

черкесами и карачаевцами. Федеральный центр оказался не способным контролировать здесь обстановку. Вновь взвешенная позиция кубанского казачества способствовала сохранению единства в республике. Кубанское казачество с самого начала конфликта Абхазии с Грузией стало на сторону абхазского народа и оказывало ему помощь и поддержку. Это ещё более повысило авторитет кубанского казачества в регионе. В мае 2005 года в обстановке угрозы со стороны Грузии, с целью оказать моральную поддержку народу Абхазии, в Сухуми состоялся парад кубанских казаков. Здесь же в состав кубанского войска был принят, созданный из казаков, проживающих в Абхазии, Сухумский отдел. Это событие получило одобрение во всех республиках Северного Кавказа. Важную роль в сохранении межнационального мира играли мероприятия, проводимые Кубанским казачьим войском. Участниками всех их были делегации органов власти и общественности республик. В свою очередь руководство Кубанского казачества выезжало в республики для участия в проводимых там войсковых мероприятиях и торжествах, организованных органами государственной власти. Устанавливались деловые контакты, обсуждались актуальные вопросы жизни казачества и республик.

Особое место в ряду мероприятий, проведённых Кубанским казачьим войском, занимает встреча потомков казаков Георгиевских кавалеров и потомков всадников Дикой дивизии: 18 ноября в Краснодар приехали потомки всадников Дикой дивизии со всего Северного Кавказа – от Абхазии до Дагестана. Мероприятие было посвящено ратной доблести казаков и горцев, воевавших «За Веру, Царя и Отечество» в годы Первой мировой войны (1914 – 1918). По своему эмоциональному накалу не было равных этому событию. Всё это было направлено на укрепление межнационального мира и согласия у нас в регионе.

Таким образом, кубанское казачество всей своей деятельностью способствовало сохранению и укреплению межнационального мира, территориальной целостности государства, дружбы среди народов Северо-Западного Кавказа.

Приложение 1

Декларация казачества России

30 июня 1990 г. г. Москве состоялся Большой Учредительный Круг (съезд) Союза казаков - добровольного общественного объединения представителей казачьих краев, областей и отделов.

Главная цель нашей организации — историческое, духовное, культурное, хозяйственное возрождение самобытного народа, корни которого, тесно переплетаясь с судьбами великороссов» малороссов, некоторых народов Северного Кавказа уходят в глубокую древность.

Казачество всегда играло особую роль в истории Российского Государства, защищая его южные и восточные рубежи. В ходе многовековых контактов с сопредельными народами казачество образовало своеобразную буферную республику, соединившую восток и Запад не только сетью застав но и многочисленными кунацкими связями, знанием и почитанием культуры, традиций и обычаев соседних народов. В казачество добровольно входили многие национальные формирования. К 1917 году казачество имело не только культурную, но и экономическую, военную, административную самостоятельность в рамках Российского государства.

Трагически сложилась судьба казаков в послереволюционные годы. Несмотря на стремление сохранить» нейтралитет в период революции и гражданской войны, казачестве усилиями Свердлова, Троцкого, Орджоникидзе и других неистовых переустроителей мира подверглось жесточайшему геноциду. Станичники сотнями и тысячами вырезались под корень, расказачивались и раскулачивались, выселялись за Урал, вынуждены были покидать Отечество. После гражданской войны многие казачьи области незаконными декретами Совета Народных Комиссаров и ВЦИК были оторваны от России и переданы в состав других республик, автономных образований, это земли Уральского, Сибирского, Оренбургского, Семиреченского войск, многие районы Терского казачьего войска, области Войска Донского, Кавказской линии, Кубани и Верхней Кубани.

Геноцид и лишение народа своей исторической Родины, начатые с 1918 года, продолжались в 30 – 40-е годы, были усугублены хрущевской раздачей казачьих территорий в 1957 году (Указы Президиума Верховного Совета РСФСР № 724/4 и № 72114. Последним Указом, не спросив мнение Ногайского народа и Терского казачества, исконные казачьи и ногайские земли разделили между Дагестаном, Чечено-Ингушетией, Кабардино-Балкарией, Северной Осетией и Ставропольским краем. Все эти преступные акты должны быть отменены.

Трагедия казачества не закончилась и ныне, в связи с принятием деклараций о суверенитете Казахстаном, Украиной, рядом республик Северного Кавказа казаки Урала, Иртыша. Семиречья,

Верхней Кубани, Майкопского отдела, Терека и Сунжи на своей земле становятся изгоями и вынуждены уезжать в другие регионы страны или влачить жалкое существование так называемого «некоренного народа». Неоднократное обращение как в местные органы власти, так и в Верховные Советы СССР, союзных и автономных республик были практически проигнорированы. Казаки первыми перенесли все ужасы геноцида, не были включены в список реабилитируемых народов.

Приложение 2

Закон о реабилитации репрессированных народов

Обновление советского общества в процессе его демократизации и формирования правового государства в стране требует очищения всех сфер общественной жизни от деформации и искажения общечеловеческих ценностей. Оно создало благоприятные возможности по реабилитации репрессированных в годы советской власти народов, которые подвергались геноциду и клеветническим нападениям.

Политика произвола и беззакония, практиковавшаяся на государственном уровне по отношению к этим народам, являлась противоправной, оскорбляла достоинство не только репрессированных, но и всех других народов страны. Ее трагические последствия до сих пор сказываются на состоянии межнациональных отношений и создают опасные очаги межнациональных конфликтов.

Опираясь на международные акты, Декларацию Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 года «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав», постановления съездов народных депутатов РСФСР, а также действующее законодательство РСФСР и СССР, закрепляющее равноправие советских народов, и стремясь к восстановлению исторической справедливости, Верховный Совет РСФСР провозглашает отмену всех незаконных актов, принятых в отношении репрессированных народов, и принимает настоящий Закон об их реабилитации.

Статья 1. Реабилитировать все репрессированные народы РСФСР, признав незаконными и преступными репрессивные акты против этих народов.

Статья 2. Репрессированными признаются народы (нации, народности или этнические группы и иные исторически сложившиеся культурно-этнические общности людей, например, казачество), в отношении которых по признакам национальной или иной принадлежности проводилась на государственном уровне политика клеветы и геноцида, сопровождавшаяся их насильственным переселением, упразднением национально-государственных образований, перекраиванием национально-территориальных границ, установлением режима террора и насилия в местах спецпоселения.

Статья 3. Реабилитация репрессированных народов означает признание и осуществление их права на восстановление территориальной целостности, существовавшей до антиконституционной политики насильственного перекраивания границ, на восстановление национально-государственных образований, сложившихся до их упразднения, а также на возмещение ущерба, причиненного государством.

Реабилитация предусматривает возвращение народов, не имевших своих национально-государственных образований, согласно их волеизъявлению, в места традиционного проживания на территории РСФСР.

В процессе реабилитации репрессированных народов не должны ущемляться права и законные интересы граждан, проживающих в настоящее время на территориях репрессированных народов.

Статья 3.1. На граждан из числа репрессированных народов, подвергшихся репрессиям на территории Российской Федерации по признакам национальной или иной принадлежности, распространяется действие Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» (ст. 3.1 введена Законом РФ от 01.07.93 №5303-1).

Статья 4. Не допускается агитация или пропаганда, проводимые с целью воспрепятствования реабилитации репрессированных народов. Лица, совершающие подобные действия, а равно подстрекающие к ним, привлекаются к ответственности в установленном законом порядке.

Статья 5. Восстановление и изменение национально-государственных образований репрессированных народов осуществляются на основе законодательного регулирования межнациональных отношений.

Статья 6. Территориальная реабилитация репрессированных народов предусматривает

осуществление на основе их волеизъявления правовых и организационных мероприятий по восстановлению национально-территориальных границ, существовавших до их антиконституционного насильственного изменения.

Для осуществления территориальной реабилитации в необходимых случаях может устанавливаться переходный период. Решение об установлении переходного периода и восстановлении национально-территориальных границ принимается Верховным Советом РСФСР.

Статья 7. Политическая реабилитация репрессированных народов, ранее имевших свои незаконно упраздненные национально-государственные образования, предусматривает восстановление этих образований в порядке, установленном статьей 6 настоящего Закона.

Статья 8. Политическая реабилитация репрессированных народов, не имевших своих национально-государственных образований, означает их право на свободное национальное развитие, возвращение в места прежнего проживания на территории РСФСР, обеспечение им равных с другими народами возможностей в осуществлении своих политических прав и свобод, гарантированных действующим законодательством.

Статья 9. Ущерб, причиненный репрессированным народам и отдельным гражданам со стороны государства в результате репрессий, подлежит возмещению.

Порядок возмещения ущерба реабилитированным народам и отдельным гражданам устанавливается законодательными актами Союза ССР, РСФСР и республик, входящих в состав РСФСР.

Возмещение ущерба реабилитированным народам и отдельным гражданам осуществляется поэтапно за вычетом в денежном выражении компенсаций и льгот, полученных гражданами на основании Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» (в ред. Закона РФ от 01.07.93 №5303-1) (см. текст в предыдущей редакции).

Статья 10. Социальная реабилитация репрессированных народов означает, что гражданам, подвергшимся репрессиям, время их пребывания в спецпоселениях (местах ссылки) засчитывается в стаж в тройном размере. В связи с этим предусматривается также увеличение размера пенсий по возрасту за каждый год работы с учетом периодов, предусмотренных Законом РСФСР «О пенсионном обеспечении граждан в РСФСР».

Статья 11. Культурная реабилитация репрессированных народов предусматривает осуществление комплекса мероприятий по восстановлению их духовного наследия и удовлетворению культурных потребностей.

Это означает также признание за репрессированными народами права на возвращение прежних исторических названий населенным пунктам и местностям, незаконно отторгнутым у них в годы советской власти.

Статья 12. Все акты союзных, республиканских и местных органов и должностных лиц, принятые в отношении репрессированных народов, за исключением актов, восстанавливающих их права, признаются неконституционными и утрачивают силу.

Статья 13. Особенности применения настоящего Закона по отношению к репрессированным народам, проживающим и проживавшим на территории Российской Федерации, регулируются отдельными законодательными актами РСФСР, принимаемыми по отношению к каждому репрессированному народу.

Председатель Верховного Совета РСФСР Б.ЕЛЬЦИН
Москва, Дом Советов РСФСР. 26 апреля 1991 года. №1107-1

Приложение 3

Закон Краснодарского края «О реабилитации Кубанского казачества»

Исходя из требований Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в целях реабилитации кубанского казачества, расширения возможностей самореализации казачества в различных сферах государственного строительства, совместной деятельности, развития самоуправления, культуры, восстановления специфики традиций, обычаев и быта Законодательное собрание Краснодарского края устанавливает:

Статья 1. На основании Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» признать кубанское казачество реабилитированными, а репрессивные акты в отношении кубанского казачества незаконными и преступными.

Статья 2. Признать основными репрессивными мерами в отношении кубанского казачества:

- насильственное переселение, депортацию и другие меры, вызывающие нарушение этнического единства кубанского казачества;
- прекращение самостоятельного представительства кубанского казачества в органах государственной власти и на местах;
- ликвидацию традиционных форм подготовки, обучения и несения воинской службы;
- разрушение казачьего социально-экономического уклада жизни, духовного наследия и лишение возможности удовлетворения самобытных культурных потребностей.

Статья 3. Реабилитация кубанского казачества означает признание осуществление права кубанских казаков на восстановление этнического единства, участие в государственном управлении Краснодарским краем в соответствии с федеральным законодательством, в самоуправлении, на развитие социально-экономического уклада, бытовой и духовной культуры.

Статья 4. Установить, что кубанскими казаками признаются граждане Российской Федерации и других государств, относящие себя к прямым потомкам кубанских казаков.

Статья 5. Восстановление этнического единства кубанского казачества означает право кубанских казаков возвращаться в Краснодарский край, выбирать место пребывания и жительства в порядке, определенном законодательством Российской Федерации и Краснодарского края.

Кубанские казаки — граждане иностранных государств, приобретают указанное право с момента получения российского гражданства.

Статья 6. Принадлежность к кубанскому казачеству для лиц, прибывающих на территорию Краснодарского края для проживания, подтверждается в судебном порядке.

Статья 7. В целях самоорганизации и восстановления этнических связей кубанского казачества устанавливается право кубанских казаков на создание краевого казачьего этнического общества в соответствии с Указами Президента Российской Федерации от 15.06.92 №632 «О мерах по реализации Закона Российской Федерации «О реабилитации репрессированных народов» в отношении казачества» и от 09.08.95 N 835 «О государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации».

Статья 8. Устав краевого кубанского казачьего этнического общества принимается на собрании кубанского казачества и утверждается главой администрации Краснодарского края.

Статья 9. На территории Краснодарского края может быть создано только одно краевое кубанское казачье этническое общество.

Казачьи общественные объединения создаются в соответствии с Федеральным законом «Об общественных объединениях».

Статья 10. Избранный на собрании кубанского казачества глава краевого кубанского казачьего этнического общества именуется атаманом кубанского казачества и представляет кубанских казаков внутри страны и в неправительственных международных отношениях.

Статья 11. Культурная реабилитация кубанского казачества предусматривает осуществление комплекса мероприятий по восстановлению духовного наследия и удовлетворению культурных потребностей.

В краевом бюджете могут предусматриваться ассигнования для финансирования духовного и культурного возрождения казачества, включающих разработку и внедрение в учебный процесс общеобразовательных школ и вузов края, курсов по истории и культуре казачества, открытие специальных учебных заведений для детей казаков, строительство музеев, центров культуры, проведение культурных мероприятий.

Статья 12. В целях развития социально-экономического уклада кубанского казачества и перехода на самофинансирование органы государственной власти края и органы местного самоуправления могут оказывать необходимую финансовую и материальную поддержку краевому кубанскому казачьему этническому обществу и местным казачьим этническим обществам путем освобождения от налогообложения прибыли от хозяйственной и иной деятельности.

Статья 13. Установить памятную дату Краснодарского края «День реабилитации кубанского казачества» 26 апреля ежегодно.

Глава администрации Краснодарского края Е.М.ХАРИТОНОВ

Краснодар, 9 октября 1995 года №15-КЗ

Список сокращений

АЖ – Археологический журнал. Армавир
АКМ – Армавирский краеведческий музей
АО – Археологические открытия
ГАКК – Государственный архив Краснодарского края
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГАСК – Государственный архив Ставропольского края
ИАА – Историко-археологический альманах. М.-Армавир
МИАСК – Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа
НГА – Новороссийский городской архив
РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания
ЦДНИКК – Центр документации новейшей истории Краснодарского края

Сведения об авторах

Акулич Нелли Евгеньевна – преподаватель гимназии №93

(г. Краснодар)

Андруха Светлана Ивановна – преподаватель высшей категории Краснодарского политехнического техникума

(г. Краснодар)

Атаев Артур Викторович – к. полит. н., старший научный сотрудник Российского института стратегических исследований (г. Москва)

Бамбурина Ирина Владимировна – главный специалист Архивного отдела администрации муниципального образования г. Армавир

Берендюков Борис Николаевич – краевед, подъесаул ККВ, член правления Лабинского отдела ККВ, член совета Фонда культуры кубанского казачества «Линеец» (г. Армавир)

Бровко Александр Михайлович – краевед (ст. Бесскорбная)

Гамиёв Андрей Иванович – историк, учитель средней школы №20 ст. Удобной Отрадненского района

Голубев Лазарь Эрвандович – к. и. н., археолог РГУ «Государственная инспекция по охране, эксплуатации и реставрации объектов культурного наследия КЧР» (г. Черкесск)

Громов Владимир Прокофьевич – к.и.н., доцент кафедры дореволюционной истории КубГУ, депутат Законодательного собрания Краснодарского края, атаман ККВ (1990 – 2007), казачий генерал (г. Краснодар)

Евсеева Ольга Николаевна – историк, заведующая художественным отделом Отрадненского историко-археологического музея (ст. Отрадная)

Емельянов Олег Борисович – к.и.н., доцент (г. Георгиевск)

Ерёмичев Николай Евгеньевич – к. ю. н., главный редактор этнического журнала «Казарла», атаман Кубанской казачьей общины г. Москвы

Засухин Роман Валерьевич – к.и.н., научный сотрудник Армавирского краеведческого музея

Зинеева Заида Залимхановна – к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории и археологии Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований (г. Черкесск)

Казанков Владимир Иванович – краевед (ст. Бесскорбная)

Коровин Александр Анатольевич – к.и.н., доцент, профессор РАЕ, зам. директора филиала КубГУ в ст. Отрадной

Корсакова Наталья Александровна – старший научный сотрудник Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына (г. Краснодар)

Кузнецов Владимир Александрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора археологии Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований, Заслуженный деятель науки Северо-Осетинской АССР, Заслуженный деятель науки РСФСР (г. Нальчик)

Кукуян (о. Даниил) Варта́н Григорьевич – к.и.н., доцент, настоятель церкви Свв. Сака и Месропа (г. Краснодар)

Ложкина Ольга Анатольевна – историк-краевед, преподаватель воскресной школы Прихода храма Успения Пресвятой Богородицы (с. Успенское Успенского района)

Лукаш Сергей Николаевич – доктор педагогических наук, профессор Армавирской государственной педагогической академии (г. Армавир)

Лысенко Николай Фёдорович – профессор, директор ГБОУ СПО «Вознесенский техникум пищевых производств»

Лопатин Александр Петрович – зав. отделом археологии, палеонтологии и природы Армавирского краеведческого музея (г. Армавир)

Лопатина Татьяна Евгеньевна – экскурсовод-менеджер турфирмы «Каравелла» (г. Армавир)

Лопатина Надежда Александровна – преподаватель Армавирского лингвистического социального института (г. Армавир)

Малахов Сергей Николаевич – к.и.н., доцент кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии (г. Армавир)

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры дореволюционной истории КубГУ

(г. Краснодар)

Мультатули Петр Валентинович – научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Российского института стратегических исследований (г.Москва)

Немченко Сергей Гариевич – краевед, председатель Отраденской организации РОИА (ст. Отрадная)

Науменко Татьяна Александровна – преподаватель средней школы №10, Заслуженный учитель России (г. Краснодар)

Орёл Лариса Гавриловна – краевед (г. Краснодар)

Петров Владимир Николаевич – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии КубГУ (г. Краснодар)

Петрова-Хорина Нианила Николаевна – к.филол. н., профессор кафедры журналистики и издательского дела Кубанского социально-экономического института (г. Краснодар)

Поверенная Ольга Ивановна – доцент кафедры социальной работы, психологии и педагогики факультета управления КубГУ (г. Краснодар)

Пучин Вадим Константинович – краевед

Романова Галина Борисовна – историк, аспирант Ставропольского государственного университета (г. Минеральные Воды)

Савельев Владимир Александрович – к.и.н., старший преподаватель кафедры истории России Армавирской государственной педагогической академии

Санеев Сергей Александрович – историк-краевед, секретарь Новороссийского городского исторического общества (г. Новороссийск)

Семёнов Александр Альбертович – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой гуманитарных дисциплин Армавирского механико-технологического института – филиала КубГТУ (г. Армавир)

Слащёв Василий Сергеевич – к.э.н., экономист (г. Алматы, Республика Казахстан)

Спиридонова Евгения Сергеевна – студентка филиала КубГУ в ст. Отрадной

Телепень Сергей Валерьевич – к.и.н., доцент кафедры истории Мозырского государственного педагогического университета им. И.П.Шамякина (г. Мозырь, Республика Белоруссия)

Тёр Виктор Васильевич – журналист, обозреватель районной газеты «Степные зори», Заслуженный журналист Кубани (ст. Ленинградская)

Тёр Евгений Викторович – к.и.н., заместитель директора средней школы №13 ст. Ленинградской

Филиппов Станислав Кириллович – писатель, член Союза российских писателей, Заслуженный работник культуры Кубани (г. Краснодар)

Хлудова Людмила Николаевна – к.и.н., доцент кафедры всеобщей и региональной истории Армавирской государственной педагогической академии (г. Армавир)

Яковлев Сергей Юрьевич – к.и.н., начальник Архивного отдела администрации муниципального образования г. Армавир

Якубов Виталий Васильевич – научный сотрудник Лабинского музея истории и краеведения им. Ф.И. Моисеенко (г. Лабинск)

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ПОУРУПЬЯ

Выпуск I

**Ильичёвское городище
как памятник средневековой археологии
и церковной архитектуры**

**Материалы краевой научной конференции,
посвящённой 50-летию открытия и изучения
Ильичёвского городища
(Станица Отрадная, 9-10 августа 2012 г.)**

Издательско-полиграфическое предприятие:
ИП Шурыгин Виталий Евгеньевич
г. Армавир, ул. Каспарова, 7. Тел.: (86137) 7-56-96, (928) 2954-928.
E-mail: vitalii_shurygin@mail.ru

Подписано в печать: 21.07.2012 г. Формат 60х90/16.
Гарнитура Times. Бумага офсетная. Тираж 200 экз.
Печать трафаретная цифровая. Усл.печ.л. 18,6. Уч.изд.л. 18,8.